

*С днем рождения,
товарищ комсомолец!*

**БАМ: БИОГРАФИЯ
КОМСОМОЛЬСКОГО
ПОКОЛЕНИЯ.**

**КРАСОТА
ЮНОСТИ.**

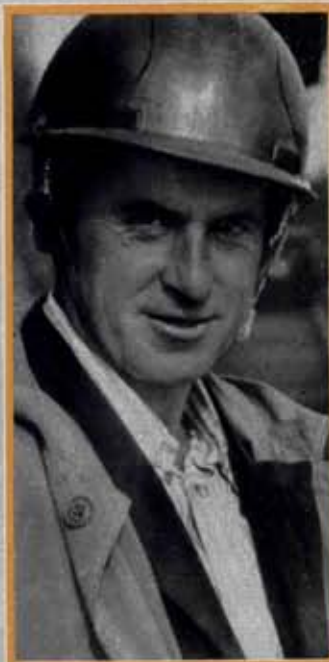
№ 20 (1378) октябрь 1984

СМЕНА

ДЕСЯТЬ ЛЕТ ОНИ ШЛИ К ЭТОМУ ДНЮ. ЧЕРЕЗ ТАЙГУ, ГОРНЫЕ ХРЕБТЫ, БОЛОТА, НАЛЕДИ, БОЛЬШИЕ И МАЛЫЕ РЕКИ. ШЛИ И ОСТАВЛЯЛИ ПОСЛЕ СЕБЯ СТАНЦИИ, ПОСЕЛКИ, ГОРОДА. НО ГЛАВНОЕ — РЕЛЬСЫ. ДЕСЯТЬ ЛЕТ ОНИ МЕЧТАЛИ О ТОМ, КАК НЕВИДАННО ОГРОМНАЯ СТРОЙКА, РАЗВЕРНУВШАЯСЯ НА ТРЕТИ ТЕРРИТОРИИ НАШЕЙ СТРАНЫ, СОЕДИНИТСЯ В ЕДИНУЮ МАГИСТРАЛЬ. ВСПОМНИМ ВЕХИ ЭТОГО ГИГАНТСКОГО ПО СВОИМ МАСШТАБАМ ПУТИ: ЛЕНА, ЗВЕЗДНЫЙ, ТЫНДА, МАГИСТРАЛЬНЫЙ, СЕВЕРОБАЙКАЛЬСК, УРГАЛ, ТАКСИМО, КУНЕРМА, КОДАР, КУАНДА... ЭТО НЕ ПРОСТО НАЗВАНИЯ, ЭТО ГЛАВЫ ИСТОРИИ ВЕЛИЧАЙШЕГО В МИРОВОЙ ПРАКТИКЕ ПРЕОДОЛЕНИЯ, ВЕЛИЧАЙШЕГО МУЖЕСТВА ТЫСЯЧ И ТЫСЯЧ ЛЮДЕЙ. БАМ СТАЛ ЭКЗАМЕНОМ ДЛЯ ЛЕНИНСКОГО КОМСОМОЛА, ЭКЗАМЕНОМ НА ГРАЖДАНСКУЮ ЗРЕЛОСТЬ, ЭКЗАМЕНОМ СТРОГИМ, ОТВЕТСТВЕННЫМ, БЕСКОМПРОМИССНЫМ. И СЕГОДНЯ МЫ МОЖЕМ СКАЗАТЬ: ЭТОТ ЭКЗАМЕН СДАН. ЛЮДИ ПОСТРОИЛИ ТРАССУ. И ТРАССА ВОСПИТАЛА МНОГОТЫСЯЧНЫЙ СПЛОЧЕННЫЙ, ОРГАНИЗОВАННЫЙ КОЛЛЕКТИВ, МОГУЧИЙ СВОИМ ЕДИНСТВОМ, ЗАКАЛКОЙ, ОПЫТОМ. НАШ РАССКАЗ О СТРОИТЕЛЯХ, О ТРОИХ ИЗ ТЫСЯЧ. О ТЕХ, КТО БЫЛ ВПЕРЕДИ. НАШ РАССКАЗ О ТЕХ, КТО ЧЕРЕЗ ДЕСЯТИЛЕТИЕ ПРОНЕС С ЧЕСТЬЮ ЗВАНИЕ КОМАНДИРОВ УДАРНЫХ КОМСОМОЛЬСКИХ ОТРЯДОВ, О ТЕХ, КОМУ ПОСЧАСТЛИВИЛОСЬ НАЧИНАТЬ БАЙКАЛО-АМУРСКУЮ И ПРОВЕСТИ ЕЕ ДО ГЛАВНОГО «ЗОЛОТОГО» ЗВЕНА. В СУДЬБАХ ЭТИХ ЛЮДЕЙ — ОТРАЖЕНИЕ СУДЕБ ИХ ПОКОЛЕНИЯ, ДЕРЗНОВЕННОГО, МУЖЕСТВЕННОГО, СТОЙКОГО.

Виктор
ЛАКОМОВ,
командир
Всесоюзного
ударного отряда
имени
XVII съезда ВЛКСМ:
«В напряженной,
трудной работе
мы сплачивались
в коллектив,
прочный духовно,
зрелый
профессионально».

КОМАНДИРЫ

Вячеслав АКСЕНОВ,
командир
Всесоюзного
ударного отряда
имени
XVIII съезда ВЛКСМ
на БАМе:
«Комсомол был
на строительстве
магистрали
инициатором
и проводником
всего нового,
творческого,
вел за собой
молодежь».

Юрий БОЧАРОВ,
командир
Всесоюзного
ударного отряда
имени
XIX съезда ВЛКСМ:
«БАМ стал
жизненной школой
тысяч и тысяч
молодых людей,
их мечтой
и реальностью,
их первой большой
и, может быть,
самой главной
победой».

Александр АФАНАСЬЕВ

Вот они — три бамовских командира. Виктор. Юрий. Вячеслав. Трое из шестисот. Трое из ста тысяч. Шестисот — столько было ребят в первом отряде молодых добровольцев, прибывшем на стройку века.

Сто тысяч их сейчас, строителей магистрали.

Три трое не потерялись. Не стухали. Не растворились. Ни в шести сотнях. Ни в ста тысячах. Их узнавали на протяжении десяти лет. Их знают теперь на всей трассе длиной в три тысячи сто сорок пять километров. От Усть-Кута до Комсомольска-на-Амуре. От станции Беркаит до станции БАМ. Хотя, надо признать, не очень-то они работали на собственную популярность, не такие они люди.

Три командира. Какие же они — трое из первых шестисот?

Это сейчас мы можем думать о них просто и однозначно. Простота и однозначность оплачены неимоверным сопротивлением будней десятилетия. Десятилетия преодоленного и отработанного. Десятилетия, прочно прошитого дорожными костылями — изредка «золотыми» и «серебряными», а куда чаще — костылями сурового, рядового достоинства.

Тогда же, весной семьдесят четвертого, никто и не думал, что в специальном поезде № 14, следующем необычным маршрутом из Москвы, на верхних и нижних полках, болтая ногами и смеясь, едут будущие знаменитости БАМа. «Потребовались годы, чтобы каждому показать себя, нам всем рассмотреть друг друга, — говорил, вспоминая то время, Лакомов. — Тогда все мы были очень похожи: Володя Мучицын и Юра Бочаров, Тоня Голянова и Слава Аксенов... Разве чем отличался один от другого, так только именами да еще маленько чертами характера. Один чуть веселее, другой чуть настырнее...»

Чуть старше других — так можно сказать о первом командире. За плечами у Лакомова была уже не одна стройка. Последняя перед БАМом — дорога Хребтовая — Усть-Илимская. Именно за досрочный ее ввод в эксплуатацию бригадир монтеров пути Лакомов удостоился звания Героя Социалистического Труда. А через несколько месяцев после радостного события решением ЦК ВЛКСМ он был утвержден командиром Всесоюзного ударного комсомольского отряда имени XVII съезда ВЛКСМ.

Лакомов уезжал на БАМ командиром. Бочаров — рядовым и не самым на первый взгляд перспективным бойцом отряда. Аксенова, того и вообще не было в первоначальных списках...

Совсем недавно, в дни, когда Всесоюзный отряд имени XVII съезда ВЛКСМ отмечал свое десятилетие, Виктор Лакомов рассказывал:

«Очень уж романтично попал на БАМ Слава Аксенов, это поначалу настораживало. Когда он услышал во Владимире о формировании отряда, было уже поздно. Но последнюю путевку в комитете комсомола ему все же забрать удалось. На следующий же день он был в Москве, не успев даже предупредить родителей. Но в столице ему ответили, что отряд сформирован, надежд никаких. Тогда Слава стал «штурмовать» ЦК ВЛКСМ и штаб отряда, умоляя отправить хотя бы за свой счет. Аксенов победил. Ладно, сказали ему, езжай, но только без формы и на третьей полке. Так он прибыл в нашу бригаду».

Ну, а мотивы? По каким мотивам делался выбор? И вообще кто эти люди, стремившиеся в ту пору на БАМ?

«В этом году мы оканчиваем десятилетку, и перед нами встал вопрос дальнейшей жизни. Как только мы узнали о начале строительства Байкало-Амурской магистрали, то все решили поехать туда, так как знаем, что нужна стране магистраль. Комсомольцы Кар-

**ВСЕСОЮЗНЫЕ УДАРНЫЕ.
ОТ КРЕМЛЕВСКОГО
ДВОРЦА СЪЕЗДОВ
НАЧИНАЛСЯ ИХ МАРШРУТ
НА КРУПНЕЙШИЕ СТРОЙКИ
СОВРЕМЕННОСТИ.**

погорской средней школы Архангельской области».

«Управляющему, начальнику или директору Байкало-Амурской железнодорожной магистрали от Мартиросяна А. А. Заявление. Пришел к выводу, что необходимо и мне откликнуться на призыв партии и правительства. Краткая характеристика: Мартиросян Арменак Арутюнович, 1925 года рождения, по национальности армянин, член КПСС, женат, имею троих детей. Участник Великой Отечественной войны. По профессии — бухгалтер... Могу работать плотником, маляром и на других должностях».

А вот какое письмо пришло однажды в бригаду Лакомова: «Я живу в Ростове-на-Дону, зовут меня, как и бригадира с БАМа, Витей. И я хочу заявить: мне удалось уже скопить 6 рублей 79 копеек, и по весне двину в Сибирь, к вам в бригаду. Нам на сборе пионервожатый рассказал про то, как вы дорогу строите. Я могу быть поваром, охотником, следопытом. Сообщите, если нет у вас, товарищ бригадир, ружья охотничьего, могу раздобыть по случаю».

Разные они, те, кого собирала дорога. Одному надо было дожить до тридцати, а то и до сорока, чтобы понять: все предыдущие годы — только черновик, только подступ к главной теме жизни. А другой норовил попасть на эту стройку прямо со страниц школьного сочинения.

«Позвала в дорогу романтика». Виктор Лакомов не очень-то верил тем, кто так отвечал на вопрос, что же привело его на стройку. Почему? Да потому, что в биографии Виктора был не только апрельский знаменательный день, когда он принял на свои плечи бремя ответственности за Всесоюзный отряд. Его неширокие и на вид несильные плечи до того перетаскали немало тяжестей в переносном и в буквальном смысле. А его неспешные руки отломали свое и на дороге Абакан — Тайшет, и на Братском лесопромышленном комплексе, и на Хребтовой — Усть-Илимской, и даже на строительстве железной дороги в Чили, куда он ездил во времена правительства Народного единства. На ЛПК Лакомов работал пять лет. За пять лет пять профессий: плотгон, монтажник, плотник, бетонщик, слесарь.

А теперь приплюсуйте к тем пяти годам еще восемь: это как раз дорога до Усть-Илимска. Здесь у него уже было 50 человек под началом. А бригадир в первый год строительства дороги всего-то двадцать пять стукнуло.

И вот как он работал в ту пору. Народ — с миру по нитке. Отбора такого, как потом на БАМе, конечно же, не было: не то значение, не тот масштаб. Строить дорогу надо, а как? И так: однажды день простояла бригада без шпал. А чуть ли не в полночь привезли шпалы. Бригадир приказ: «Буди, выводи людей...» А он, Лакомов, всего-то месяц в бригадах ходит. Не стал будить, пошел сам — один всю ночь разгружал. Утром ребята затихли: шпалы-то, что ли, разгружены?.. Кто?

Бригадир промолчал. И все. Без собрания, без оргвыводов и нравочувствий. А прошло несколько дней, и в буран прибыл очередной зшелон со шпалами. Бригадир поднялся. Не кричал, не закричал. Сказал без всяких эмоций: «Шпалы, ребята». И вышел в буран первым.

Что было потом? Разгрузили зшелон. Разгружали уже вместе. И, быть может, тогда впервые употребил Лакомов это хорошее дедовское слово — «семья»... С той поры они «семьей собираются», «семьей решают», «семьей разгружают шпалы»...

Не все выдержали, далеко не все умеют жить семьей. Семья — это что? Это проза в первую очередь, а не поэзия. Боясь фальши в людях, может, потому Виктор Иванович и остерегается излишне разгоряченных телегазетной романтикой?

Впрочем, не он один остерегается. Того же мнения держится и Владимир Мучицын, комиссар первого отряда, правая рука Виктора Лакомова: «Приехать

на БАМ еще не означает стать бамовцем... Вспышки энтузиазма еще недостаточно... Я умею ставить дома... А тут я час шофер, час каменщик, потом час выбиваю кирпич, потому что самые дальновидные плановики не смогли предусмотреть нашего темпа. Ты строитель, рабочий человек, это твоя стройка и твоя дорога. А найдешь дело полегче — будешь делать вещи второсортные. Только у любимого, главного дела нет потолка!»

Бамовец — это не просто звание. Бамовец — уникальная профессия. Вячеслав Аксенов овладевал ею на глазах и с помощью Виктора Лакомова. В своих записках, опубликованных несколько лет назад в «Смене», Аксенов писал о своем учителе и его уроках: «Все, кто с Виктором встречался, обязательно такие его черты подмечали, как скромность, достоинство и высокая порядочность. Он спокойный, сдержанный. Шумным, крикливым никогда не бывает. Глаз точный, профессиональный. Все учтено. Бригаду так расставит, чтобы все загружены были — не перегружены. Он не знает, что это такое: «Давай, давай!» Он работу насквозь видит (хорошо-то как и точно сказано: «Работу насквозь видит» — А. А.), сразу распознает, где добротное, честно сделано, а где суета и показуха. Он сам рабочий, и товарищ, рабочий человек, для него главное...»

В конце июня 1974 года меня избрали группкомсоргом. Не забуду первое собрание бригадное. Состав постоянный уже сложился. И уровень подготовки оказался очень разным. Нас, новеньких, приняли по второму разряду. У Виктора — шестой. У кого в бригаде — третий, у кого — четвертый и пятый разряды. Виктор сказал: «Как будем работать? Каждый на свой разряд? Я предлагаю: все поровну. Не смотреть друг на друга, кто сегодня, а кто завтра лучшим оказался. Каждый как может. И зарплату общую делим на всех».

А ведь мы, те, кто только пришел в бригаду, совсем тогда неопытными были. Это потом появилось умение, пошли солидные разряды. Но ни в какую минуту, даже в самую трудную мы не чувствовали косых взглядов испытанных лакомовских «асов». Нашли друг друга все в бригаде. Чужих не было».

«Чужих не было» потом и у самого Аксенова, когда он возглавил бригаду. «Чужих не было» и у Юрия Бочарова...

Прежде чем отправиться на магистраль, Бочарову пришлось пережить немало. В 82-м, на XIX съезде комсомола, в невысоком ясноглазом командире отряда вряд ли кто мог распознать бывшего «трудного» подростка. А это было. Было неяркое послевоенное детство, колония, отец, пропавший без вести в войну...

Бочаров ехал на трассу совсем не за славой. Ехал он за самим собой. Есть такие натуры — их не умять, не унять. Слишком широки. Слишком резки. Все слишком. Таков Юрий.

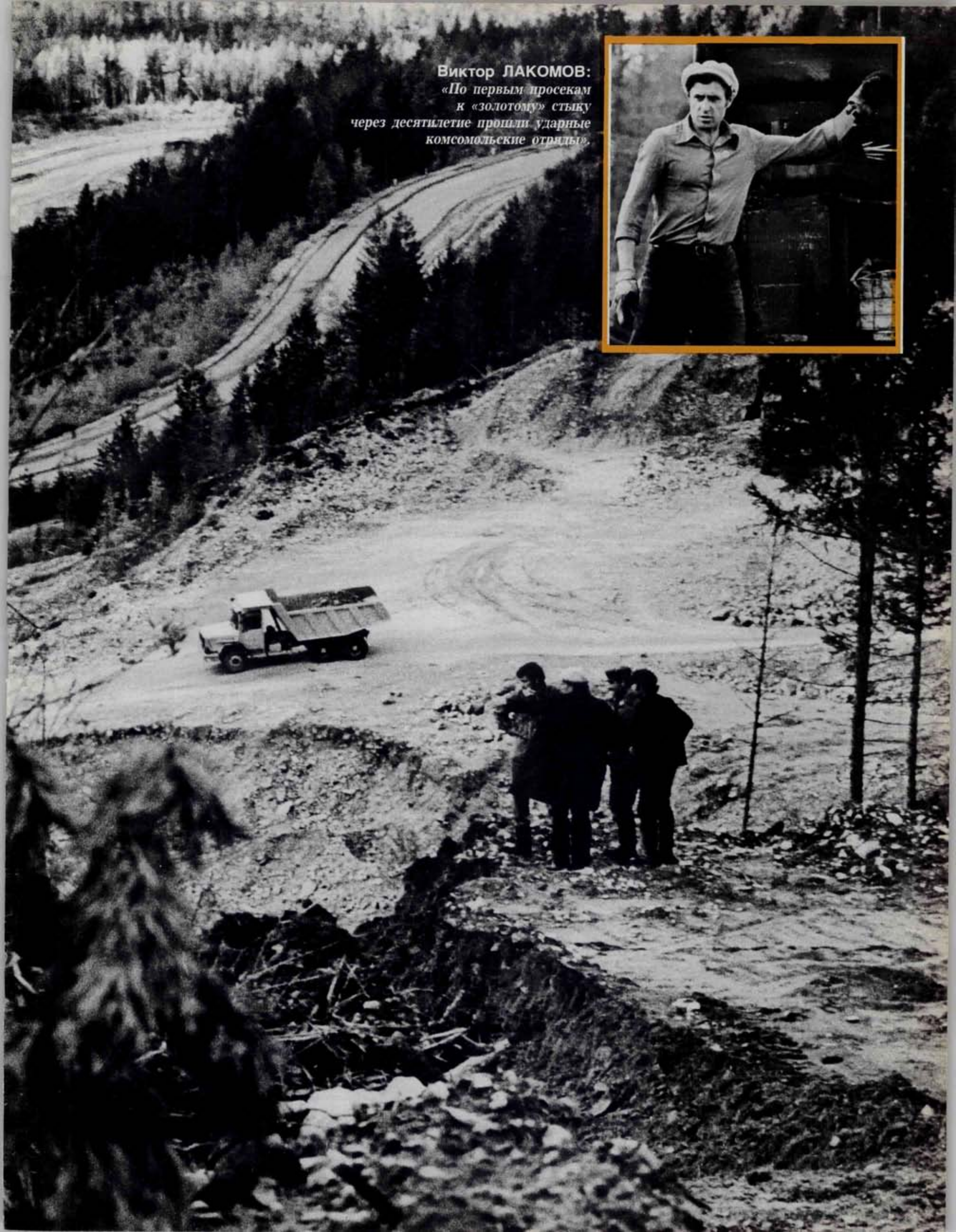
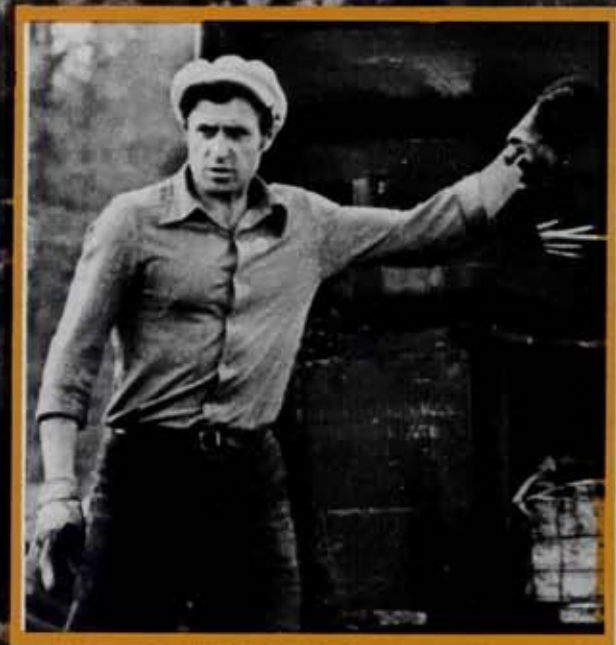
Аксенову в общем-то повезло: почти сразу он попал в крепкую бригаду. Да в какую — в лакомовскую! А Бочаров уехал в Шимановск. Огорчился: придется теперь вкалывать на второстепенном объекте, тогда как товарищи по отряду оказались в самых важных точках строительства.

Но прошло немного времени, и выяснилось, что Шимановск не такая уж глубинка. Шимановск стал одной из крупнейших баз стройиндустрии, без которых дорога никак не могла обойтись. Юра возглавил бригаду монтажников. Работали они так, что вскоре о бригаде заговорили. В газетах — и в местных и центральных — замелькали фотографии теперь уже известных шимановских монтажников-высотников. Одну из таких фотографий я видел недавно в Сьюльбане, в семейном альбоме Бочарова. Юра совсем молодой. Но та же заразительная улыбка. Брезентовый пояс, крупная страховочная цепь: снимок сделан высоко над землей. Ветер треп-

**БУДНИ МАГИСТРАЛИ.
КАЖДЫЙ ДЕНЬ БЫЛ БОЕМ.
НОВЫМ ОТВОЕВАННЫМ У ТАЙГИ
ПЛАЦДАРМОМ.
ПУСТЬ СКРОМНОЙ, НО ПОБЕДОЙ,
И ВСЕГДА ПРОДОЛЖЕНИЕМ
ГЕРОИЧЕСКОЙ ЛЕТОПИСИ БАМа.**

Виктор ЛАКОМОВ:
«По первым просекам
к «золотому» стыку
через десятилетие прошли ударные
комсомольские отряды».

лет светлый бочаровский чуб, еще не седой, как сегодня...

Из воспоминаний первопроходца: «Второго июня 1974 года мы высадились на месте Магистрального. Наконец-то! Появилось чувство удовлетворения, что именно мы будем первыми, как когда-то наши отцы и матери были на Магнитке и в Комсомольске-на-Амуре...»

Комсомольск будет у них рядом географически. Но исторически тоже. Через Амур неподалеку от легендарного города перешагнет самый первый из больших мостов БАМа.

Комсомольск будет рядом... Вот и соединились, спрессовались времена. Надо было стране взяться за столь огромное дело, как БАМ, чтобы комсомольцы семидесятых, работая, сравнивали ревниво: а как там было у них, в тридцатых?

В апреле 1974 года, бережно поддерживая знамя отряда, думал ли Лакомов, что, улетев за тысячи верст, услышит, и узнает, и поразится вдруг сочетанию названий: БАМ—Сталинград—Поворино... И это сочетание окажется не случайным набором слов, причудой железнодорожного расписания.

Он узнает, что большой, 188-километровый отрезок БАМа, построенный успешно накануне войны, работал, воевал позднее на Сталинградском направлении. В 1941-м, летом, осенью, дорога еще перевозила грузы. А в 1942 году бамовцев вызвали в Москву. И сообщили, что необходимо возвести в предельно короткий срок под Сталинградом Волжскую железнодорожную рокаду.

«Есть!»—сказали бамовцы.— Мы готовы к выполнению приказа. Когда выезжать на работы?..» И им объяснили тогда, что нужны не только они сами, но и их дорога. Из этой дороги, из этих рельсов—других у страны нет—и должна быть построена рокада, через нее будут поступать оружие, боеприпасы, продукты в сражающийся Сталинград...

БАМ. Сталинград. Поворино... Поворино—это из тех станций, которую проезжают земляки Виктора.

Неподалеку от такой станции он и родился. И если бы ему суждено было не опоздать, если бы, когда он поступался в двери железнодорожного училища, не набрали уже курс машинистов локомотива, то, как знать, может быть, на одной из этих станций он и жил, на этом бы плече и работал. Усмань, Дрязги, Грязи, Минчуринск. А еще Жердевка, а еще Поворино...

Это так недалеко от Липецка, где Лакомов стал железнодорожным строителем. Это так недалеко от его родного села Нижне-Большого, куда в 1943-м добралось последнее отцовское письмо с фронта. Письмо, теплое, еще шло, а того, кто продиктовал его горячими губами, уже на свете не было...

Фашистским самолетам было до того 188-километрового БАМа не долететь. Но они пытались сокрушить его здесь, под Сталинградом. Днем и ночью, час за часом методично падали и падали бомбы на насыпь, на дорогу, на ее строители.

Но рокаду построили. Соединились рельсы, шедшие от Камышина к Сталинграду, и возникло кольцо Балашов—Поворино. Вооруженные бамовской дорогой, Поворино только за двадцать дней пропустило через себя три сотни паровозов и почти тридцать тысяч вагонов. В этих вагонах летела в Сталинград жизнь, летела победа.

Да, так соединяются эпохи. Так спрессовывается время. И если понятен уже внутренний смысл словосочетания БАМ—Сталинград—Поворино, то не может не быть понятным, что первый приказ, прозвучавший уже здесь, на строительстве Байкало-Амурской магистрали, комсомольцы поняли буквально, не удивившись непривычным для гражданского уха словам: «Идите в десант! Нужны добровольцы!».

Итак, нужны добровольцы. Вспоминает Виктор Лакомов: «Всесо-

юзный отряд высадился в трех точках будущей магистрали: в Звездном, Тынде, Шимановске. Признаться, поначалу я с некоторым недоверием приглядывался к бойцам отряда. Вот отгрелись аплодисменты, прошел первый восторг от таежной экзотики... Не повернут ли домой, поиграв в романтику? Были такие, что повернули: эти затем только и ехали, чтобы потом, через несколько месяцев, взахлеб рассказывать друзьям, как тяжело строить дорогу, как съедает комарье, как волосы по ночам примерзают к подушке... Уехали чуть позже и те, кто ждал после каждого своего шага аплодисментов восхищенного человечества. Были и такие, что жаловались, если случались в магазинах малейшие перебои... с растворимым кофе. Эти тоже не задержались. Уехали—никто не заметил.

Тем внимательнее я присматривался к новичкам. Например, без Славы Аксенова мы вскоре бригаду уже не представляли. Надежность—это, наверное, главное, что можно сказать о нем. В работе, в отношениях, в буднях и праздниках он был одинаково внимателен, терпелив, энергичен. Комсоргом бригады его выбрали единогласно.

За эти годы Слава получил ордена Ленина и «Знак Почета», был избран делегатом партийного съезда, стал лауреатом премии Ленинского комсомола. Женился, у них с Аней растут трое ребятшек. Вот как много успел парень на БАМе. Очень мы жалели, что на подходе к Давану, на завершении Западного участка в 1978 году, Аксенова не было с нами: он, как я за четыре года до этого, возглавил отряд, теперь уже имени XVIII съезда ВЛКСМ. Сейчас Слава бригадирует в Кичере, строит котельную и другие объекты поселка.

Тогда, после комсомольского съезда, бригаде Вячеслава Аксенова снова пришлось начинать с нуля.

Из давнего очерка «Смены»:

«Восемнадцать человек десантировались на берег таежной речушки Душканчанки, разбили лагерь в двадцати километрах от Кичеры и повели на запад и восток просеки под ЛЭП и железнодорожное полотно. Семнадцать из них никогда раньше не были лесорубами, но старались воюю. Они учились в работе. И в первый же месяц вырубил 16 гектаров тайги, почти по гектару на каждого. Это был рекорд, и не многим верилось, что установили его люди, только-только овладевшие топором и бензопилой «Дружба». На просеку приехал Мезенцев, работавший тогда заместителем начальника строительного поезда в Кичере. Сан Саныч внимательно осмотрел просеку, все обмерил и удивился: «У вас же здесь больше, чем показано в наряде!»

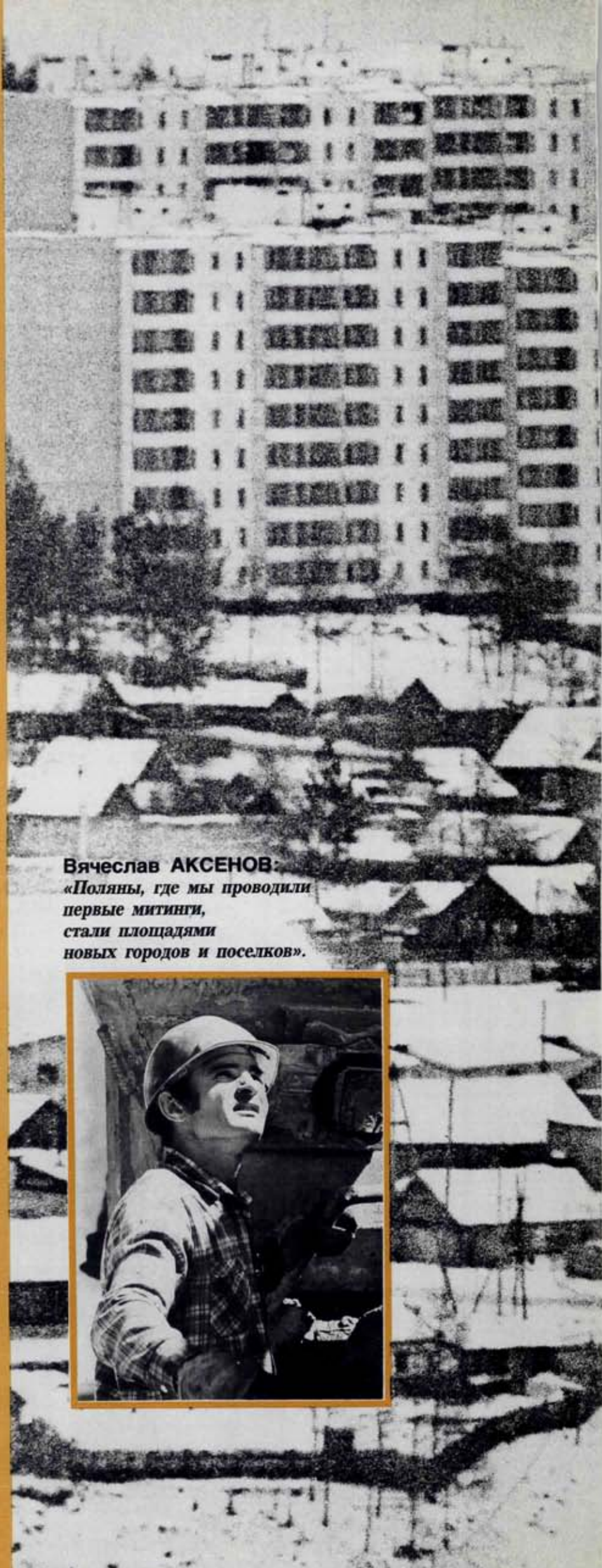
— Мы несколько отступили от проекта и поэтому решили не считать эти «карманы»,—показал бригадир вырубленные квадраты тайги, отходящие от просеки.— Обидно добрый лес сжигать, а здесь его можно сохранить, складировать в «карманах», а появится необходимость—вывезти.

Проектировщики узаконили «карманы».

Из леса, срубленного на просеках и спасенного аксеновцами и другими бригадами, построена сейчас добрая половина поселка.

Все коллективы строителей магистрали соревнуются за право проехать на первом поезде к каждой станции, куда дотянулись стальные рельсы. Четыре раза завоевывали это право и аксеновцы, но использовать его не смогли: они вводили просеку все дальше и дальше, и не было времени на праздники с музыкой тепловозных гудков. И только в родную Кичеру они вернулись из тайги вовремя: бригаде доверили поднять над станцией флаг в честь прибытия первого поезда.

В тайгу уходило семнадцать новичков, плохо знающих и будущую специальность и друг друга, а первый поезд в Кичере встречала бригада, коллектив единомышленников».

Вячеслав АКСЕНОВ:
«Поляны, где мы проводили первые митинги, стали площадями новых городов и поселков».

ТРАССА НЕ ТОЛЬКО ДОРОГА.
ЭТО ГОРОДА, СТАНЦИИ, ПОСЕЛКИ.
СОТНИ НОВЫХ НАЗВАНИЙ ПОЯВИЛИСЬ
НА КАРТЕ СТРАНЫ ВМЕСТЕ
С ПРОНИЗАВШЕЙ ТАЙГУ МАГИСТРАЛЬЮ.
ДЛЯ МНОГИХ МОЛОДЫХ СТРОИТЕЛЕЙ
ОНА СТАЛА ДОМОМ,
ИХ ВТОРОЙ РОДИНОЙ.
А ДОМ ПРИНЯТО ЗДЕСЬ ВОЗВОДИТЬ
НАДЕЖНЫМ, ПРОСТОРНЫМ, КРАСИВЫМ.

Есть какие-то жизненные ситуации, людские поступки, по которым можно, видимо, почти безошибочно определить, с кем имеешь дело.

Однажды случилось, что мы с Юрием Бочаровым оказались в одно время на заседании штаба ЦК ВЛКСМ в Тынде. До той поры я Бочарова не знал, или, точнее, так: знал, но заочно — по газетам, по снимкам.

Они сидели рядом, два командира, два члена штаба ЦК: Виктор Лакомов — его бригада укладывает сейчас вторые пути на трассе Тайшет — Лена — и Юрий Бочаров. Не помню уже сейчас в подробностях, о чем говорил Виктор Иванович, а вот Юрию выступление врезалось в память.

Он не говорил даже, он бросал слова в зал, отрывисто выговаривая их своим высоким, почти мальчишеским голосом.

Лицо его горело. Сияли васильковые глаза, русский, рассыпчатый чуб упал на загорелый лоб... Казалось, что он, Юрий, конечно, готовился к обстоятельному выступлению, даже заранее написал, разложил все по пунктам, но вот сейчас, в эту минуту, представил лишь, как там, в Сьюльбане, его ребята, вооружившись ломом, идут на вечную мерзлоту — и бумажка полетела в сторону, и ровное, сбалансированное выступление было скомкано: Юра стал говорить просто, сильно, ясно. О том, что нельзя спокойно сидеть, дорогие товарищи, когда до стыковки осталось всего-то полгода, нельзя, потому что там, в его Сьюльбане, его отряд, отряд, между прочим, носящий имя XIX съезда комсомола, вынужден простаивать по той простой и бестолковой причине, что не хватает техники...

После заседания ему пробовали объяснить ситуацию. Ему говорили: старик, придет час, не торопи нас и не спеши сам — время придет, и подбросят тебе технику и бульдозеры пригонят и краны, всего у тебя будет под завяз, только работай...

Я запомнил его улыбку — нет, не растерянную, какую-то горькую. Улыбка означала, что он, Бочаров, естественно, все трудности понимает, одного лишь Юра не может и не хочет понять: почему его отряд, его бригада должны сначала стоять, а потом штурмовать, пытаясь наверстать потерянное время?

Этой улыбкой было сказано много, может, даже куда больше, чем словами, брошенными с трибуны. В этой трудной улыбке проглядывало пережитое им десятилетие. С его активированными по случаю мороза днями и с бешеной работой в эти же самые, официально активированные дни. С таежными проливными дождями, больше похожими на артиллерийский обстрел, и с той же самой напряженной работой под дождем, потому что ни дождь, ни снег, ни мороз отменить нельзя, и все это надо было принимать как данность, и надо было при этом работать и еще раз работать...

Но техника?!

Ее нехватку не мог он воспринимать как данность. Он представлял себе, как вернется с пустыми руками и как будут его ребята смотреть ему в глаза.

Он не мог вернуться с пустыми руками. Это означало бы, что он никакой не бригадир и тем более не командир. Это означало бы и больше. Было бы без слов ясно, что Бочаров, не сумев сейчас разрешить проблему, вынужден будет позже называть обыкновеннейший аврал рекордом, а их судорожные усилия — поступком, едва ли не подвигом.

Ему не хотелось врать. А еще ему не хотелось, чтобы надрылись ребята.

Я смотрел на него, смотрел на хмурого Лакомова, который сидел, сцепив узловатые пальцы, рядом с Юрой, и начинал понимать, что в принципе между этими людьми, такими непохожими, есть что-то такое общее, что без ошибки определило выбор: кому быть командиром на громадной, гигантской стройке.

Вспомнилось: Вячеслав Аксенов рассказывал, как в самом, быть может, тяжелом семьдесят четвертом году, когда они еще сражались с тайгой и

укладкой пути в этих местах еще и не пахло, бригадир Виктор Лакомов, собранный и жесткий, вдруг удивил ребят неожиданной мягкостью.

Они рвались вперед. Они валили лес и ставили рекорды. А после работы падали, забываясь в тяжелом и счастливым сне без сновидений.

Так вот, Лакомов, который понимал, что такое порыв и как бригадир нуждался в таком порыве, вдруг сказал им, сначала попросил, а потом приказал, чтобы они прекратили свое геройство.

Они не поняли сначала его, и только много позже, четыре года спустя, Вячеслав Аксенов, сам став бригадиром и командиром, уже не в Звездном, а в Кичере повторит слова Лакомова едва ли не слово в слово.

Перегрузки могут надорвать человека. Были такие случаи на памяти каждого из них, и каждый из них интуицией ли, опытом ли, но постигал, что силы мышц, ума и души не беспредельны и надо уметь их, эти силы, тратить. Тратить так, чтобы был прок, получался результат, а не пустой звук и простое оглашение окрестностей.

Человеческий фактор для них главный. И, однажды приняв это за аксиому, они, эти трое, о которых у нас речь, убедились уже, что при таком трезвом и одновременно сочувственном взгляде на людей будут обязательно и рекорды.

Тогда, в 74-м, в тайге, в окрестностях Звездного, они перекрыли норму.

Тогда, в 78-м, в районе Кичеры, они поставили рекорд.

В 84-м, в Сьюльбане, люди ждали своего командира: что-то он, этот командир, сделает, как поступит?

...Мы летели из Тынды в одном вертолете с Бочаровым. Шум, и грохот, и завывание напрягшегося винта не давали говорить нормально, и потому вместо ответа на вопрос, удалось ли ему пробить технику, Юра поднял вверх два больших пальца. Один означал собой кран, другой — мощный бульдозер.

...Совсем недавно, в начале сентября, в телевизионной программе «Время» показывался такой сюжет: Юрий Бочаров, командир отряда имени XIX съезда комсомола, по случаю праздника — прихода железнодорожного пути в Сьюльбан — в галстук и костюме шагнул навстречу бригадиром путеекладчиков Ивану Варшавскому. В руках Юрия был громадный блестящий ключ. Кажется, именно этот ключ полгода назад я видел в квартире у Бочарова. Большими красными размашистыми буквами на нем было выведено: «Дашь стыковку!»

И теперь этот ключ из рук Бочарова лег на ладони Варшавского. Подтверждая тем самым, что дорога пришла в Сьюльбан, пришла с опережением графика.

В нынешнем сентябре они, как и не раз бывало раньше, переиграли-таки время. Надо было бригаде Бочарова досрочно заложить в насыпь водопропускные трубы, чтобы эта насыпь намного раньше срока смогла принять на себя тяжесть рельсов, уложенных путеекладчиком Варшавского.

Сегодня, когда на год с лишним раньше намеченного срока уложено «золотое звено» БАМа и само это событие становится достоянием истории страны, можно уже с определенностью сказать: в году 1984-м сработало именно то ускорение, которое придали стройке ее первопроходцы, те самые ребята из Всесоюзного отряда имени XVII съезда ВЛКСМ, высадившиеся в глухой тайге десятилетие назад, весной года 1974-го. Теперь уже можно сказать: на наших глазах не просто дорога построена. На наших глазах свершен подлинный, грандиозный подвиг поколения. Такие подвиги даже не годами измеряются. Таких подвигов не так уж и много в истории. И потому-то они измеряются эпохами...

А эпоха — это ее люди. В том числе и такие, как наши три командира.

Командиры. Трое из шестисот. Трое из ста тысяч. Капля. Но именно в ней соединилось лучшее, что может дать и дало время.

Юрий БОЧАРОВ:
«Мы строили дорогу и обретали здесь свою любовь, свою судьбу, свое счастье».

Фото Виктора ГРИЦЮКА, Альберта ЛЕХМУСА, Александра МАРШАНИ, Юрия УСТИНОВА, Анатолия ХРУПОВА

ПОНЯТИЕ СЧАСТЬЯ ВЕЗДЕ ОДИНАКОВО.
ЭТО ПРАВО БЫТЬ ПЕРВЫМИ.
ЭТО ГОРДОСТЬ ОТЦОМ-СТРОИТЕЛЕМ.
ЭТО — ЛЮБОВЬ. И, КОНЕЧНО, СВАДЬБЫ.

Пролетарии всех стран, соединитесь!

СМЕНА

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года. Выходит два раза в месяц.

№ 20 (1378) ОКТЯБРЬ 1984

МОСКВА, ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Наша обложка: многие годы при Челябинском городском Дворце пионеров имени Н. К. Крупской действует школа по подготовке пилотов.

Фото
Владимира
ЧЕЙШВИЛИ.

- 1** Александр АФАНАСЬЕВ. «КОМАНДИРЫ».
- 8** Рассказ Виктора ПОТАНИНА «ПТИЦЫ».
- 12** Юрий НАГИБИН. «КРАСОТА ЮНОСТИ».
- 14** ЖИВАЯ ПАМЯТЬ.
Стихи Овидия ЛЮБОВИКОВА.
- 18** НРАВСТВЕННАЯ НОРМА.
Игорь СЕРКОВ. «ОТСТУПИЛИСЬ».
- 20** МОЛОДЕЖНАЯ МОДА.
Егор ЗАЙЦЕВ, художник-модельер.
«СПОРТИВНЫЙ СТИЛЬ».
- 21** «МНОГОЦВЕТНЫЕ РАДОСТИ».
Фоторепортаж Ирины АНДРИАНОВОЙ
и Владимира ЧЕЙШВИЛИ.
- 22** Стихи Эдуардаса МЕЖЕЛАЙТИСА.
- 23** ЭКСКЛИБРИС «СМЕНИ».
- 24** К 170-летию СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ М. Ю. ЛЕРМОНТОВА.
«СВОЙ ЗАМЫСЕЛ ПУСКАЙ Я НЕ СВЕРШУ...».
- 26** МИР КАПИТАЛА. ПРОКЛЯТИЕ НИЩЕТЫ И ОДИНОЧЕСТВА.
Александр УРБАН.
«НА ДНЕ «ОБЩЕСТВА БЛАГОДЕНСТВИЯ».
- 28** ЗАРУБЕЖНАЯ МОЗАИКА.
- 29** Повесть Николая ОГАНЕСОВА «ИГРАЕМ В «СПРИНТ».

Главный редактор А. А. ЛИХАНОВ.

Редколлегия: Б. Л. ДАНОШЕВСКИЙ, В. И. ДЕСЯТЕРИК, А. П. КУЛЕШОВ, В. В. ЛУЦКИЙ (заместитель главного редактора), Ю. Д. МАКАРЦЕВ (ответственный секретарь), И. Н. ОРДЖОНИКИДЗЕ, Р. И. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ, Е. И. РЯБИЧКОВ, В. А. САЮШЕВ, В. И. СЕВАСТЬЯНОВ, В. П. СЕРИКОВ, И. А. СЕРКОВ (заместитель главного редактора), Г. С. ТЕРЗИБАШЬЯНЦ (главный художник), В. В. ЧИКИН, О. Н. ШЕСТИНСКИЙ.

Художник Г. С. Терзибашьянц. Технический редактор Е. Н. Калачев.

© Издательство «Правда». «Смена». 1984 г.

Виктор ПОТАНИН

РАССКАЗ

К

ому из нас не хотелось стать птицей! Хотелось, конечно, хотя бы однажды... 'Чтобы лететь, парить под самыми облаками, чтобы вдыхать в себя упругий небесный воздух, чтобы взглянуть с высоты на землю и опять скользнуть по небу — пока хватит дыхания.

Такое часто приходит в детстве: только заснешь — и вот уж ты птица, какая-нибудь желтая, красная, голубая. И вместо сердца у тебя крылья, и они поднимают тебя все выше, выше. И даже утром, при свете дня, этот полет не проходит в тебе, не тает — и ты завидуешь всем летчикам. Счастливые, мол, люди, особые люди... Ох, как я мечтал о них, как стремился! Но пришло горе — я не попал в летное по здоровью. Горе, горе, а кто поможет. Человек мечтает, а судьба подправляет. Зато я стал совсем обычным, простым человеком и теперь работаю в библиотеке. Но это тоже хорошее дело — жить простой честной жизнью, выдавать людям интересные книжки. Только жизнь, наверно, богаче книжек. И грустней порой и печальней. И не надо человеку завидовать птицам. Да, не надо, не надо! Это я решил недавно во время одной поездки. Но лучше будет, если все по порядку...

Мои беды пришли тогда в самом начале апреля. Я хорошо запомнил те дни, ведь апрель — мой любимый месяц. Он для меня как награда. Потому что приходит оттепель, тает снег, дуют теплые ветры. Одним словом — весна, а весной-то у людей все и случается... Вот и случилось: в те теплые метельные дни моя Оля бросила музыкальную школу. Заболела ангиной, пролежала с температурой семь дней, а потом встала и порвала ноты с детскими песнями Мендельсона. Я к ней: «Что с тобой? Ты сошла с ума?» Дочь молчит, а я снова: «Пожалей отца! Ты помешалась...» Она взглянула куда-то мимо меня: «Да, помешалась...» Сказала медленно, вяло, по-взрослому и прикусила губу. Я попробовал ее уговорить, она — в слезы. Я взял ее ладони в свои — она разрыдалась еще сильнее. И у меня тоже задергались щеки: что поделаешь — сам виноват. Никогда не сжимайте ладони у своих дочерей! Никогда, никогда!.. Там столько хрупкости, нежности, столько печали. А где нежность, там и жалость всегда, там и боль... Я смотрел на ее длинные недетские пальцы, я гладил их потихоньку, перебирал... Я чувствовал через них все ее будущие дни, всю судьбу ее — такую же, наверно, хрупкую, синевато-прозрачную: только затронь посильней — и сломаешь. Но все равно эти пальцы были навсегда родные, дороже нет ничего. Им бы играть Шопена, волноваться на клавишах, им бы делать кого-то

птицы

счастливым... А тогда они лежали в моей ладони и я слышал в них каждую жилку, каждую косточку, да и сама дочь все еще вздрагивала и вытирала глаза... И я не выдержал: «Хорошо, Оля, из музыкальной тебя забираю. Но зато куплю путевку в бассейн — пойдешь плавать. У тебя нет здоровья, а в бассейне окрепнешь». «Хорошо, папа, окрепну...» — ответила дочь опять обреченно, по-взрослому, и у меня замерзла спина. Но что поделаешь — нынче дети взрослые в девять лет... А через неделю Оля поскользнулась в бассейне на кафеле и сломала ключицу. Дочь увезли в больницу на «Скорой». А к вечеру она была уже дома. Она лежала на своем любимом красном диванчике и тихонько постанывала. Я спросил о чем-то — дочь не ответила. Я опять спросил, она повела на меня невидящим взглядом. В глазах настыла мутная пленочка. То ли от боли она, то ли от страха за жизнь. Но вот пленочка пропала, растаяла — и закрылись глаза. Я наклонился низко над Олей, прислушался. От губ шел слабый парок — дыхание. Еще миг — и кажется, порвется оно, остановится. Я стал считать до десяти, потом до ста, до тысячи... Я стал как помешанный.

А на следующий день было еще тяжелей. Я ждал какого-то продолжения. Если случилось одно, значит, не за горами другое. Любое горе, говорят, повторяется трижды. И я опять ждал и терзал себя.

Ждал, ждал и дождался. В конце апреля мы схоронили учителя Ивана Григорьевича. Под словом «мы» я подразумеваю весь наш небольшой городок. Почти каждый житель его учился у Ивана Григорьевича. Он отдал школе сорок пять лет. Почти вся жизнь, даже немалая... И за все эти годы он ни разу не позволил себе заболеть, ни разу не лежал в больнице... И такой внезапный конец! Да и когда ждешь его, разве готовишься... Жил, ходил человек, улыбался тебе и здоровался — и вот уж лежит весь в венках. А рядом играют трубы, и эта глуховатая печальная музыка растекалась вокруг, как дымок. И почему-то мешала. Хотелось постоять молча, задуматься, заглянуть в себя, что-то вспомнить, а эта музыка все время отвлекала, отбрасывала, да и на музыкантах, на их щеках сиял пьяный румянец. Не утерпели все же — приложились. Иван Григорьевич бы им не простил. Нет, нет, не простил бы. Он вел очень чистую и скромную жизнь. Наверное, потому, что преподавал биологию и всегда дружил с птицами и животными и взял от них много привычек. Вот и тогда его провожали и люди и птицы. Птицы кружили над толпой и кричали. Особенно много было грачей. И пока мы шли до кладбища, они все кружили над нами и что-то высматривали. Иногда они снижались совсем низко-низко, еще б миг — и они одустились бы на венки. Но в последний момент почему-то раздумывали. Наверно, боялись музыкантов, их больших неуклюжих труб.

Со мной рядом был Леня Шутов, мой школьный товарищ. Он пошел по стопам Ивана Григорьевича и преподавал биологию в сельской школе в деревне Тарасовке, недалеко от нашего городка. Эта Тарасовка ему полюбилась, там он

Рисунок Натальи СЕДУЛИНОЙ

нашел недавно невесту, женился и купил большой дом. Об этом доме он мне тогда и рассказывал. Играла музыка, и многие плакали, под ноги из машины бросали сосновые веточки, а Ленья не унывал:

— Понимаешь, у меня дом на две половины. Да, да! Как жили дворяне. На одной половине Рита, а на другой — мой кабинет.

— Ленья, потом, потом... На нас уже смотрят, — умолял я его и брал за рукав, но он точно не слышал, глаза призывно блестели:

— А ты ко мне приезжай! Мы завели корову, индюшек. А какая у нас рыбалка! Ты обалдеешь. Понимаешь, я купил бредешок. Невадок небольшой — метров десять, но весь карась теперь мой...

— Ленья, о чем ты? Мы же за гробом...

— Ну прости, я ведь соскучился по тебе. Зову, зову, а ты все не едешь... Ну, конечно, библиотека — серьезное дело: А друг, говорят, подождет. — Он усмехнулся, растегнул плащ и стал смотреть куда-то на облака. Кожа на лице у него золотилась, точно у юноши, и я не вытерпел:

— Ленья, а ты помолодел!

— Да! Ритку свою догоняю. Ей недавно двадцать исполнилось. Вот так, дорогой. Комсомольцы — беспокойная семья!... Комсомольцы! — Последние слова он даже пропел вполголоса, и я чуть не вскрикнул от боли: Ленья, мол, да что ты делаешь? Вон уже и кладбище начинается.

Толпа теперь двигалась по широкой тополиной аллее. Музыка уже не играла, и стало легче дышать. Птицы тоже теперь не кричали, притихли. Грачи сидели на деревьях целыми семьями. Вид у них был спокойный, даже торжественный. Многие из них чистили клювами перышки, другие внимательно разглядывали толпу. Ленья задел легонышко мое плечо.

— Послушай, ты хотел бы стать птицей? — Он сильнее сдвинул плечо. Глаза у него блестели, лукавили, и я снова обиделся. Вокруг такое горе, и слезы, и траур, а у него веселье, глаза, пустые вопросы.

— Так ты не ответил? — Он рассмеялся, и я еще больше обиделся:

— Ленья, потом, потом...

— А я хотел бы!

— О чем ты?

— О птицах... Как хорошо, наверно, иметь два дома, две родины! Нынче здесь — где-нибудь в Сибири, а осень пришла — и полетел в Египет, поближе к солнышку, к теплым морям.

— Две родины — многовато...

— Может быть, а все равно хорошо! И какая жизнь! Какая свобода! Вон взгляни — загляденье... — Ленья поднял руку и показал на грача, который парил высоко над деревьями, то ли чего-то высматривал, то ли потерял свою стаю... Но в это время ожили трубы, и Ленья втянул в плечи шею. Наверно, стало стыдно за

свои разговоры, за свою радость, которая так и ходила в нем, расpirала. Я-то понимал его — дома ждала молодая жена. И тем же вечером он к ней собрался. Я уговаривал ночевать, но он замахап руками.

— Не могу! Рита забеспокоится. Да и зачем ночевать? Дело мы свое сделали — человека похоронили. Иван Григорьевич теперь на нас не обидится. У меня вон уже начались огороды, а я все бросил — приехал.

— Какие огороды?

— Ладно, будешь в июле — увидишь. А не приедешь — обижусь. Ты и на свадьбу ко мне не выбрался. Так что штрафной пить заставлю! — Он засмеялся и подмигнул мне, белозубый, счастливый. В темном финском плаще он походил на какого-то знакомого киноактера: такие же светлые рыжеватые волосы, голубые глаза, большой подбородок. У самой двери он опять оглянулся:

— Подойди же, хоть поцелуемся!

— Ленья, мы не девичьи!

— Правильно! — И он хлопнул дверью. Но еще долго в моей комнате стоял его густой голос и какой-то сочный морозный запах — то ли от самого Ленья, то ли от какого-то дорогого одеколора. Но я знал, я помнил, — так пахнет береза в самом конце весны, перед тем, как разметать по кроне свои первые листья. Подойдешь к такому дереву и ошалеешь от радости, и забьется сердце, а потом почти остановится и обессилеет тело в неясной истоме, и гулко-гулко застучит в голове. То ли молоточек какой-то, то ли призыв, то ли кровь сама наполнится ожиданием...

Этот запах плавал по комнате несколько дней, а потом забылся — как не было. Да и сам Ленья Шутов тоже забылся, потому что в июне поехать к нему я так и не смог, а в середине лета я проводил в «Артек» свою дочку. Потом ждал ее, тосковал, а потом встретил Оленьку в конце августа, обновленную, загорелую, и сразу же потонул в ее рассказах о море, обновленную, загорелую. А потом уж осень пришла. А за нею — зима. И так год промелькнул, а за ним — другой. Время — вода. Его нельзя взять в ладони, оно прольется сквозь пальцы.

И только на третье лето я собрался в Тарасовку. А вначале была телеграмма от Ленья: «Приезжай двадцатого. У Риты именины. Обнимаем, ждем с нетерпением». Я повертел в руках телеграмму и сразу поехал. И когда садился в автобус, во мне уже все звенело от радости: неужели скоро увижу речку и зеленую травку! А за речкой той — лес, живые сосны, березы!.. Я однажды проезжал через эту Тарасовку. И вот все вспомнилось, завертелось в душе. Да и устал я в городе. Ох, как я устал тогда, казалось, больше не вынесу. И вот наконец-то вырвался! И потому я не ехал, летел на крыльях. И все бы хорошо, но случилось несчастье: я вспомнил, что еду пустой, без подарка. Но постепенно все выравнилось — я

успокоился. Да и автобус шел, и мотор убаюкивал. И я подумал: в конце концов зайду в сельмаг и что-нибудь выберу. Это решение вовсе утешило.

Через два часа показала Тарасовка. Я вышел в центре села, у самого магазина. Он был открытый, и я сразу бросился к двери. Магазин был большой, с двумя отделениями. В одном продавали печеный хлеб, печенье и ржаные темные пряники. Тут же стояли банки с разными соками и искрились от сахара карамельки. В другой половине продавали обувь, одежду, разные расчески и бусы, то есть всякую мелочь. На эту половину я и пошел. И первое, что бросилось в глаза, был большой лист белой твердой бумаги, на котором стояли слова: «Товары под закуп». Внизу висело кожаное пальто, женские дорогие костюмы. А рядом с пальто красовались импортные джинсы с яркой желтенькой этикеткой.

— Почему товар? — спросил я у молоденькой и шикарной продавщицы. Она взглянула снисходительно на меня и устало моргнула:

— Что вы сказали? — Она смотрела теперь прямым вызывающим взглядом. На ее лице, густо выпачканном косметикой, сияли огромные серые глаза. Про такие давно уже сказано — это не глаза, а озера. Многим бы захотелось в них утонуть, но я не стал себя искушать.

— Девушка, мне нужен подарок. Для женщины лет двадцати трех-четырех...
— В двадцать три мы не женщины! — Ее озера повернулись ко мне и обдали холодком отчуждения. Потом в озерах заволновалась вода и начался маленький шторм:

— Не понимаю: приходят и не знают, что надо.
— Мне надо вот эти джинсы! — Я рассмеялся и потянулся рукой вперед, захотел их потрогать.

— Прикасаться нельзя! Эти брюки под закуп. — Она нахмурила свой бледно-розовый лобик. — Сдавайте десять килограмм шерсти или же... — Она задумалась и сжала сердито губы. Но почему она сердится? И тогда я не выдержал:

— Значит, надо пять баранов остричь, чтоб еще одного барана одеть?
Девушка фыркнула и неожиданно улыбнулась.

— А вы несовременный, да-а? — Она тянула немного гласные, наверно, у кого-то перенимала. — Не беспокойтесь, эти джинсы не залежатся. Что? Что-о-о вы сказали?

— Да ничего! Дайте мне любые духи.
— Любые не могу-у. Даю только хорошие. — Она наклонилась под прилавком и вытаскала оттуда зелененькую коробочку. — Вот «Малахит». Между прочим, последние...

— Если последние, то заверните!
— А духи не завертывают. Они сами в футляре. Да-а-а. — Она опять фыркнула и покачала укоризненно головой. Она, видно, за что-то меня осуждала. Но все равно я решил ей надоест:

— Скажите, где живут у вас Шутовы?
— Ритка-то или Леонид... как его?
— Они, они! — Я вздохнул облегченно, да и продавщица смотрела на меня теперь веселей.

— А вы пройдите до конца улицы. И начнется бор. Они там и живут. Зеленый дом, большие ворота.

На этом мы и простились. Я пошел вперед быстрым шагом. И через двадцать минут был у цели. Дом был действительно зеленый, и ворота были большие, фигурные. Возле ворот стоял Леня. Он как будто бы ждал.

— Ну, наконец-то! — Он кинулся ко мне, и мы обнялись, как после долгой разлуки.

— Надолго к нам? Три дня проживешь?
— А у гостей, Леня, не спрашивают. Именины-то не отпраздновал?
— Тэбя жду, дарагой! Прахады, кацо, гостэм будэшь! — Леня засмеялся и потащил меня за рукав в ограду.

И тут я увидел женщину. Это было чудо, нет, лучше чуда! О такой можно грезить ночами, за нее можно и умереть.

Она стояла на крыльце, улыбалась. На ней было платье вишневого цвета, на шее — розовый шарфик, повязанный набок. А глаза совершенно черные, с синеватым отливом смотрели прямо на меня и призывно лучились. Так смотрит мать на свое дитя, так смотрит сестра на любимого брата.

— А мы вас так ждали! Правда, Леня? Мы ведь так ждали! Все глаза проглядели.

— Правда, Рита. Ну как же? — суетился Леня возле меня, и мне стало так хорошо, что я зажмурился. И кругом — сосны, сосны.

— Так вы, значит, с Леной учились? — спросила Рита и, не дождавшись ответа, протянула мне сверху руку, точно бы собиралась поднять меня на крыльцо. И странное дело, я подчинился, я тоже подал ей руку, и она легко меня подняла сразу же на вторую ступеньку. Теперь я стоял с ней рядом, только мое лицо было чуть пониже, но я уже слышал ее дыхание. И только одно мешало — я почему-то стеснялся смотреть ей прямо в глаза, и она тоже почему-то смущалась. Так прошла минута, может, меньше минуты, и она снова заговорила:

— А вы не ответили. Вы, значит, с Леной учились?
— Да, да, я с Леной учился в одной школе, на одной парте сидели. У нас в классе было восемь мальчишек.

— А где же они теперь? — Она хмыкнула и посмотрела на меня в упор. Ресницы над глазами дрожали, порхали и походили на юрких стрижей.

— Ну где же они?
— Иных уж нет, а те далече... — Я вздохнул, а она рассмеялась.

— Стишки читаете. Я в них не секу. — Она опять засмеялась. Смех был густой, маслянистый, как у цыганки. И так же призывно, цыганисто сверкали глаза. Но все равно лицо ее притягивало к себе, не отпускало.

— Мальчики, а теперь в дом, в дом. — И она шагнула вперед, потом оглянулась. — Ленечка, приглашай гостя. Ты что-то у меня онемел.

И вот уж мы прошли веранду и попали в длинный восточный коридор. Рита шагала, как королева. Плечи ее слегка подавались назад и чуть заметно покачивались. По плечам рассыпались волны — такие же черные, как и глаза. Не волосы, а птичье крыло. «Цыганка Аза», — подумал я и рассмеялся.

И вот уж мы в большой комнате. Она просторная, почти что квадратная. На стене — нарядный красный ковер. Посредине — широкий стол, заставленный бутылками, рюмками. Ножки у стола гнутые, как будто бы лапы льва. А слева от стола — книжная стенка, но книг там мало, больше посуды. Хрусталь, фарфор, серебро. И все это горит, цветет и слепит глаза. И я сразу же не выдержал:

— Хорошо живете! Богато!..
— Значит, понравилось? — Рита оглянулась, и у нее заметались ресницы.

— Ну ладно, не отвечайте, все равно скажете, что понравилось. А я вижу, вижу, догадываюсь. Я же цыганка — на расстоянии читаю.

— Цыганка?

— Ты ее слушай, — вмешался Леня. — Она наговорит. Она тут артистка. В комитете комсомола у ней культмассовый сектор.

— А молодежи здесь много? — спросил я и посмотрел на Леню. Он и рта не успел раскрыть — опередила жена:

— Спросите что-нибудь полечче. Говорят, было много лет десять назад. А потом стройку открыли в райцентре — и парни все убежали. А за ними — девчата. Я тоже хотела... Но вот Леня не пустил. — Она оглянулась на мужа, и тот смутился и начал покашливать. Я заметил, если она смотрела на него, то он даже сутулился и как-то неловко двигал плечами и покусывал губу. Но мои мысли опять прервал ее густой накатистый голос. Она, наверно, любила командовать и приказы слыть.

— Вот что, мальчики. Вот вам каждому по стулу и садитесь. А у меня, знаете, что случилось?

— Не знаем, — сохотнул Леня, и в лице у него означилось что-то слабенькое, угодливое. Таким я его не видел.

— А у меня, мальчики, сильно ладошки чешутся. К чему бы? То ли к выпивке, то ли к дождю?

— К дождю, к дождю! — поддакнул ей Леня и подмигнул мне: смотри, мол, какая у меня жена.

— Правильно, к дождю. Отгадали. — Рита придвинула мне стул и сама села рядом. — А я-то смотрю, что Гнедко наш сильно гривой трясет. И с утра стучит копытами, не успокоится. Надо бы его, Леня, к колхозному табуну пристроить. Что им — одним меньше, одним больше.

— Пристрою, — пообещал Леня и посмотрел извинительно на меня.
— Понимаешь, лошадь завел. А что делать — жить надо. Вон жена машину просит, а где возьму — на зарплатку не купишь.

— Да ладно тебе, — обиделась Рита и как-то рывком сдернула с шеи шарфик. Он, наверно, сильно давил.

— Да я, Рита, рассказываю. А чего... А по осени в Казахстан — лошадку. Слава богу: конинка-то не свининка. Казахи за нее какие угодно деньги дадут...

— Ну хватит, мальчики! — прервала его Рита. — Ты бы, Леня, поднес для начала по рюмочке.

— Хорошо, хорошо! — И тот суетливо достал бутылку и разлил водку по рюмкам. Лоб у него вспотел, покрылся испариной, и опять в нем явилось что-то незнакомое мне, лакейское, и мне стало враз тяжело, и голова заболела.

— А за что пьем? — Леня взглянул на меня, и я поднял рюмку, взглянул на Риту.

— За нашу именинницу! А вот что пожелать — не знаю. Я ведь вам и подарок привез.

— Потом, потом подарок. — Рита прищурилась, заиграла зрачками. — Это у нас, мальчики, будет генеральная репетиция.

И я улыбнулся ей и вздохнул посвободней:

— Ну пусть репетиция. Тогда я вам желаю в ближайшее время сыночка.

— А вот такого добра не надо! — Она нахмурилась и покачала укоризненно головой. И только я хотел возразить, она меня перебила:

— А басно слышали? Сын институт закончил и приехал домой. Отец ему говорит: «Сынок, ты уже взрослый стал — я тебе свои «Жигули» дарю». «Хорошо, папа, хорошо, — соглашается сын, — а что еще?» «А сейчас с тобой диплом спрыснем и на почту пойдём. Я сниму с книжки три тысячи рублей и тебе отдам». «Хорошо, хорошо, — соглашается сын. А что, мол, еще?» «А через полгода женишься — я тебе эту квартиру отдам, а сами с твоей матерешкой где-нибудь прокантуемся». «Хорошо, папа, хорошо, — соглашается сын. — А что еще?» «А через месяц, сынок, ты работать пойдешь. Я тебе тут кое-что присмотрел». «Ну, папа, заболтал, заболтал...»

— Ну и что тут? — удивился Леня и посмотрел вопросительно на жену.

— Так это же сынок ему отвечает: заболтал, мол, ты, заболтал. И мораль тут, мальчики, наверно: все современные детки такие. Так что рожать выше сил.

— Рита, может, еще по одной?

— Нет, мальчики, вы пока покурите у меня, осмотритесь, а я на стол по-настоящему соберу...

— Верно! — поддержал ее муж и посмотрел на меня долгим взглядом. И вдруг усмехнулся:

— А что, горожанин, пойдешь глядеть моих индюков?

— У нас и коровка есть! — подговорила Рита. — Но сейчас, конечно, на выгоне. У нас с Ленечкой даже есть поросенок.

— Все есть, дорогой мой. Живем, как говорится, не плачем, — рассмеялся Леня и похлопал меня по плечу.

— Да как же вы успеваете?

— Успеем мало-помалу. За индюками, например, мои школьники ходят. Я же биолог — наследник Ивана Григорьевича. На могилке-то не бывал?

— Нет, Леня. Кругом недосуг да все некогда.

— Верю, верю. Вот и мне школьники помогают. Изучают предмет мой в натуре.

— Не в натуре, Ленечка, а в разрезе! — Рита сбила ему шаловливо прическу и застучала посудой.

— Ну а корова тебе зачем? Вас же двое?

— Э-э, надо! Выполняем приказ сельсовета, увеличиваем продовольствие на душу населения. Обо мне, дорогой, даже в газете писали! Учитель, мол, а про крестьянство не забывает... Да мне и не в тягость. А излишки все на базар. У меня теща есть боевая. Она и торгует, она и подсчитывает. Теща есть теща. Через часок зайвится — познакомлю.

— Леня, а ты изменился?

— Не знаю, не знаю... Как-то надо жить бедному человеку. А у меня жена еще девочка. Не наигралась, не нагулялась. А ведь красивая, да?

— Да, Леня, да! Только у меня голова заболела.

— А ты отдохни. Для тебя и комнатка есть. Одно плохо — там окно прямо на бор. А эти стервечи сильно кричат. Надоели гады. И ночью кричат. У Риты просто бессоница...

— Кто кричит?

— Грачи, дорогой, грачи. Да ты не смейся, узнаешь. А теперь — на-ле-во! И марш за мной!

Через секунду мы стояли уже в маленькой, очень удобной комнате.

— Располагайся тут, отдыхай. А я помогу жене. — И Леня исчез. А я начал осматриваться. Комнатка была просто чудесная. Направо у стены стояла кровать, а рядом с кроватью — небольшой стол, на котором лежала стопка тетрадок. У другой стены возвышался большой книжный шкаф под старину, и мне сразу же захотелось открыть его. Но я открыл первым делом створку окна. В

комнату ворвался прохладный сосновый воздух. Сосны шумели, грачи кричали, и в груди у меня все поднялось и замерло, и я понял, что со мной должно что-то случиться хорошее, удивительное, и я еле-еле выдохнул из себя, и от груди сразу же отлегло. Грачи кричали рядом, куда-то собирались, спешили... «Но куда же они спешат?» — спрашивал я себя и улыбался. В груди поднималось чудесное обволакивающее тепло, и вдруг я вспомнил такое далекое, такое неожиданное... И даже не верилось, что это со мной было... Может, из какой-то книжки пришло, может, приснилось мне сейчас наяву. Но вначале возник голос, и я сразу узнал его: это бабушка моя щурилась и покачивала головой: «Насеял отец две десятины гороху. И повадились грачи на этот горох летать. Он и поймал одного грача, прямо за крыло ему крепко вцепился, хохочет: «А-а,—говорит,—каркало, попался ты мне, не уйдешь». Только хочет он его бить, а грач ему: «Не бей меня, пожалей, я тебе пригожусь, я тебе что-то дам». И вот уж в клюве у него — скатерть откуда-то. Да уж и грач говорит: «Шита, брана скатерть, развернись, раскатись! Дай нам, добрым молодцам, попить, погулять!» — И скатерть развернулась, раскатилась, и явилось на ней все — прямо ешь — не хочу. «Молодец ты, каркало, слово выполнил», — говорит отец. И отпустил человек грача». Я улыбнулся, и захотелось удержаться это, побыть с ним... Но голос уже пропал и не возникал во мне.

Закричали грачи. Ох, грачи, грачи... Иногда эти крики прерывались, замолкали на время, видно, стая отлетала куда-то, и сразу же после этого оживали сосны. И этот монотонный зеленый шум заходил в створку, и мне захотелось здесь остаться надолго. И я знал, почему захотелось. Шум сосен походил на шум моря, а море я люблю больше всего...

Потом взгляд мой упал на кровать. Гора подушек манила к себе, успокаивала. На этой горке лежала пачка свеженьких простыней. «Это же для меня они, для меня!» — догадался я, и сразу же благодарность сдавила мне сердце, и я подошел к самой створке. Мне нестерпимо захотелось в бор — сосны покачивались, задевали друг друга, шум хвои был как шум прибоя. Он наплывал такими же волнами, то спадая, то нарастая. И хотелось слиться с ним, с этим шумом, так же, как порой хочется слиться с прибором, обнять его, раствориться, чтобы только одно тело, одна душа... Но вот шум прервался, как будто на него надвинули крышу. А эта крыша была — громкие крики. И тут я понял, я догадался: у грачей, наверно, вылетели из гнезд грачата, и родители учили их летать... «Какие они счастливые! — подумал я о грачатах. — Сегодня они впервые узнали небо!» И в этот миг меня отвлекли. В дверь кто-то стучал ровным вежливым постукиванием. Я открыл — на пороге был Ленья. На нем — белая отглаженная рубашка. Все блестело на нем, переливалось, точно он именинник, а не жена.

— Пойдем пройдемся. У Риты скоро будет готово.
Мы вышли на высокое крыльцо. Грачи продолжали громко кричать. Их что-то все-таки беспокоило.

— Они и ночью вас беспокоят? — спросил я у Лени и показал рукой в небо.
— Ох, не говори! Всю душу вымотали. Вначале мне даже нравилось, а потом душу всю вымотали... — повторил он устало. Глаза его сухо поблескивали. Меня немного пугали эти глаза.

— Слушай, Ленья, неужели ты лошадь купил? Никогда б не поверил.
— А что? Вон видишь крытый загон. А подальше? Хлев для индюшек. Рита мне еще кроликов предлагает...

— Шапки будешь шить?
— Теща будет. — Он заулыбался, и непонятно: то ли шутит, то ли говорит правду. По лицу у него выступил пот. Он расстегнул ворот рубашки.

— А лошадка у меня ненадолго. Доживу до ноября, и Джапар из Кустаная приедет.
— Кто такой?

— А-а, дустяки. Есть тут один перекупщик. Он в накладе у себя не останется. Он у нас жеребят да коней набирает и гонит их подальше — до Кокчетая. А там уж для коня — другая цена, другие законы. И денежки, конечно, другие... Ох ты, Джапар, удалая голова! — Ленья почмокал губами. — Если б ты знал, как его бабы любят! Они любят богатеньких-то. Все, говорит, пишем, воспитываем, а рубль, выходит, всему голова...

— А ты, Ленья, купец!
— Нет, кацо, я дэловый человек. Нынче это в почете. А как жить прикажешь? У меня зарплата сто сорок рублей. А у жены — того меньше. Она пионервожатая в школе. Вот и кручусь...

— А душа-то, Ленья?.. Неужели зря мы учились?
— Ты — идеалист, дорогой... — Он как-то кисло, подавленно улыбнулся и посмотрел на меня внимательно. Потом опять улыбнулся:

— Ну вот что, пойдем на мои бахчи. Все равно жена пока не управилась. — Он открыл какие-то дверцы, и мы вышли в огород. Глаза у Лени блестели, лоб покрылся испариной. Он почему-то разволновался. Да что с ним? Я не понимал. Наконец он выдал из себя:

— Понимаешь, я занялся тут опытами. Да, да, выполняю указы Ивана Григорьевича. Вот так, дорогой. Посади ранний огурцов, помидоров. Даже арбузы рискнул. Да, да. Вначале делаю рассадку, а потом высаживаю в горшочках. В прошлом году было три сотки, а собрали — бог ты мой, лето было сухое, арбузное. Первый иней пал десятого сентября. Теща где-то автофургон — «москвичок» раздобыла да на базар свезла. Так ты знаешь, сколько мы денежек себе положили... Ох, прости, извини, ты же у нас деньгами не интересуешься. — Он схотнул, потом подмигнул мне и шагнул широко вперед. У кучи с перегноем остановился.

— Вон гляди, нынче под арбузами у нас сразу пять соток, остальное — огурчики, дыньки. А картошку я посадил у забора, да еще в деревне у меня есть участок. — Он махнул в сторону дальних домиков. — Дело это занятное — у меня же нынче запланировано два боровка...

— Биология, значит, на практике?
— Во-во, дорогой. — Он, видно, не понял иронии. — Лев Толстой тоже землю пахал.

— И босиком ходил, — добавил я и зажмурился. Мне вспомнился наш далекий незабвенный Иван Григорьевич. Во время войны он раздал все свое имущество эвакуированным.

— Босиком-то босиком... — перебил меня Ленья, — а вот в хозяйстве ты, наверно, не смыслишь.

— Почему так?
— А идешь, как медведь. Вон прямо в лунку ступил. — Он нахмурился, поднял голову.

— Лезут, черти. Нет, надо все ж покупать ружье. Права Ритка. Без пушки никак нельзя.

— Кого ты, Ленья?
— Что, не видишь? — грачи. Полумеры тут не помогут. — Он отвернулся и стал говорить сам с собой. Плечи у него сутулились и выражали страдание.

— О чем ты, Ленья, ворчишь? У тебя праздник скоро — жену пойдем поздравлять.

— Ой, не говори. Грачевник рядом — прямо беда. По три гнезда на каждой сосне. Что ни посадишь — сразу склюют да выруют. Но ничего! Рита за них крепко взялась. А то ведь — орда! Птичья орда... Вон она кружится, даже просветов нет. — Он показал рукой в небо и закричал. Но крик этот утонул, как камешек в море...

— Вот видишь, милый, даже не обращают внимания... — Он повернулся ко мне и стал обтирать платком щеки. Его красивые рыжеватые волосы скатались в мокрые сосульки, возле губ проступили морщины. Мне стало его даже жалко. Я вспомнил, как однажды Иван Григорьевич вызвал его к доске и обратился к классу: «Посмотрите, ребята, на нашего Ленью. Он лучше всех знает мой предмет. Я верю, что он в жизни займется наукой...» Высокий худенький мальчик смущенно моргал, а по лбу пробегала нервная складка. Сейчас она тоже была, эта складка. И еще одна и еще. Он почему-то состарился. «Да что с тобой, Ленья?!» — вдруг закричало что-то во мне, но я не проронил ни звука. Сдержался. Зато птицы без остановки кричали. Иногда они пролетали прямо над нашими головами. Им хотелось то ли защитить кого-то, то ли напасть на нас. Я даже видел, как они целились прямо на наши головы и даже снижались, но потом отворачивались. А Ленья все шел и шел вперед.

— Вот это все, милый, мое богатство. Пять соток арбузов, а рядом — огурчики, дыньки. — Глаза у него блестели, и мне не нравились ни эти глаза, ни это снисходительное слово «милый». Откуда оно? Называл бы лучше по имени. Но Ленья не давал мне задуматься:

— Всходы по весне были хорошие. Если б не птицы. Не успеет листик проклониться — они тут как тут. И прямо живьем, целиком глотают. Хорошо, что Рита придумала. Теперь немного бояться... Да вот смотри... — И он показал рукой вправо. Там была воткнута палка, а на ней трепыхалась черная тряпка.

— Что это?
— Птица, милый. Госпожа птица. Живое пугало — ты усек?

Мы подошли поближе. Я взглянул на палку и обмер. К верхнему концу палки был привязан грачонок. Он был еще живой, трепыхался. Он пробовал даже взлететь, но веревочка не отпускала. Иногда ему удавалось взлететь на целый метр, может, выше, но через секунду он уже обессиленно падал. Крылья стучались о палку, терялись перья.

— Что это, Ленья?
— Ха-а, да это же пугало. Живое пугало. Я тебе говорю, что жена придумала. И птица видит сверху и не садится. А что теперь делать, милый? Тут не до жалости. Иначе весь огород прикончат, все кругом поклюют...

Но я плохо слышал. Я подошел почти вплотную к грачонку и хотел к нему прикоснуться. Но рука сразу отдернулась, потому что мне показалось, что он умер, вот только что умер у меня на глазах. Я собрал всю волю и взял птенца за твердый, почти каменный клювик. Глаза открылись — разошлась тусклая пленочка. Из клюва вышел еле уловимый парок — дыхание. Я подержал клювик секунду, потом выпустил. Грачонок опять трепыхнулся, посмотрел куда-то мимо меня, в глазах у него что-то напруглось желтоватое, погибающее, еще миг — и совсем погибнет, как в воду канет. Я опять подошел совсем близко к грачонку, надо мной закружились птицы. Чем ближе я подступал к грачонку — тем больше птиц. Так много — целое облако. Я вспомнил, что где-то видел уже столько же птиц. И эту пленочку на глазах тоже видел... Ну, конечно, конечно, вспомнил. Такое же было у моей Оли, когда она сломала ключицу. Когда она почти что прощлась с жизнью... И другое, другое я тоже вспомнил:

— Ты хотел бы стать птицей, Ленья?
— Ты что, смеешься? Я тебе хочу про бахчи, а ты мне анекдоты...

— Ну прости, прости. Я вспомнил, что ты однажды хотел стать птицей. — И в тот же миг вошла в меня та далекая музыка. И охватила меня, завладела. И сразу нежно, печально вздохнули басы, потом напряженно запылились трубы... Он что-то говорил, но я не слышал. Да и мешали птицы. Они кричали, хлопали крыльями, одна из них особенно громко кричала, подлетая почти к самой земле. Я посмотрел вперед, туда, куда хотела опуститься птица. И вдруг меня обожгло, опалило, как будто в глаза мне выплеснули какую-то молнию... Нет, десятки, тысячи молний. Там, впереди, на высоком кривеньком кольешке метался в муках еще один грачонок. У него еще были силы, и под их напором кольешек шатался, как пьяный. А рядом с ним, отступив метров на шесть, стоял еще кольешек, а рядом — третий, четвертый. И на каждом корчило по грачонку. Все они были еще живые, все хотели взлететь, но веревка мешала.

— Что это?! Что?! — Я закричал, поднял руки, но не услышал голоса, сам себя не услышал. В горле, видно, что-то настало, мешало. Я вроде бы и кричал, но у меня, наверно, только вытягивались губы. И по этим открытым страшным губам хозяин понял, что мне плохо.

— Что с тобой? Успокойся! Это Рита недавно придумала. А тебе, что ли, жалко? Они все равно бы погибли. Тут три дня назад погода была, ветер — шесть баллов. Он и покидал грачат из гнезда. Их много было по бору...

— Кого покидал? Кого? — смотрел я на него и не видел. Глаза у меня застилало.
— Да птиц же покидал! Да ты что, очумел, не слышишь?... — Он взял меня за плечо, но я сдернул руку.

— Птиц, птиц, птиц... — стучало наплывами в голове. Эти грачата кричали прямо в висках, трепыхались. И над головой у меня кричали, далеко в небе, и еще выше. Выше, выше, все выше... И это был крик не то о смерти, не то о спасении. И я не мог это вынести. Я бросился вперед — куда-то прямо по грядам — лишь бы убежать, закрыть уши, забиться...

— Куда ты? Зачем? Здесь же насажено! — шумел за спиной, заливался Ленья, а я все бежал, бежал, точно и меня могли сейчас поймать и привязать на какую-нибудь злую веревку.

... Я бежал очень долго, пока не выбрался на дорогу. И тут, возле дороги, я упал на траву и зажал виски. Лежал очень долго, может, час, а может, и дольше... Потом очнулся, открыл глаза. И в этот же миг опять услышал их крики. Птицы кричали, постанывали, но уже глухо, чуть слышно. Я приподнялся на локтях, оглянулся. Далеко позади клубились в июньском мареве сосны. А над ними черными столбиками стояли птицы. Я поднялся на ноги и пошел вперед быстрым шагом. И шел очень долго, но потом не вытерпел — опять оглянулся. И птицы и деревья слились теперь в одну точку. Она качалась в воздухе, двигалась, была как живая. И эта точка опять напомнила птицу. Потом и это растаяло, как будто птица залетела за горизонт.

Юрий НАГИБИН

КРАСОТА

Такие простые и понятные слова! Найдется ли человек, который не знал бы, что такое юность и что такое красота? Впрочем, вопрос следует формулировать иначе: найдется ли человек, который усомнился бы в том, что знает смысл этих слов? Но попытайте знакомых, пусть поделятся своим знанием, и вы услышите маловразумительный лепет: юность — это когда человек молодой, а красота — это то, что нравится. А почему нравится?.. В ответ: чувствую, но объяснить не могу. Загляните в себя, и если вы честны с собой, то обнаружите либо туман мутно реющих мыслей, либо столь же не поддающихся словесному выражению чувств. Стыдиться тут нечего: крупнейшие умы напрягались ради того, чтобы исчерпывающе определить понятие «красота», но вряд ли кто преуспел в этом до конца. Давно стало расхожей банальностью: красота — это высшая сила. А ведь такой могучий дух, как Достоевский, свой символ веры выразил схоже: красота спасет мир. С красотой дело обстоит до того сложно, что оставим ее на время в покое и поговорим о юности.

Существует хорошее, общепотребительное и, казалось бы, исчерпывающее слово «молодость», зачем понадобилось другое — «юность»? Язык не беспечный расточитель, чтобы придумывать лишнее слово для названия понятий. «Молодость» и «юность» часто совпадают и могут быть без малейшего насилия над сутью заменены одно другим. И все же разница есть. Молодость — нечто более расплывчатое, не столь зажатое временными рамками. В трилогии Льва Толстого «Детство. Отрочество. Юность» обозначены пределы каждого возраста. Юность кончается со студенческими годами. Ну, а для тех, кто не знал студенческой скамьи? С выходом в самостоятельную жизнь, с появлением ответственности — и моральной

и материальной — за близких, семью или хотя бы за самого себя приходит взрослость. До чего же это все зыбко! Бывает, что люди начинают самостоятельно жить и зарабатывать в восемнадцать-девятнадцать лет, но при этом не обретают взрослости, тем паче зрелости. Последнего свойства человек иной раз не обретает до конца своих дней. Но это не те люди, о которых нежно, порой восторженно говорят: «Седой юноша!» — это несозревшие плоды. Впрочем, бывают и молодые старички.

При словах «седой юноша» возникает образ старого человека, сохранившего горячность и летучесть юности, готовность к поступку, к душевному подвигу. А за «седым молодым человеком» видится лишь раннее постарение. «Молодой» и «юный» при всем сходстве не синонимы.

Юность — это не просто пора жизни, а нечто куда большее. Молодого правонарушителя, склонного решать жизненные проблемы с помощью хорошо наточенного напильника, ножа или фомки, никому в голову не придет назвать «юношей»; нет таких словосочетаний, как «юный вор», «юный бандит», «юный прохвост». И там, где «так мало прожито, так много пережито», слово «юность» неупотребимо.

Сергей Есенин, познавший «слишком раннюю усталость», обычно пользовался словом «молодость» и производными от него. «Промотал я молодость без поры, без времени», «Годы молодые с забубенной славой, отравил я сам вас горькою отравой». Не подходило слово «юность» к шальному угару. И естественно, как дыхание, слетало это слово с губ скромного, тихого, родниково-прозрачного поэта-православа Алексея Кольцова: «На заре туманной юности всей душой любил я милую». Пушкин тяготел к словам «юность», «юный». Певец Вакха, чаши и кубка был трезвым человеком. Правдивый, чуждый поэтическим завихрениям лицейский друг поэта Иван

НРАВСТВЕННО-ЭСТЕТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ ЮНОШЕЙ И ДЕВУШЕК, ПРИОБЩЕНИЕ ИХ К ЛУЧШИМ ЗАВОЕВАНИЯМ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И МИРОВОЙ КУЛЬТУРЫ — ОДНА ИЗ ВАЖНЕЙШИХ ЗАБОТ КОМСОМОЛА.

ЮНОСТИ

Пушкин писал, что за пресловутым пламенем огневого пунша царскосельских лет скрывался безобидный «гогель-могель», приправленный однажды каплей спирта...

Молодость Есенина, юность Пушкина...

Формально каждый человек проходит через детство, отрочество, юность. Но только формально. Я знал детей без детства, либо отнятого войной, либо перегоревшего в чужой страшной домашней жизни, знал и людей, миновавших отрочество, ибо слишком рано обрели дурной опыт взрослой жизни, исключавший то простодушие, что неотделимо от сути отрочества. Знал запозднившихся мальчиков, так и не взявших на себя ответственности, уцепившихся за юбку матери — сперва вполне материально, потом всей цепкостью навек околдованной памяти. Знал и знаю многих молодых людей, назвать которых юношами не повернется язык. Когда же наступает юность, если вообще наступает?

Лев Толстой нашел ответ на этот вопрос в своей знаменитой автобиографической трилогии.

«Я сказал, что дружба моя с Дмитрием открыла мне новый взгляд на жизнь, ее цель и отношения. Сущность этого взгляда состояла в убеждении, что назначение человека есть стремление к нравственному усовершенствованию и что усовершенствование это легко, возможно и вечно. Но до сих пор я наслаждался только открытием новых мыслей, вытекающих из этого убеждения, и составлением блестящих планов нравственной, деятельной будущности; но жизнь моя шла все тем же мелочным, запутанным и праздным порядком.

Те добродетельные мысли, которые мы в беседах перебирали с обожаемым другом моим Дмитрием, чудесным Митей, как я сам с собою шепотом иногда называл его, еще нравились только моему уму, а не чувству. Но пришло время, когда эти мысли с такой

свежей силой морального открытия пришли мне в голову, что я испугался, подумав о том, сколько времени я потерял даром, и тотчас же, в ту же секунду захотел прилагать эти мысли к жизни с твердым намерением никогда уже не изменять им.

И с этого времени я считаю начало юности.

Мне был в то время шестнадцатый год в исходе».

Рассуждение Толстого открывает ворота в таинственный мир, называемый юностью. Оказывается, юность — понятие нравственное. С пробуждением сильного морального чувства вступил отрок Толстой, скрывшийся за Николенкой Иртеневым, в юность. А не пробудись в нем это чувство, осталось бы затянущееся отрочество, за которым — аморфная молодость, имеющая ценность лишь физического свойства, коли человек не обделен здоровьем и бедным даром плотских вожделений. Из пленительных снов детства Иртенев — Толстой вступил в многообещающее, но хрупкое отрочество, а затем — в тревожный, волнующий, полный прозрений мир юности, где приоткрывшиеся уму ценности стали горячим чувством, тем нравственным законом, что не переставал восхвалять многомудрого должителя Канта. В духовном прозрении, даримом юностью, источник ее поэтичности.

«Приобретай в юности то, что с годами возместит тебе ущерб, причиненный старостью. И, поняв, что пищей старости является мудрость, действуй в юности так, чтобы старость не осталась без пищи». Такой наказ оставил юношеству титан Возрождения Леонардо да Винчи.

Замечательна вера Леонардо в способность юности копить мудрость. Быть может, он судил лишь по себе, этот чудо-человек, возвысившийся даже над гигантами небывалой эпохи? Нет, подобное заблуждение недостойно великого наблюдателя и великого исследователя Леонардо; он шел к истине через познание

В 41-м они уходили на фронт мальчишками и через четыре года возвращались — если возвращались — мужчинами. А потом пронесли через всю свою жизнь верность тому забываемому времени. Верность и Память. Еще не окончив десятилетки, ушел на фронт добровольцем и Овидий Любиков. Он вернулся с войны лейтенантом-артиллеристом. И стал поэтом. Нашему постоянному автору исполняется шестьдесят лет. Как и всем тем мальчишкам, что вернулись — если вернулись — домой в 1945-м. В его стихах — этого невозможно не почувствовать — горячая верность и кровная память о том огненном времени.

В ночь с 21 на 22 июня

Дремали воды, спали птицы
В лесной глуши, ночной тиши.
От самой Белой Холуницы
Встречь ни машины, ни души.
И где-то посреди дорог,
Устало одолев угор,
Пора размять — решили — ноги,
Машина — стоп,
Заглох мотор.
Звезда неяркая светила
Над головой всего одна.
Нас обняла, ошеломила
Немыслимая тишина.

Такая в ней таилась сила,
Такая власть у ней была,
Что все окрест угомонила
И на безмолвье обрекла.
Но слички треск, но шорох щепня,
И отклик эха,—
Как она
Напряжена до истощенья,
Как беззащитна тишина.
А ночь крылом качнула сонно —
И нет ее, истаял след.
Закат дымился обреченно,
И обнадеживал рассвет.

Е. Жуйкову
и его товарищам
по отряду юнг.

В тени сухопутного крова
Живут без особых примет
Юнги сорок второго.
В пятнадцать мальчишеских лет
Случилось примерить тельняшку.
Когда непогода сечет,
Рубашки у них нараспашку,
Но эта примета не в счет.
Им зорю, как прежде, до света
Горнист стерегущий трубит.
Однако и эта примета
Не много о них говорит.
Закон обратимства морского —
Себя для друзей не жалеи! —

Не только красивое слово
Для всех настоящих людей.
Так в чем их особые меты,
Тех самых, кого мал-мала
Тревожная трасса ракеты
На гребень войны вознесла?
А время само без усилий
Зачислило в общий итог
Морские коварные мили
И тяжкие версты дорог.
Кто в бой уходил от причала,
Кто рвался от бруствера в бой,—
Бесстрастно судьба подравняла,
В единый зачислила строй.
Еще не спешат к пенсиону,
Но, как у прибрежной гряды,
На подступах к бастиону
Печально редеют ряды.

Наш хор

Н. Старшинову

Полки оставили привалы.
Остыл в березнике костер.
Я не пробился в запевалы,
Однажды был зачислен в хор.
Тому завидовал, не скрою,
Кто, уловив старшинский знак,
Полодному над нашим строем
Вздыхнул решительно, как флаг.
Запев звенел поверх пилотов,

Чеканил шаг, стремил вперед.
В сто двадцать пять луженых глоток
И мы вступали в свой черед.
А строй держался и не рвался,
Утожил глину да песок.
Как ни старался я, терялся
Среди других мой голосок.
...Да, в запевалы я не вышел.
Но, напрягая скромный бас,
Я не тужу — меня не слышат.
Куда важнее — слышно нас.

окружающего мира и всечеловеческого опыта. Леонардо верил в силу свежего ума, способного накопить так много впечатлений, собрать такой богатый взятки с цветущего луга юной жизни, что это станет питательным веществом старого ума, наиболее склонного к выводам и обобщениям. А еще говорят о бездумной юности!..

Леонардо не одинок в своей вере в постигающую силу юности. Вот как перекликается с ним через века великий русский критик Белинский: «Юность дается человеку только раз в жизни, и в юности каждый доступнее, чем в другом возрасте, всему высокому и прекрасному. Благо тому, кто сохранит юность до старости, не дав душе своей остыть, ожесточиться, окаменеть».

Ему вторит крупный поэт, революционер, друг и соратник Герцена Н. П. Огарев: «Определенная цель, самообладание, искренность с самим собою, труд неутомимый и знающий, что время дорого, — вот что вы должны взять на себя, юности».

Выходит, юность не только счастье, но и обязанность. Быть юным ответственно; недолгий еще опыт жизни не является оправданием тому, кто даром разбазаривал золото юности. Леонардо считал, что долгая жизнь — это хорошо прожитая жизнь. Естественно, вечный труженик Леонардо с представлением о хорошо прожитой жизни связывал не бездумную и развеселую трату времени, не обогащение, не улаживание низменных потребностей, а упрямое, без устали разгадывание много-численных тайн мироздания, великое усилие труда и его высшей формы — творчества, когда человек из ученика становится сотрудником и даже соперником природы. По Леонардо, долгожителями оказываются Рафаэль, Моцарт, Пушкин (все они ушли в тридцать семь — что за роковое число?), а какой-нибудь беспечный лоботряс, служивший лишь своим мелким страстишкам, дотяни он хоть до ста, останется мотыльком-однодневкой. Человек высокой творческой страсти в один день проживает целую жизнь, ему надо считать каждый год за два. Человек, просеявший время сквозь пальцы, ничего не внесший в мировую копилку, как бы и не жил.

Великие художники всех времен и народов радостно верили в красоту, одухотворенность юности и стремились перенести ее образ на полотно, лист бумаги, запечатлеть в мраморе, камне, дереве, бронзе...

Вроде бы с юностью мы более или менее разобрались, займемся куда более сложным вопросом: что такое красота? Ну, это то, что красиво, — готово ответить мне почтенный старый ученый-биохимик, и знакомый шофер-таксист, и начинающий врач неотложной помощи, и сын соседей — школьник, и шестилетний внук моего старого друга, при этом он засмущался в отличие от всех остальных. А что такое «красиво»? И тут выяснилось, что для каждого красивы совсем разные лица, вещи, явления. Лишь самый маленький уклонился от ответа, считая, что он и так наболтал много лишнего.

Каждому доводилось слышать: «Да что он в ней нашел?» Обычно говорится это без ревности, предвзятости, всякой личной заинтересованности, быть может, с тем легким раздражением, какое вызывает в

окружающих заблуждающийся человек. Сплошь да рядом объективная правда на стороне скептиков — избраница и впрямь не бог весть что, — но эта холодная правда ровным счетом ничего не стоит для влюбленного, ничто не переменит в нем: он глядит околдованным взглядом, который иной раз куда пронзительнее и глубже скептического прищуря. Полагаю, что, листая журнал, собравший нетленные образы красоты, читатель испытает порой чувство недоумения: неужели это на первый взгляд неправильное, странное женское лицо или эта нелепая мужская фигура могут считаться красивыми? Но ведь художник подобен влюбленному, он глядит на свою модель околдованными глазами и — в отличие от бытового человека — умеет сообщать свое видение другим. Правда, не всегда. У людей разные вкусы, разные представления о том, «что такое хорошо и что такое плохо». Тем, кто обладает сильно развитым воспринимающим аппаратом, куда легче понять очарованность художника той или иной натурой и разделить его чувство вопреки собственным пристрастиям, нежели тем, кто редко соприкасается с искусством. Чтобы не быть голословным, сошлюсь на головку царицы Нефертити. Заостренное лицо, непомерно длинная шея, выпуклые глаза, нелепый головной убор, — да что тут красивого? Как, а чистота нежного овала, таинственная складка прекрасно очерченных губ, сияние женственности, то «ewigweibliche», чему всю свою долгую жизнь поклонялся великий ценитель красоты мира сущего Гёте? Мы еще поговорим о том, что образ красоты подвижен, что он меняется с течением времени, как меняются моды, хотя, разумеется, не столь часто, что у разных народов свое представление о красоте — абсолют в этой области условен, но египтянка Нефертити, жена фараона Аменхотепа IV, жившая на грани XV—XIV веков до нашей эры, стала нетленным образом красоты, неподвластным времени и пространству. «А я этого не вижу», — слышится мне чей-то упрямый голос. Остается развести руками и со вздохом напомнить, что бесчисленные поколения благоговели перед красотой Нефертити. Разве это доказательство? Конечно, хотя оно вряд ли откроет слепому вежды.

«Нефертити». «Прекрасная пришла»... Так звучит это имя. Ее скульптурный образ... является одной из вершин мирового искусства... Нефертити... Вся плавность волн Нила, вся упругость крыльев благородного сокола... Величественная простота храмов и сфинксов в твоей вечной красоте... Колдовская жизнь красноватого песчаника длится уже тридцать с лишним веков, но, думается, что и через пять тысячелетий люди будут так же попадать в плен обаяния царицы — мудрой, женственной, прекрасной... Это голос неподдельного восторга одного из знатоков искусства. Ему можно верить, хотя, скажем прямо, и эти взволнованные, из сердца, слова вряд ли раскроют красоту Нефертити тому, кто ее отказывается видеть. Но автор на это и не рассчитывает, ему хочется подтолкнуть дремлющую душу к восприятию красоты. Словами красоту не передашь. Это прекрасно знал Лев Толстой. В полушутливом споре с Тургеневым и Дружининым, кто лучше опишет красоту женщины, он перечеркнул прямолинейные описания своих соперников одной-единственной фразой из

Гомера: «Когда Елена вошла, старцы встали». Умно, дерзко, лукаво, но вместе с тем Толстой как бы расписывается в бессилии выразить словами живую красоту женщины. Впрочем, это не мешало ни ему самому, ни его литературным собратьям создавать пленительные женские образы. Разве мы сомневаемся в зрелой красоте Анны Карениной, или девицей — Наташи Ростовской, или романтической — Татьяны Лариной? А между тем Пушкин не дал ее портрета. Образ Татьяны возникает из контраста ее с сестрой Ольгой, о которой сообщено довольно много:

Глаза как небо голубые;
Улыбка, локоны льняные,
Движенья, голос, легкий стан,
Все в Ольге... но любой роман
Возьмите и найдете, верно,
Ее портрет: он очень мил,
Я прежде сам его любил,
Но надоед он мне безмерно.

Онегин высказался об Ольге еще беспощадней: «Круглая, красна лицом она, как эта глупая луна на этом глупом небосклоне». А вот о Татьяне:

Ни красотой сестры своей,
Ни свежестью ее румяной
Не привлекла б она очей.
Дика, печальная, молчалива,
Как лань лесная боязлива...

Но все читатели видят Татьяну — сельскую девушку, и дружно считают, что у нее черные волосы, глубокие темные глаза, удлинённый овал бледного лица. Столь же отчетлив для всех образ Татьяны, ставшей светской дамой в малиновом берете, что так подходит к темным волосам. А ведь всего-то сказано, что «все тихо, просто было в ней». Чем же достигает Пушкин такой зримости образа, ставшего символом русской женской красоты — физической и духовной? Колдовством рассеянных по роману легких мазков, чарующей авторской интонацией, исполненной нежности и уважения, и чем-то вовсе неуловимым, что принадлежит тайне гения.

Но если б читатели могли изобразить карандашом или кистью Татьяну, которую они носят в душе, получилось бы множество различных образов, совпадающих разве что в цвете волос и глаз да бледности лица, ведь у каждого свой идеал красоты.

Иное дело — образительное искусство, что явствует из самого его названия. В отличие от литературы оно дает зримый, полный, окончательный, не нуждающийся в досочинении образ. Нам не надо трудить воображение, чтобы намечать Леонардову Мону Лизу, она перед нами — округлое безбровое лицо, с устремленными вдаль глазами, с загадочной улыбкой, воспетое и теми, кто дружит с музами, и теми, кто производит парфюмерию (душистое мыло «Джоконда», пудра «Джоконда», губная помада «Джоконда»), запетое, как уличная песенка, и все равно вечно новое, ничуть не утратившее своих чар. Иной прелестью веет от «Девочки» (Вермеер Дельфтский) с вопрошающим взглядом и полуоткрытым ртом, уже предугадывающей свою женскую суть, или

На Ольшанском кладбище
в Праге
похоронены
советские воины,
погибшие
после 9 мая 1945 г.

Был день начальный у войны,
И у войны был день конечный.
А между них дымятся дни,
Изрешеченные картечью.
А между ними нам пройти,
Связать их выпала задача,
И каждый шаг на том пути

Великой кровью был оплачен.
Взывал набат, гремел раскат,
И фронт, и тыл роднили беды.
...На пражском кладбище лежат
Погибшие после Победы.
Еще вонзались с чердака
Гранатой в празднующий город
Коварство лютого врага,
Войны звероподобный норол.
Бумажный крест сорвав с окна,
Уже Москва салютовала,
А сокрушенная война
Еще из-за угла стреляла.

Утоляю в буфете голод.
Изучаю газетный ларек.
Прилетел в обитаемый город
И хожу как перст одинокий.
Ни ответа и ни привета.
Приготовлена про запас
Двухкопеечная монета.
Но кому позвонит сейчас?
Из услужливого автомата
В год минувший звонки не дойдут.

Буквы зрелищного плаката
Пулеметной строкой бегут.
Рвет афишный лист канонада.
Мальчугану шестнадцати нет,
Только я нарушаю порядок
И ему покупаю билет.
Да простится мне эта шалость!
На запретные фильмы в зал
Проникал в пятнадцать, случалось,
А в семнадцать солдатом стал.

В тире

Служивому пенсионеру
За пули поштучно плачу,
И мальчик подходит к барьеру,
Приклад прижимает к плечу.
Недальней мишени окружье,
Под яблочко целься и бей.
Хлопки пневматических ружей,
Конечно, не гром батарей.
И все ж у сидящего в кассе
Неужто башка не болит,
Когда по-над ухом так часто
Настырный народец палит.
Наград разноцветные плашки
Над левым карманом видны,

Учился и он без промашки
Стрелять по мишеням войны.
Сам носом пахал под обстрелом
И слеп среди белого дня.
А все же не осточертела,
Выходит, ему трескотня.
Кому-то азарт и потеха,
Ему издали слышны
И огненной юности эхо,
И ярость ударной волны.
Когда, и крута и горбата,
Ушла из-под ног высота,—
Весь мир онемел для солдата,
И раны страшней — глухота.

Россию нелегко беречь...
Беречь — подняться буре встречь,
Когда и сталь и камень плавают.
«Да я, да ей — рубашку с плеч!» —
И пуговицы осыпаются.
Бренчит гитара под окном,
Гармонь клянется на проталине:
Мол, испытайте нас огнем,
Пройдем, не дрогнув, испытание.
Не сетую и не ворчу:
Ах, право, зелено и молодо.
Поверить на слово хочу,
Для недоверия нет повода.
В глухую полночь
за углом
Не в каждого бандюга метится,
И испытание огнем
Не каждому, по счастью, встретится.

Приказ бросает в бой солдат,
И страшно встать, и тяжело выстоять.
«Иду на подвиг!» — не кричат,
Когда берут высоты приступом.
Над хлебобородной полосой —
До окома колос к колосу:
«Смотрите — я какой герой!» —
Такого не услышишь голоса.
Не обнажал он — первый — грудь,
В минуту самую заветную
Сказал: «Поехали...» —
И в путь,
И к звездам, и к бессмертию.
Каков в борьбе да и в гульбе —
Все в строку и все скажется.
Рубашка что,
оставь себе,
Вдруг без бинтов окажешься.

от зеленоглазой, золотоволосой, в рыжину — девушки Тициана, напоенной соками земли, как фрукты, которые она держит на блюде, — его любимой дочери, проникшей чуть ли не во все женские образы Мастера, и кто, кроме Сандро Боттичелли, мог передать очарование отрешенных от всего земного печальных удлиненных созданий, сопутствующих Весне? А молодая женщина со знаменем в руке на знаменитом полотне Эжена Делакруа «Свобода на баррикадах» или бессмертный очаровательный Гаврош, открытый Виктором Гюго, а здесь обретший зримые черты маленького бесстрашного борца, а Венера Джорджоне, рано унесшего в могилу свою тайну!.. Стоп, тут нужно небольшое отступление, вовсе не обязательное для людей, чей вкус воспитан постоянным общением с прекрасным, частыми посещениями музеев и выставок, но необходимое для тех читателей, которые далеки от эстетических интересов и видят в наготе что-то стыдное, запретное и даже непристойное комическое. Анатолий Франс рассказывает о стороже Луврского музея, который навешивал фиговые листочки на статуи античных богов и героев. Художник, получивший у современников прозвище Никколо-Пакостник, задралировал по распоряжению палачахи обнаженные фигуры на знаменитой фреске Микеланджело «Страшный суд» в Ватикане.

Человек — мерило всему на земле, живопись и пластическое искусство славят совершенство человеческого тела, и надо воспитать в себе здоровое, чистое отношение к физической сути венца творения. На искусство, как и на жизнь, надо смотреть прозрачным и глубоким взором, освободив душу от житейской пошлости и копейного цинизма, что представляются зачастую молодым людям обязательными признаками взрослости. А между тем эти ложные атрибуты жизненного опыта свидетельствуют о незрелости, жалкой духовной слабости.

Вернемся все же к основной теме. Если обратиться к энциклопедическим словарям, от старого знаменитого Брокгауза и Ефрона до новейших, то убедиться с грустью, что простых, доходчивых слов для расшифровки общеупотребительного понятия не существует. Не всегда прямой путь — самый верный, к красоте лучше пробираться околицей.

Вспомним фразу Достоевского: красота спасет мир. А знаменитый английский поэт, прозаик, драматург и эссеист, один из самых блестящих умов прошлого века, Оскар Уайльд, утверждал: морали нет, есть только красота. Похоже, что высказывания двух знаменитых писателей исходят из взаимоисключающих представлений о сути красоты. Нет сомнения, что наш классик подразумевал под красотой не смазливое личико, от которого случаются на земле разные беспорядки, но ждать спасения столь же бессмысленно, как добывать солнечный свет из огурцов, чем занимались — по утверждению Свифта — мудрецы Лалундской академии. Достоевский имел в виду не внешнюю, поверхностную красоту, прикрывающую порой опустошенность, даже уродство, а нечто высшее, несущее нравственную силу. Уайльд безразличен к спасению мира, он не признает морали и верит лишь в очевидную красоту, отказывая ей в этическом начале. Творчество Уайльда, если взять его пьесы «Как важно быть серьезным», «Иде-

альный муж», «Веер леди Уиндермир», изящные и сознательно поверхностные, до сих пор чарующие зритель, служат подтверждением его тезиса, равно как и блестящий жестокий роман «Портрет Дориана Грея» — имя героя стало нарицательным для обозначения утонченной, неподвластной времени красоты вопреки развязке, где гнусно постаревший портрет Дориана открывает внутреннее уродство, трухлявость мнимого молодого человека.

Но обратимся к сказкам Уайльда: «Счастливый принц», «Преданный друг», «Мальчик-звезда», «Замечательная ракета» — нравственная подоплека этих совершенных по форме произведений очевидна. Настолько очевидна, что в «Преданном друге», будто извиняясь за противоречие между художественной практикой и теоретическими предпосылками, Уайльд завершает трогательную и горестную историю маленького Ганса — жертвы корыстного лицемерия — иронической концовкой. Историю эту повелада Коноплянка старой Водяной крысе, которая оскорбилась, «как тот критик» (!), обнаружив, что в рассказе есть мораль. Она сердито вскрикнула «Фу!» — потом взмахнула хвостом и спряталась в нору. Стало быть, критик, безразлично отвергающий мораль, подобен глупой Водяной крысе, скрывающейся в смрадной норке от урока добра. А писатель, разделяющий его взгляды?.. Выходит, Уайльд довольно зло посмеялся над самим собой.

Попытка игры на равных в аморальной мирке знати и богатей привела Уайльда в тюрьму. Сильные мира сего откупаются от расплаты, поэт гибнет. В «Балладе Рэдингской тюрьмы» и тюремных письмах нет и следа эстетического кокетничанья, модного цинизма. Голос поэта пронизан болью за человека, иначе говоря, нравственным началом. Вот как получилось с художником, поклонявшимся «чистой красоте» и отвергавшим иные мерила истины. Еще до своего несчастья Уайльд — большой художник — не мог оставаться в рамках голого эстетства, и уроки Рэдингской тюрьмы сделали бывшего индивидуалиста частицей общечеловеческой боли, так произошло его сближение с другим узником, автором «Записок из мертвого дома» — прежде антиподом. Исповедуя красоту, Уайльд пришел к нравственности.

Быть может, мы слишком рано ушли вглубь, а все ли так ясно на поверхности? Что мы считаем красивым, или — еще проще — какого человека мы считаем красивым? Ведь речь в очерке идет только о человеке, красота природы и вещей — за его рамками.

Когда перебираешь, постепенно отбрасывая, признаки, обязательные для истинной красоты, то останавливаешься на таком, как симметрия, без которой нельзя представить себе и строгой соразмерности частей, иначе гармонии. Если же отбросить «научные» потуги и сказать просто по-бытовому: надо, чтобы правая и левая стороны были одинаковы.

В изобразительном искусстве эталоном красоты является Венера Милосская, на ней сходятся все. Когда критик и поэт Аполлон Григорьев впервые увидел Венеру в Лувре, он упал на колени и разрыдался. И вот проделали опыт: взяли фотографию лица богини, разделили по вертикальной линии на две половинки и разрезали. Затем к левой половинке приставили ее зеркальное отражение, так же посту-

пили с правой. «Полученные результаты сложения так двух строго симметричных фотографий», — пишет профессор Этинген в книге «Страна анатомии», — окажутся непохожими на Венеру. Одно, широкое и округлое, в лучшем случае будет напоминать Ольгу, а другое, узкое, длинное, Татьяну (хотя конкретного ее портрета автор нам не оставил). Прервем цитату и еще раз отдадим должное художественной прозорливости Пушкина. Лишив Татьяну даже тех немногих портретных черт, которые уделены Ольге, он сотворил самый обаятельный женский образ в русской литературе. Этинген продолжает: «Ни Ольга, ни Татьяна не претендовали на роль общепризнанных красавиц. А вот изваянная великим мастером античной Греции Венера вне конкуренции». И естественный вывод: «...строгая симметрия убивает человеческую красоту».

Не только человеческую, приведу пример из области архитектуры. Все мы знаем, что Парфенон, храм Афины Парфенос на Акрополе в Афинах, построенный в пятом веке до нашей эры Иктином и Калликратом, — это совершенство. В зодчестве Парфенон — то же, что Венера Милосская в скульптуре. Когда наша туристская группа знакомилась с Парфеноном, гидесса-гречанка проделала такой трюк. Сняв фетровую шляпу с головы одного из туристов, она побежала вдоль длинной колоннады в другой конец здания и положила шляпу на мраморный пол. И диво дивное: шляпа исчезла из виду. Безукоризненно ровный пол был горбатым. Оказывается, божественная стройность, совершенная гармония, идеальная симметричность Парфенона созданы диспропорцией, сознательной несоразмерностью частей, он построен «наперекос» и почти лишен прямых линий. В этом великий и загадочный расчет его строителей. Будь храм Афины Парфенос возведен по обычным канонам классической архитектуры, он казался бы на вершине холма кривым и горбатым.

Во время вторичного посещения Акрополя я тщетно пытался разглядеть скрытую кривизну линий храма, но, как ни напрягал зрение, ничего уже не получалось, я видел безукоризненную стройность и уже начал сомневаться, не приснился ли мне фокус со шляпой, когда новая гидесса повторила его с прежним успехом. То же самое окажется, если взять иные мерила красоты, на первый взгляд несомненные. Но опровергнуть их куда проще, чем доказать. Красота страшна правил, прекрасное в искусстве рождается не «в силу», а «вопреки». Это справедливо и в отношении литературы.

В первые годы после революции академик архитектуры Щусев читал перед широкой, преимущественно молодежной рабочей аудиторией лекции по эстетике. Их целью было приобщить широкие массы, как тогда выражались, к пониманию красоты, наслаждению искусством. На первой же лекции, прочитанной Щусевым с огромным воодушевлением, талантом природного популяризатора и, само собой разумеется, исчерпывающим знанием предмета, поднялся какой-то парень с прилипшим к нижней губе окурком и развязно сказал:

— Вот вы, товарищ профессор, все бубнили: красота, красота, а я так и не понял, чего такое эта красота?

ПИНТУРИККЬО.
ПОРТРЕТ МАЛЬЧИКА.

ЯН ВАН ЭЙК.
МАЛЬЧИК В ГОЛУБОМ.
ПОРТРЕТ ДЖ. ВАНТОРА.

Кто-то засмеялся. Щусев внимательно поглядел на парня. Сутулый, длиннорукий, мутноглазый. И чего завалился на лекцию этот вовсе не безупречный шатун — погреться или побузить? Его несколько не интересовала суть вопроса, хотелось озадачить распинающегося на кафедре «интеллигента» и выставить перед окружающими. Его надо крепко осадить ради общего дела. Щусев прищурился и спросил:

— Зеркало дома есть?
— Есть. Я перед ним броюсь.
— Нет, большое...
— Ага. В стенном шкапе.
— Разденьтесь донага, поглядите на себя в зеркало и сравните вот с этим юношей. — Щусев протянул парню фотографию, снятую с «Давида» Микеланджело, которую тот машинально взял. — Вы сразу поймете, что такое красота и что такое безобразия.

Я привел этот случай не развлечения ради. В насмешливой выходке архитектора есть рациональное зерно. Щусев предложил самый верный способ постигнуть красоту. Истина и вообще познается в сравнении. Лишь взгляды в образы красоты, созданные искусством, будь то Венера Милосская или Ника Самофракийская, мадонна Рафаэля или мальчик Пинтуриккьо, Флора Тициана или автопортрет Ван Дейка, царевна-лебедь Врубеля или три богатыря Васнецова, крестьянская девушка Аргунова, кружевница Тропинина, дочь Нестерова или бегущие спортсменки Дейнеки, можно приучить свой глаз и душу к той радости, которую дает встреча с прекрасным. Этой цели служат музеи, выставки, репродукции, книги по искусству.

Изначальные образы прекрасного, подобные Венере Милосской, Нике Самофракийской, Дорифору,

стали эталонами, ибо в них воплощен общечеловеческий образ красоты, над которым не властно время.

Каждая эпоха, даже каждое время имеет свой взгляд на красоту. Средневековье, окутанное религиозным дурманом, презирало человеческую плоть, считало ее чем-то нечистым, постыдным, ибо плотская жизнь отвлекает от неба, отсюда сухость, бестелесность искусства средних веков, не исключаяющие изобразительной мощи. Живой, индивидуальный человек вернулся с искусством Ренессанса (мадонны Рафаэля — простые итальянские девушки); возродилась любовь к физической сути человека, но в ином аспекте. Древнегреческое искусство очеловечивало богов. Ренессанс обожествлял человека. Боги, ставшие людьми, не могут быть резко индивидуальны, ибо тогда они не боги, не символы, а человек возводился в божественный чин во всем своем своеобразии и несхожести с себе подобными. Вот почему так безлично прекрасны статуи греческих богов, вот почему так резко индивидуальны образы европейского Возрождения.

Вернемся к земному. Чем поражает Джоконда? Сложностью выражения, глубиной душевной жизни, обнаруживающей себя в многозначительной полулыбке, взгляде, погруженном в даль, но готовом откликнуться и сиюминутности. Разве можно сказать, что Мона Лиза безукоризненно красива? Но манит, притягивает, сводит с ума поэтов, вдохновляет музыкантов, пленяет сложные и простые души бессмертная Джоконда — в ней явлен не холодный, обобщающий тип красоты, а горячая, пульсирующая бездонная жизнь единственной души, потому над тайной Джоконды, тайной вполне реальной женщины, жившей в нашем мире, а не на Олимпе и не в горних

КОММУНИСТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ НЕЛЬЗЯ ПРЕДСТАВИТЬ БЕЗ ВОСПИТАНИЯ У МОЛОДЫХ ЧУВСТВА ПОДЛИННО ПРЕКРАСНОГО, НЕПРИЯТИЯ БЕЗЫДЕЙНОСТИ, ПОШЛОСТИ, ЦИНИЗМА И ПЕССИМИЗМА КАК В ЖИЗНИ, ТАК И В ИСКУССТВЕ. ЛИШЬ ИСТИННОЕ ИСКУССТВО СПОСОБНО УКРЕПИТЬ НРАВСТВЕННО И ИДЕЙНО.

высях, флорентийской гражданки, жены купца Джокондо, не устают биться поколение за поколением.

Сикстинская мадонна Рафаэля вырвалась из сонма бесчисленных мадонн, созданных и его легкой кистью и другими гениями Возрождения, неповторимой прелестью черт той крестьянской девушки, что послужила ему моделью.

Чем так безмерно прекрасен совсем простой, бесхитростный портрет мальчика Пинтуриккьо? Проникновением в натуру. Пухлогубого серьезного мальчика ждет непростая судьба. Пинтуриккьо был влюблен в Рафаэля. Мне кажется, что на дрезденском портрете изображен подросток Рафаэль. Но другой человек «прочтет» в этом портрете что-то свое, ибо такие произведения неоднозначны, и в этом их завораживающая сила.

«Мальчик в голубом» английского художника Гейнсборо являет иной образ красоты юности. Восхищает дивный цвет атласного камзола, чудесный тон сумеречного неба, необыкновенно изящная поза модели, но, всему отдав дань, сосредоточиваешься на добром и задумчивом лице мальчика и ловишь себя на том, что желаешь ему счастливой, долгой, легкой жизни, совсем забыв, что огонек этот давно отгорел. Истинная красота побуждает к сочувствию. Не знаю, как сложилась судьба «голубого мальчика» Джона Баттола, но верится, что он вырос в хорошего, с чистой душой и светлым умом человека.

А вот совсем иная красота: «Девушка с креветками» Уильяма Хогарта, художника, тяготевшего к сатире — и весьма колкой. Он и здесь не удержался от легкой, но обидной насмешки над своей моделью — юной, улыбающейся во весь рот торговкой дарами моря. И все равно она чудесна в своем немислимом головном уборе, пышущая здоровьем дочь народа с сияющими глазами. В отрывке из книги М. Герман о Хогарте, сопутствующем репродукции, справедливо говорится, что портрет этот — «открытие социального типа». Возможно, что иных снобов, утонченных ценителей искусства времен Хогарта торговка креветками шокировала, возмущала, они брезгливо отворачивались, зажимая носы, — от торговли так и несет йодистым морем, но их презрение бессильно перед мощью полнокровного искусства.

Красоту надо уметь разглядеть, иногда это не так просто, требуется известное насилие над собой, над

**ХОГАРТ.
ДЕВУШКА С КРЕВЕТКАМИ.**

Н. А. КАСАТКИН. ШАХТЕРКА.

своим вкусом, чувством, привычкой к определенному ряду художественных впечатлений. Не надо удивляться, что грекам нравился архаичный, смешноватый на сегодняшний взгляд Аполлон Тенейский. Греки VII века до нашей эры видели в нем воплощение мужественной красоты, и это видение можно при желании пробудить в себе; или «Ханаоги» японца Утамаро — узкоглазая девушка, исполненная необыкновенной грации и прелести... на японский вкус. Нет, на всемирный, но только для натренированного искусством взгляда. В свою очередь, девственный в эстетическом плане японец едва ли поймет красоту «Шахтерки» Касаткиной, внутренне близкой — без внешнего сходства — девушке с креветками Хогарта, хотя в ней больше силы, уверенности — не без вызова — и улыбается она не столь безмятежно и открыто: ее жизненный опыт тяжелее. Но красоту этой простой русской девушки (тут тоже открытие социального типа) отвергали любители салонного искусства. Думаю, что простого японца куда легче было бы расположить к «Шахтерке», нежели иных соотечественников и современников Касаткиной. Классовое чувство тоже играет свою роль в восприятии красоты.

Счастлив человек, который настолько внутренне свободен, настолько восприимчив, открыт красоте всего сущего, что может от души восхищаться и дискоболом, и лунатическими девушками Боттичелли, и светом лиц, запечатленных Ван Дейком, Ренуаром, Пикассо, Серовым, Петровым-Водкиным, и резкими, непреклонными чертами бронзового Николая Островского (памятник работы В. Горюхова и С. Кубасова), — это все разные образы бессмертной красоты юности.

Особо надо выделить цикл портретов Титуса кисти

его великого отца Рембрандта. И потому, что — Рембрандт, и потому, что это редкий в искусстве случай последовательного изображения человеческого существа на всех этапах его роста и созревания: с раннего детства до зрелости. Вы видите здесь четыре портрета Титуса: малого ребенка с широко и доверчиво распахнутыми глазами, мальчика-школяра, прилежно зубрящего уроки, задумчивого подростка, юноши с утончившимися чертами, погруженного в книгу; чтение так его захватило, что приоткрылся хорошо очерченный рот. В последнем портрете Титуса запечатлено то слияние мысли и чувства в единый клуб нравственности, с которого Л. Толстой вел отсчет юности. Вдохновение мастера, безмерно любящего свою модель, тонкая духовность юноши сотворили радостное чудо. Об этом чуде, как всегда точно и чуть тяжеловато, сказал философ Гегель: «Мастерство обнаруживается не в чувственной красоте форм, а во внутренней одухотворенности, и это приводит к мастерству изображения».

Исчерпать тему красоты невозможно, и все-таки мы имеем право на какие-то выводы. На наших страницах собраны портреты различных людей (боги тоже очеловечены), красивых каждый на свой лад и вовсе между собой не схожих. Роднит их юность и добрая нравственная основа.

Бездушная, внешняя красота ничто, ценна лишь красота, светящаяся изнутри, она озаряет мир добром, возвышает самого человека и укрепляет веру в будущее.

Как хорошо сказал великий педагог К. Ушинский: «Всякое искреннее наслаждение изящным само по себе источник нравственной красоты». Вдумайся в эти слова, читатель!..

Игорь СЕРКОВ

Мне необходимо увидеться с вами! Срочно! Поймите, речь идет о справедливости! Вернее, о несправедливости. Готовится, уже совершается страшная несправедливость. Надо вмешаться, пока не поздно. Я специально ради этого приехал в Москву. Когда могу подъехать? Немедленно!..

Он буквально ворвался в комнату. Молодой. Невысокий, крепко сбитый, резкий, порывистый в каждом движении. Сильное, подчеркнуто сильное рукопожатие.

— Виктор. Работаю в конструкторском бюро одного из подмосковных заводов и учусь на вечернем. Сами понимаете — времени ни на что не хватает. Но тут такое дело! Надо что-то предпринять. Ведь сейчас промолчишь — потом поздно будет. Да и как молчать?!

Виктор смотрит в упор темными, упрямыми глазами. Передо мной человек, который принял решение и которого с пути уже не своротить. Человек, готовый к борьбе, знающий, чего добивается. Человек, которому хочется помочь.

Что же произошло? В конструкторское бюро Виктор пришел два года назад. Учила его делу Татьяна Петровна — человек с большим опытом и характером, для этого как нельзя лучше подходящим. — все знает, все понимает, терпелива, из-за ошибок не выходит из себя, зато умеет доступно и необидно растолковать, где промах.

— Сейчас я даже не могу себе представить, что бы со мной было, если бы не Татьяна Петровна! По существу, все в группе могли в той или иной степени назвать себя учениками Татьяны Петровны. — Понимаете, у нас вся работа шла через нее. С предложением или за советом — к кому? Конечно, к Татьяне Петровне!

— А что же изменилось теперь? — А теперь у нас новый руководитель. Новым руководителем группы назначили едва ли не самого неопытного работника... — Ксаночку. Впрочем, какая теперь Ксаночка! Оксана Станиславовна — и никак иначе.

Рабочий путь Оксаны Станиславовны невелик: школа, потом институт, потом распределение на завод, восемь месяцев работы... И тем не менее возглавить группу предложили именно ей.

— Да, потому что у нее родственник — заместитель главного конструктора.

Должность должностью, а работа по-прежнему шла через Татьяну Петровну. Но Оксане Станиславовне такое положение пришлось решительно не по нраву. И сейчас она делает все, чтобы Татьяну Петровну из бюро попросту выжить. Любыми средствами. Нашлись люди, которые переметнулись на ее сторону. Обстановка в группе сейчас такая, что заваливается одно задание за другим...

— А Оксана и ее люди все подают так, что виновата в этом именно Татьяна Петровна. Она уже всерьез думает об уходе, представляете! — Виктор не мог сидеть спокойно. — Она, которая нас всему научила! Сколько она с Оксаной возилась — это же страшно вспомнить! Столько лет отдала заводу, а теперь искать новое место?

— Виктор, а вы не пробовали сами потолковать с Оксаной? Так, знаете, по-дружески. Ведь вы, видимо, ровесники?

— Пытался. Да что толку! У нее теперь любимое слово: не потерплю! Представляете? «Я главная, а она моя подчиненная, и я не хочу, чтобы она тут распоряжалась». — это Ксаночки слова. Как будто помешалась на своей должности. А ведь сама ничего еще толком не умеет, за советом к ней обращаться бесполезно. А к Татьяне Петровне мы при ней обращались уже побаиваемся... Не только за себя, она ведь сразу и на Татьяну Петровну набрасывается. А подойдешь в ее отсутствие — сразу донесут. А Оксана таких вещей не прощает и не забывает.

— А как другие сотрудники относятся к этому? — Понимаете, нас всего-то семь человек. Двое, как и я, возмущены до предела, а двое теперь из свиты Оксаны. Вчера у нас было очередное столкновение, Татьяна Петровна потом расплакалась... А я понял, что больше терпеть этого не могу. Не могу и не буду. Давайте, чтобы вам было понятнее, я нарисую, как у нас там все разделились.

На листе бумаги точными, конструкторскими штрихами Виктор набрасывает схему: здесь его место, здесь рабочее место Татьяны Петровны, тут теперь восседает Оксана, а тут она посадила своих с расчетом, чтобы наблюдали за остальными...

Смотрю, слушаю. Но тут же невольно пододвигаю ближе письмо, что пришло вчера, и пробегаю глазами подчеркнутые места.

«Я работаю на небольшом предприятии. Так, в нашем цехе всего 25 человек. Друг друга мы знаем очень хорошо. И все всегда считали, что цех наш — самый лучший. И не только потому, что мы постоянно завоевывали первые места в соревновании, получали премии. Дело в том, что мы были как одна семья. Часто слышали от других работников: «А как же, это же в вашем цехе!» Понимаете, о нашем коллективе всегда говорили с уважением и достоинством. И для нас работа это было все — наш дом, наша жизнь. Мы помогали друг другу, у нас были общие радости...»

«Душой нашего коллектива была Вера. Она работала у нас со школьной скамьи... Я не могу спокойно писать о ней — во мне все кипит от обиды... Вера была сначала ученицей, потом электромонтером, электро-механиком, сменным инженером, старшим инженером. Да, она окончила заочно только техникум, но все в нашем цехе вам скажут, что лучше всех работу знает она. Ее ночью разбуди — и будят! — она скажет, где повреждение, как его устранить. Работа, цех у нее все время в голове. Она просто талант в нашей работе. Недавно к нам пришла новенькая, молоденькая девушка, она прямо сказала: «Как здорово, что есть такие хорошие люди, как Вера!» Вера действительно обязательно поможет, кто бы ни обратился за помощью. Она ненавидит принцип «ты — мне, я — тебе». Все ее уважали и любили...»

«Но в этом году начальник цеха ушел на пенсию. Мы были убеждены, что его место должна занять Вера. А назначили молодого, неопытного, ни в чем не разби-

сейчас вам его написал, да только мне уже бежать надо — олаздываю. Знаете, я завтра его сам вам привезу, а то по почте это несколько дней займет. Вы когда работу начинаете?»

То же крепкое рукопожатие. — Значит, до завтра.

Он ушел, и тут только я вспомнил, что как-то не успел спросить его, на каком именно заводе он работает. Подумал сразу: ничего страшного. На Тамару П. из Саранска он не похож, видимо, в горячке вылетело из головы, завтра из письма узнаю.

На следующее утро письмо лежало у меня на столе. Самого Виктора не было...

«Хочу, чтобы Вы меня правильно поняли. Мне тяжело писать это, но другого выхода у меня нет... Одним словом, не надо вмешиваться Вам в это дело. Считайте, что я у Вас не был, ничего Вам не говорил...»

«Поверьте, мне нелегко далось это решение. Я не спал всю ночь. Просто у меня сейчас нет возможности бороться. Мне осталось немного учиться в институте, я уже приступил к дипломному проекту, а кто знает, чем закончится все, если Вы вмешаетесь? Дело не такое простое, а мне сейчас нужно спокойствие и свежая голова, чтобы нормально окончить институт. Знали бы Вы, сколько сил он мне стоил!»

«Видимо, я несильный человек. Обидно, конечно, сознавать это, но... Знаете, может, все и утрясется само собой, успокоится...»

«Словом, извините за беспокойство». Кладу письмо в ту же папку, где лежит письмо из Саранска. Что ж, вот теперь и прояснилось, что совсем не в горячке разговора забыл Виктор назвать завод, на котором работает.

Человек, готовый к борьбе?..

Кроме выражения надежды, что все утрясется само собой, Виктор написал еще, что если этого не произойдет, то вот уж после защиты диплома и распре-

ОТВЕТЫ

рающегося инженера. Жить и работать стало невыносимо. Новый начальник цеха с нами разговаривает только официально. Сразу уволились три сменных инженера, самых опытных. Собирается уходить и Вера, уже подала заявление. Коллектив развалился, появились сплетни, ругань. А новый начальник очень любит, когда ему передают всякие сплетни. Оценка качества в цехе съехала до 2...»

«Вы можете сказать: помогите новому начальнику цеха. Но как помогать человеку, который попросту не на своем месте? Которого абсолютно не за что уважать? Ведь он очень часто обижает людей. Наказывает, не разобравшись, потому что нет у него ни знаний, ни опыта... Мне очень больно за свой цех, за всех нас, ведь я вижу, как распалась наша дружная семья, где горе и радость, все было общим...»

Такое вот письмо. А подписи нет. Тамара П. — и только. И на конверте тоже ничего. Единственное, что удалось установить по штемпелю, — письмо из Саранска. Перечитал еще раз — может, есть название предприятия? Нет. Мелькнула мысль: а не выдуманно ли все? Но по деталям, по общему тону письма чувствуется, что история подлинная, пишет человек действительно взволнованный, искренне возмущенный. Но только позаботившийся о том, чтобы отыскать его не было никакой возможности. Не пожелавший, чтобы журнал попытался как-то помочь людям в создавшемся положении, вмешался...

— Теперь вы понимаете, что нельзя не вмешаться?!

Виктор смотрит на меня непримиримо в упор. Он, кажется, заметил, что я отвлекся от его рассказа, и всерьез обиделся.

— Только учтите, я этого так не оставляю. Я понимаю, у вас свои планы... Тогда я пойду в другую редакцию. Я все равно найду людей, которые помогут восстановить у нас справедливость.

Спешу успокоить его: постараемся помочь, сделаем все, что в наших силах. Одна только просьба: может, он напишет письмо на имя редакции, изложит в нем все, что сейчас рассказал. Такое письмо становится официальным документом, будет проще работать на заводе, разбираться в конфликте. Да и ему будет спокойнее: ведь отреагировать на письмо — наша прямая обязанность.

— Да пожалуйста, сколько угодно. Я бы прямо

ления, а он хочет работать на этом же заводе, он молчать не станет. Тогда-то уж его ничто не удержит.

Да и Тамара П. не только жалуется. «Пишу для того, чтобы вы опубликовали рассказ или статью о тех, кто из-за положения и зарплат, из-за желания командовать людьми соглашается и идет на высокие должности, не заслужив ни доверия, ни уважения людей, с которыми работает. Чтобы они прочитали о себе и устыдились того, что делают».

Такие вот надежды.

Надежды такие, что разделить их я, например, попросту не могу. Увы, как ни обидно мне, человеку пишущему, признавать это, все же боюсь, что даже если и прочтут рассказ или статью, написанные по совету Тамары П., люди не на своем месте, то не устыдятся. И заявления «по собственному желанию» не напишут. Потому просто, к примеру, что не узнают себя в героях подобного материала — такие люди видят себя совсем не так, как мы их. Другое дело, если статья будет с конкретными фактами, адресами, фамилиями. Но такого материала по письму Тамары П. не напишешь.

Что же до Виктора... Не знаю, заставит ли он теперь когда-нибудь себя бороться с несправедливостью, выступить за обиженного человека? Именно заставит ли? Ведь теперь, после того, как он отступился, ему придется заставлять себя бороться. Заставлять, потому что отступаться он уже научился.

Не слишком ли строго это — так сразу о нем?

Боюсь, что нет. Есть ситуации и ситуации. И я вовсе не сторонник того, что в каждом сложном случае нужно тут же лезть на рожон, крушить направо и налево. Так можно и дров наломать. Но ведь есть случаи, когда ясно самому себе: «Не могу молчать! Не должен молчать! Совесть-то у меня есть?!» И вот если человек сдерживает себя здесь, в таком случае способен надеть на себя узду!..

Сдается мне, что в таком случае что-то ломается в нем бесспорно. Что-то внутри. Тут при всей рискованности подобных сравнений можно привести пример из физики. Когда какое-то тело набирает приличную скорость, резкое торможение при таком разбеге приводит к внутреннему потрясению. А что уж говорить о полной остановке на всем ходу! Возникают перегрузки, при которых все смещается и перетряхивается внутри. И неизвестно, как потом уложится. В том ли порядке...

Вот и сдается мне, что такое произошло с Виктором. Все-таки верю я, что хотел он, действительно хотел и помочь своей наставнице и несправедливости воспрепятствовать. По-настоящему хотел, только... Только испугался. Испугался грядущих, возможных неприятностей. Он понял, что есть дела у него сейчас «поважнее»... И заставил себя остановиться. Сломал в себе негодующее, толкавшее его на борьбу чувство. Боюсь, что теперь ему всякий раз будет куда проще доказать себе, что лучше побыть в стороне, надеясь, что все перемелется к лучшему само по себе. Ведь там, «в стороне», он уже обжился, обтоптал себе местечко. Привычное теперь для него это место.

Написал я выше, что ломается внутри человека при таких конфузах что-то, а теперь подумал: да какое там что-то! Если уж начистоту, то свое гражданское достоинство ломает в себе человек, самоуважение глушит, честные благородные чувства, разбередившие душу и ум, жалким расчетом тушит.

Словом, не верится мне никак теперь в его «потом, когда ситуация будет благоприятнее...» Ох, уж эти детские надежды на то, что вот уж со следующего понедельника обязательно начну новую жизнь! Непременно. А сейчас? Сейчас еще можно жить по-старому. Ну, тогда-то, в детстве, еще не понимаешь, что потом будет лишь то, что закладываешь в жизни сейчас, не откладывая, не мороча себе голову прекраснотными планами. И если случилось мне видеть людей, которые действительно начинали что-то вроде новой жизни, то были это люди, которые в минуту сильного душевного потрясения и напряжения принимали решение и начинали жить по-другому немедленно, тут же. Виктор минуту такого душевного взлета пережил, а жить-то принялся в результате так, что теперь перед собой неловко. Живет ныне с сознанием: «Я несильный человек». Сам о себе так решил. Сам себя таковым перед людьми выставил...

Одно она решила для себя бесповоротно: после

ошибалась, если ошибалась? А если я была права — помогите, защитите! Кто-то сказал ей: «Не обращай внимания». Кто-то отмахнулся: «Расхлебывай теперь сама». Другой посоветовал: «Жалуйся куда-нибудь».

В отделе на нее смотрели кто с осуждением, веря слухам, а кто улыбался: «Доборолась? Зачем тебе это вообще было нужно?»

Она до тоски и отчаяния измучила себя вопросами: а может, и впрямь сама во всем виновата? Может, действительно, не столько за дело боролась, сколько суежилась в поисках популярности?

Тогда она и пришла в редакцию. Нет, на предприимчивую карьеристку, способную холодно изводить людей, она не тянула. Какое там! Растерянная, замкнувшаяся в себе девушка, для которой одно слово искреннего участия и то поддержка, ободрение, сразу ослабившие сковывавшие ее напряжение и настороженность.

Разговор сложился некороткий, с отступлениями в прошлое — в студенческие годы, школьные. Непростой разговор. И не сразу вдруг прояснилось: в чем же ее, Валентины, беда? А беда ее была в том, что Валентина совершенно не умела бороться. Да что там не умела! Она будто и вообще не понимала, что это такое — борьба, столкновение с людьми, интересы которых ты задеваешь.

Да, именно так: не знала, что значит борьба с недобросовестностью, халтурой, расхлябанностью, ложью, двуличием. Та борьба, без которой невысиди работа «Комсомольского прожектора», если он действительно работает. Ведь именно для такой борьбы он и был создан.

Как представляла свою работу в КП? Ей казалось, что самое важное — суметь разобраться в положении дел, отыскать ошибки, выявить волокитчика и указать на них. А дальше все исправится само собой. Ведь она укажет правду. И во время рейда она не уставала объяснять, что их, «прожектористов», цель

А Валентине, конечно, надо было помогать. Да и комсомол предприятия, на котором она работает, хотелось спросить: как же так — бросить своего товарища в тяжелую минуту, не поддержать его?

И уже выкраивалось время для командировки, когда пришло письмо от Валентины.

«Спасибо за желание помочь, за участливое отношение ко мне. Но я очень прошу: не приезжайте. Не надо вмешиваться. Я не хочу, чтобы снова поднималось это дело...»

Не потому только, что я испугалась пересудов. Хотя и испугалась, конечно. Но я поняла, что мне не хватает критичного отношения к самой себе. А все мои беды, может, оттого, что у меня здесь нет друзей и потому мне никто не поможет... Я решила начать не с исправления людей, а с самой себя. Есть такие строки поэта: «Когда изменяемся мы — изменяется мир». Вот я и попробую стать другой».

Что ж, оставалось лишь пожелать, чтобы надежды эти не оказались пустыми, а сбылись. Только... Нет, я вовсе не против самосовершенствования. Никогда не насмешничал над людьми, ставившими перед собой такую цель. Да вот только замечал, что люди становились устойчивее, сильнее характером и умом, приобретали друзей не в уединении, а в совместном, важном и интересном для всех деле. Тогда с них смывалась и неуверенность в своих силах, и слабодушие, и инстинктивное желание отступить. Тогда понимали они для себя, как много может человек. Вот и хочется, чтобы задумалась Валентина: может, этот путь надежнее?.. Да и друзей в стороне от людей разве обретишь? Самая-то, кстати, крепкая и прочная дружба та, когда у людей есть совместное прошлое. Когда им есть что вспомнить совместно. Пусть это даже будут и не радости и веселье, а трудности, испытания. Они-то как раз и связывают крепче всего. Потому и нет ничего прочнее фронтовой дружбы, братства фронтовиков. За ними такие общие испытания, что самой этой дружбе никакие испытания уже не страшны.

Итак, они отступились...

И одно дело, если бы спокойно и безмятежно, с уверенностью, что поступают правильно. А тут у каждого и боль и стыд в памяти и на сердце. Один дернулся было что-то сделать, да решил приберечь себя, другая попробовала, обожглась и решила спрятаться от людей, а третья даже не решилась что-либо предпринять, только на искреннюю жалобу без подписи и достало сил.

Наверное, кто-то куда строже отнесется к Виктору, чем к Валентине. Что ж, и у меня к нему спрос куда суровее. Она-то хоть наткнулась на удар, а он испугался заранее. Только сегодня хотелось бы сказать о другом.

Есть у Достоевского поразительной глубины и ясности мысль: «...ничего нет выше и сильнее, и здоровее, и полезнее впредь для жизни, как хорошее какое-нибудь воспоминание...» Воспоминание, когда человек может сказать о себе: «Да, я был тогда добр, смел и честен».

Так сколь же тяжела и губительна для жизни память о том, как ты был слабодушен и робок, что за твоими плечами поступок, которого ты стыдишься! Как давит, пригибает человека такая память. Как мало можно ждать от такого человека в будущем!

Каждый из авторов писем, о которых говорилось выше, отступился от справедливого дела, решив уберечь себя от неприятностей. Только разве уберечься? От каких-то сиюминутных — может быть. Но не слишком ли дорого заплачено за это бережение? Ведь, не наталкиваясь даже на намек сопротивления, в коллективе еще больше закупается удил некомпетентные руководители. И кто поручится, например, что следующим объектом неприязни Оксаны Станиславовны не станет сам Виктор? На чью помощь тогда ему рассчитывать, если сам он никому не помогал? И не слишком ли дорогая цена за молчание — полный развал в цехе, который был когда-то «как одна семья»? А задумалась ли Валентина о том, что ей так и предстоит на своем предприятии жить со славой карьеристки, не стесняющейся в средствах, но которую вовремя остановили?

Раздумывая, бороться или не бороться, и решив, что лучше отступить, смотрели ли авторы писем хоть чуть дальше, за свой страх, поверх него? Да, человеку может быть страшно. Любому. Только одни пластаются перед страхом так, что уже больше ничего в них не остается. А другие способны понять, что есть в жизни еще и многое, кроме него. Гораздо более важное и нужное. И людям и тебе самому.

Справедливость, честность, порядочность — категории нематериальные. Они не существуют в жизни сами по себе. Но они направляют жизнь, когда есть люди, которые ими руководствуются, которые их отстаивают, которые борются, пока они не восторжествуют. Авторы трех упомянутых писем пока не среди них.

Пока?

ИДЕИ

института начнет другую жизнь. Она станет иным человеком. Совсем не той малоприметной студенткой, о которой на курсе никто не мог сказать ничего внятного, кроме: да есть такая, ничем особенным не выделяется, друзей не имеет... На работе все будут знать другую Валентину — способного молодого специалиста, активную общественницу, которая всегда в гуще всех дел, к которой все идет за помощью, у которой друзья в каждом отделе...

Распределили Валентину в проектную организацию. В первый же день она пришла в комитет комсомола и попросила себе поручение. И не просто какое-либо, твердо сказала, что хочет работать в «Комсомольском прожекторе». «Почему именно в КП?» — спросили у нее. Ответила: «Слышала, что это самый трудный, самый ответственный и самый... запущенный участок». Прити новичка вежливо удивились, но возражать не стали. Что ж, давай вытаскивай самый отстающий участок.

И вот первый рейд. Она чувствовала, как это важно — сразу заметно, здорово начать свою работу.

Проверяли соблюдение технологической дисциплины одним из отделов. Очевидно, рейд комсомольцев сыграл свою роль — график был выдержан, материалы заказчики получили в срок. Валентину в комитете похвалили: продолжай в том же духе.

В ходе рейда, между прочим, выяснилось, что весьма неблагоприятное положение сложилось в соседнем отделе — плановые объекты замораживаются, откладываются, переносятся. Полный набор привычных «объективных» объяснений: нехватка средств, людей и т. д., а дело стоит на месте. Валентина настояла на том, чтобы в дело вмешался и КП. Вмешались, и весьма решительно, кое-что с мертвой точки сдвинулось. Но одновременно по отделам поползли слухи: новенькая, мол, запугивала работников отдела, ведет себя высокомерно, доводит людей до истерики, видимо, делает себе карьеру... Сплетни ползли, обрстая, как водится, все новыми и новыми домыслами.

Валентину они резанули больно. Тем больнее, что она была убеждена в своей правоте. Да и упрекнуть ей себя было не в чем. Вроде бы... Вроде бы вела себя совершенно правильно, ничего себе не позволяла... Все это было так неожиданно, что очень скоро она просто потерялась и начала сомневаться в себе. Бросилась за помощью в комитет: «Объясните, где я

не наказать, не вывести на чистую воду, а помочь. Она хотела помогать. Честно, открыто.

Вот как она все себе представляла. А оказалось... А оказалось, что, указывая природно на недостатки, ты вступаешь в борьбу с людьми, которые в них виноваты, или с людьми, которым эти недостатки выгодны и удобны. И потому твои открытия они встречают, мягко говоря, без всякого восторга. И не бросаются их немедленно исправлять и заниматься самокритикой. А начинают борьбу с тобой. Выстраивают хитроумную систему самозащиты. Причем не стесняясь в средствах, выбирая зачастую далеко не те, которыми ты пользуешься.

И вот тут, пребывая в расслабленной позе победителя, вдруг открываешь, что борьба за честность и справедливость подразумевает и ответные удары, сопротивление. Яростное, безудержное или замаскированное, но не менее упорное, болезненное.

А Валентину первый же ответный удар повалил с ног. Вверг в шоковое состояние. Она была к нему вовсе не готова. Она-то думала, что раз она права, раз она за справедливость, то все ее только будут поддерживать и благодарить за помощь. И спешить к ней за помощью.

Из рассказа Валентины о годах студенчества становится ясно, что хотя особенно активной комсомолкой она не была, но в субботах, праздничных торжествах, других общественных мероприятиях участие всегда принимала. И всегда оставалось потом впечатление праздника, чего-то светлого, радостного...

Невольно задумываешься. Да, и здорово это, и прекрасно, и необходимо, конечно. Но ведь одного этого мало для жизни комсомольской организации. Не только праздники нужны и важны, но и будни, когда преодолеваешь трудности, когда добиваешься чего-то конкретного для конкретных людей, когда идешь на помощь, не теряешься перед бюрократами или лентяями... Добиваешься! В столкновениях, спорах без особого деликатничанья. Потому как если схватятся люди серьезно, на реверансы и извинения времени не остается.

Потому-то и ставится перед комсомолом задача: больше будничных, реальных, направленных на конкретную помощь людям дел. В таких делах и характер закаляется и умение добиваться своего вырабатывается.

Молодежная мода

СПОРТИВНЫЙ СТИЛЬ

Егор ЗАЙЦЕВ,
художник-модельер.
Эскизы автора

ТАКИЕ КУРТКИ
ПРЕДЛАГАЮТ
ХУДОЖНИКИ-МОДЕЛЬЕРЫ
АЛМА-АТИНСКОГО
ДОМА МОДЕЛЕЙ.

Фото
Владимира
ЧЕЙШВИЛИ

порт — ровесник цивилизации. Многие памятники древних культур доносят до нас изображения соревнующихся. Занятия спортом в эпоху античности, например, были составной частью образа жизни. Обратили внимание на одежду того периода: свободные драпировки, тоги, плащи — они отражали эстетику своего времени: раскрепощенность, раскованность, пластичность.

Все эти особенности присущи и современной одежде спортивного стиля. XX век — век спортивный, и мода, особенно молодежная, не могла, конечно же, остаться в стороне от этого массового увлечения. Стремительные ритмы жизни, пульс времени также предъявили к костюму свои требования, в первую очередь — удобство и функциональность. Поэтому одежда свободного покроя, вобравшая в себя черты народного костюма и специальной спортивной формы, завоевала сейчас множество сторонников, и не только среди молодежи.

Заглянем в молодежный гардероб: сегодня популярны всевозможные трикотажные свитеры, головные уборы и дополнения (гетры, шарфы, варежки).

На зимних вещах хочу остановиться особо. Пять-шесть лет назад варианты «дутиков» и «пуховок» заполнили мир, уверенно вытеснив с зимних улиц тяжелые пальто-саркофаги из драпа, дорогостоящие дубленки и шубы из натуральных мехов. Специальная одежда альпинистов и горнолыжников прочно вошла в гардероб людей, никогда не бывавших в горах. В чем же секрет столь успешного наступления этого вида спецодежды на наше сознание? По-видимому, дело не только в возросшей популярности отдельных видов спорта или достоинствах самой одежды, но и в том, что современные модели стеганых вещей опираются на глубокие национальные традиции. Один из аналогов — среднеазиатский ватный халат, спасающий как от холода, так и от жары. А вспомните рабочие ватные телогрейки!

Почему мы так ценим народную одежду, говорим о мудрости ее традиции? Да потому, что национальный костюм — это результат многолетней, порой многовековой эволюции, плод творчества миллионов людей, строгим экзаменатором которого являлось Время. Время производило естественный отбор и давало право на существование самым сильным, с точки зрения жизнеспособности, образцам.

А спустя годы, когда потребовалась одежда для людей, работающих в экстремальных условиях, среди ледяных вершин, по неосознанной, может быть, ассоциации с почти забытыми вариантами народных одежд, модельеры предложили современные дутые стеганые куртки и пальто на гагачьем пуху, тем самым еще раз подтвердив истину, что новое — это хорошо забытое старое.

Увидев, какую популярность обрели эти вещи, художники-модельеры разработали их вариации, но уже используя новые материалы и их цветосочетания. Так, дорогостоящий гагачий пух заменили синтепоном (утеплителем типа вязкого поролона), для материала верха стали использовать непромокаемые ткани с химическими пропитками сочных жизнерадостных тонов. Стеганые куртки и пальто обросли новыми, порой бесполезными, но эффектными деталями и постепенно потеряли внешнее сходство с предшественниками.

Стеганые зимние куртки, жилеты и пальто остаются популярными и в этом году. Цветовые особенности — яркие контрастные сочетания и пастельные оттенки коричневого, зеленого и синего тонов. Изменения коснулись лишь форм отделочных строчек, их ритмов. Изделия стали многослойными, комбинированными по цвету. Различны варианты их оформления: пальто и куртки с накладными жилетами, которые можно носить вместе и в отдельности, куртки с отстегивающимися рукавами и капюшонами, что позволяет использовать их в любое время года. Составной частью зимнего комплекта остаются стеганые брюки на утеплителе. Красочный теплый трикотаж желательно подбирать в цветовой гамме к верхним вещам.

В последние годы трикотаж из дополнения к курткам и брюкам превратился в самостоятельную и очень важную ассортиментную группу. Варианты решения трикотажных комплектов стали разнообразнее.

Если вы шьете сами, но ваше желание изготовить стеганую куртку упирается в отсутствие утеплителя, то в качестве прокладки можете использовать обыкновенный ватин или несколько слоев шерстяных пуховых платков, которые продаются в магазинах. В выборе модели, надеемся, вам помогут представленные рисунки-схемы.

Ирина АНДРИАНОВА.

Фото
Владимира ЧЕЙШВИЛИ

Тому повезет, кто случайно свернет с шумного московского проспекта и пойдет по длинной, как труба, Таганской улице мимо старых и новых домов, сквериков и переулков. Здесь, в районе Таганской, Москва другая — тихая, задушевная, как добрая тетушка у самовара. Перейдя белые, блестящие трамвайные рельсы, он вдруг начнет встречать странных людей, у которых станут запоминаться не лица, а руки. Потому что в руках этих будут копошиться, поскуливать, попискивать или просто по-детски глубоко спать самые разные зверята — щенята, котята и даже ежик — мокрый нос, уши топориком. Еще несколько шагов, и вот она, диковина Москвы — Птичий рынок.

Он неповторим, этот рынок, как узор в детском kaleidoscope. Такого рынка нет в нашей стране нигде. Любой из нас может прийти сюда и встать за прилавок. И часто даже не для того, чтобы торговать, а просто поговорить, рассказать и услышать удивительные истории о диковинных обитателях рынка.

Здравствуй, четыре площади Птичьего рынка, которые каждый может назвать, как ему вздумается. А я назову — площади Тысячи аквариумов, Разноцветных перьев, Братцев-кроликов, Четвероногих друзей...

...Будто дождь прошел — текут ручьи по площади Тысячи аквариумов. Сплош-

МНОГОЦВЕТНЫЕ РАДОСТИ

ной стеклянный лабиринт — не вырвешься. А в лабиринте искрящиеся рыбы: моллинезии-лиры, будто укутанные в черный бархат, барбусы-конхониусы — веселые, яркие, как детские игрушки, конго — ожившие осколки радуги, крупные улитки-ампулярии с оранжевыми глазами на стебельках, водоросли, похожие на гусарские султаны. И взгляд ваш неожиданно наполняется удивлением, восхищением. Вы покоряетесь чувству, и оно ведет вас дальше.

Веселые ручьи выбегают на другую площадь — Разноцветных перьев, и над вашей головой уже кружатся хлопья птичьего пуха. Гордые турманы, нервные и чванливые дутыши, верные почтари толчутся в клетках. И взгляд ваш теперь совсем другой — мечтательный, глубокий. Потому что вы чувствуете голубиный запах — запах дома, скошенного луга, запах долгого июльского дня, в котором кувырывается и режет синий воздух белыми крыльями прекрасная птица.

Попугай-погремушка, хор канареек, высокие петухи с плоскими глазами опереточных соблазнитель — площадь Разноцветных перьев дарит вам десятки встреч, кружит, будто птичье перышко, и наконец вы замираете перед клеткой-шатром, в которой царствует говорящий попугай Жако. Вы ждете пять, десять минут. Жако культурно, лапой берет со дна клетки кусочек моркови, интеллигентно откусывает, щурится и вдруг объявляет: «Папа!»

А площадь Братцев-кроликов? Ваш взгляд скользит по корзинам, коробкам и чемоданам: в них сидят нутрии с чешуйчатыми хвостами и суетливые морские свинки, желтые хомяки и толстые ондатры с длинными рыжими зубами, похожими на ржавые ножи, пушистые кролики и нежные крольчата. Каждого хочется потрогать, каждому взглянуть в рубиновый глаз, дунуть в усы. И взгляд ваш ничего не может поделать — заплывает в него предательская сентиментальность. Но разве стоит ее стесняться? Чувствуете, оттаивает, поднимается откуда-то из глубин души волна доброты. Нет в ней никакого расчета, она настоящая, она из детства.

Первый возглас, останавливающий вас на площади Четвероногих друзей: «Добрый человек, купи собачку!» Если бы можно было, вы купили бы всех собак и собачек, щенков и котят, которых носят вокруг на плечах и руках, в сумках и корзинах. А еще бы вы купили тысячу аквариумов и голубей, попугая Жако и хор канареек и всех до единого рубиноглазых кроликов...

Идя по рынку и размышляя о том, где поселить такую ораву, вы и не заметили, как оборвалась площадь Четвероногих друзей, — вновь возник город. Жаль, что ваша квартира не зоопарк и что аквариумы в уличной толчее бьются, как сырые яйца, и попугаи могут подражаться в метро. Все дальше уходите вы от Птичьего рынка, вот уже доехали до дома и здесь вдруг почувствовали: чего-то не хватает.

Но в понедельник после работы, уловив свободных пару часов, вы опять мчитесь на Птичий рынок. «Как они там? Хорошо ли рыбам? Воркуют ли голуби? Хватит ли морков-

**ЧТО ТАКОЕ СЧАСТЬЕ?
ЭТО КОГДА ДЕРЖИШЬ
В РУКАХ
ЦЕЛЫЙ МИР —
НАПРИМЕР,
БАНКУ С РЫБКАМИ.
ИЛИ СТОИШЬ
ПЕРЕД КЛЕТКОЙ
С ГОЛУБЬЯМИ,
А ОНИ ВОРКУЮТ
НЕЖНЫМИ ГОЛОСАМИ.
ИЛИ ЛЮБИШЬСЯ
ВОЛНИСТЫМИ
ПОПУГАЙЧИКАМИ,
И ТЕБЕ ВИДЯТСЯ
КОЛДОВСКИЕ БЛИКИ
ЦИРКОВОЙ АРЕНЫ...**

ки у Жако?» — вот что занимает вас. Пустые прилавки встречают нежданного покупателя, и тетка с метлой в руке топчется у ворот. «Милая, — говорит она, как может сказать только тетка со старой задушевной Таганки. — Ты на Птичий, что ли? Так приходи в субботу. Или в воскресенье».

И она уходит, махая своей жесткой метлой. А рядом пустой рынок, старая Москва, дребезжит трамвай. Вы тихо смеетесь, и взгляд ваш полон надежд. Как в детстве.

Эдуардас МЕЖЕЛАЙТИС

И небеса, и дали

Хватит

Всё ветры распахали в вышине.
Уже мороз надел деревьям латы.
И ты, задумавшись, сказала мне:
Хватит...
В туманах мое лето не сыскать.
В дупле уснули песни виновато.
Теперь мне будет ветер куковать:
Хватит...
Железо листьев по земле гремит.
Возок с приданным по ухабам катит,
Извозчик-осень резко тормозит:
Хватит...
Окно мое замазывает грусть.
Мой синий день чернеет на закате.
И в такт с деревьями
качаюсь я и гнусь:
Хватит-хватит-хватит...

Мне твои руки ничего не дали,
Когда я был в изножье у ночей...
Себе оставила ты землю,
небо, дали
И даже ад, который был ничей...

Я ничего не получил. Понятно,
Что не просил. (Не мученик.) Пока,
Всё, точка.

После точки, вероятно,
Должна начаться новая строка.
Я начинаю с этой новой строчки.
Писать — так кровью,
только ей одной.

Так сад цветет
вишневый майской ночью,
Так Бернард Шоу улыбается седой.

Создам в строке и небеса, и дали,
И ад, в котором будет много мест...
Мне твои руки ничего не дали,
Но, слава богу,
собственные есть...

Цветное стихотворение

Белым-бело дерево.
Белый цвет слетает.
Ветры желтоватые
над пашнями свистят.
Из соцветья белого
плод произрастает.
Мать растит ребенка,
словно шелкопряд.

Плод зеленый зреет.
Желтый день восходит.
Синекрылый ветер
в небе путь торит.
На жнивье зеленое
мать с дитем выходит
И ему серебряную
сказку говорит.

Покраснели листья.
Брызги, будто бронза.
Плач деревьев скорбных —
красные сердца.
Плод созрел — тяжелый,
он желтее воска.
Сын созрел — дорога ждет та,
что без конца...

Всё в цепях мороза.
Ранней сединою
Черные деревья овеет снеговой.
Застывает мать каплей ледяною.
Сын встречает белых,
непрощенных гостей.

Желтый плод чернеет.
Снегопад качается.
Медленно белеют и земля
и голова.

Выцветая,
краски года все кончаются,
И на том кончаются
все мои слова...

Сереброкрылые

На обелисках — на черных кленах
Сереброкрылых снежинок испуг.
Утро пришло девчонкой влюбленной
На радеву.

Лебеди всё белизной одарили.
Нету на эти сокровища рук.
Кружит,
Как пьяный плотник в кадрили,
Небо вокруг.

В белые сны белого царства
Белье феи звали и нас.
Благодарю: жду я этого часа,
Но не сейчас.

Утро — как Улялюмы волшебная
Белая тень,
Ветер пред ней распахнул,
старый шельма,
Крепкую дверь.

И залетели, всем завладевшие,
Сереброкрылые — как без ума.
Следом за ними — белою девушкой —
Утро. Ура!

Картонный замок

Может, за морями,
где никто не плавал,
Мой картонный замок
не сгорел пока.
Рядом — змей бумажный,
но девятиглавый,
Сторожит мой замок вместо лесника.

Но паук опутал башни,
шили, сосны
Шелковою сетью. Гляжу издали —
Грустную царевну,
мною нарисованную,
Караулят когти крестоносца-паука.

Где мой конь бумажный?
Страшная пропажа.
Я в седло бы прыгнул —
всадник боевой,
Над ареной цирка
сабельку бумажную
Высоко бы поднял рыцарской рукой.

Черные пауцы разрубил бы сети
И освободил бы навеки от оков
Памятник античный —
мою царевну светлую —
Колию, отлитую из гипса снов...

Зима приходит

Злится ветер. Грозно машет.
Кулаками, старый.
Все неплохо. Все нестрашно.
Заскрипели ставни.
Кто-то, нас жалея, скажет:

Зима уже близится...

Собрались деревья, страждут
Звездных судеб точных.
Все неплохо. Все нестрашно.
Эпизод ничтожный.
Но опять нам кто-то скажет:

Зима уже близится...

Месяц молодой над нашей
Звездной крышей мается.
Все неплохо. Все нестрашно.
Маятник качается.
Нас жалея, кто-то скажет:

Зима уже близится...

Перевел с литовского
Петр ВЕГИН.

Пейзаж

В окно, где вихревой узор
морозом нанесен,
Видна береза мне,
что в путь отправиться готова.
Не буду больше
я огнем зеленым озарен:
Уйдет — и к дому моему
ей не вернуться снова...

Один я... Снег, как океан,
покрыл поля, леса,
И горизонт до синевы
белейшей пеной вымыт...
Жду дня, который,
как корабль, расправив паруса,
Последнего из могикан
на палубу поднимет...

Мои облака

О облака! О дети дорогие
Мои! Вы льнете
к черноте оконной...
Откуда вы? Из недр какой стихии?
Из глубины какой бездонной?

Вы землю как руками охватили,
Как будто кровь и пот
с нее смывая...
Вы, как паломники,
из Мекк в Медину
Бредете, отдыха не зная...

Луну и солнце вам нести с собою
И толпы звезд, что,
как грехи, несметны...
Мерцает вам вослед
мой взор тоскою,
Как сфинкс
в пустыне безответной...

Вас птичьи крылья
провожают взмахом,
Подскажет ветер вам,
куда податься...
А я в окно гляжу
с невольным страхом:
Зачем в нем облака толпятся?

Перевел с литовского
Лазарь ШЕРЕШЕВСКИЙ.

Рисунок Игоря СУСЛОВА

ИСТОРИЯ

...продолжать борьбу

Нынешний год особый для ВЛКСМ—страна отметила 60-летие присвоения союзу молодежи имени Ленина.

«Ленин: молодежи продолжать борьбу» — так назвал свою новую книгу уже известный в этой теме публицист и ученый-историк Владимир Десятерик («Московский рабочий», 1984 г.).

«Ленин: молодежи продолжать борьбу» — так назвал свою новую книгу уже известный в этой теме публицист и ученый-историк Владимир Десятерик («Московский рабочий», 1984 г.).

«Ленинская стратегия и тактика подготовки и продолжения социалистической революции были связаны как с обязательным участием в ней молодежи, так и с заботой об улучшении условий ее труда, образования и отдыха.

«Так уж невольно получилось, что широкий читатель узнавал об участии В. И. Ленина в работе III съезда комсомола чаще всего только по воспоминаниям нескольких делегатов. Книга своим разделом «В. И. Ленин на III съезде комсомола» раздвинула возможности увидеть все тогда происшедшее. Автор нашел необычный для своего исследования жанр — репортаж. Читатель становится как бы непосредственным свидетелем всего того, что происходило 2 октября 1920 года.

государства во имя юных поколений с правдивым рассказом о ложных друзьях...

Репортажность, однако, не отменила обобщений. События одного только дня не заслонили картины того, как десятилетие за десятилетием ВЛКСМ практикой борьбы и труда исповедует указания создателя партии и государства.

Это издание попадает к читателю в очень подходящее время — после речи Генерального секретаря ЦК КПСС К. У. Черненко на Всесоюзном совещании секретарей комсомольских организаций и постановления ЦК КПСС «О дальнейшем улучшении партийного руководства комсомолом и повышении его роли в коммунистическом воспитании молодежи».

Валентин ОСИПОВ

ПРОЗА

Выдумка и жизнь

Что надо человеку для счастья? Как сохранить душевную чистоту, не потерять себя? Эти вопросы являются главными и в книге Олега Тихомирова «Отныне уж давно...» («Современник», 1982 г.).

После женитьбы жизнь Незягина резко меняется: Маргарита Андреевна учит его «красиво жить». Машина, джинсы, норковая шубка, новая модная мебель — все это прочно входит в быт Петра Степановича.

«...Шел второй год Великой Отечественной. Город Горький считался тыловым, однако и до него докатилось эхо войны. Дом, в котором жил юный герой книги В. Гузанова «Соловецкие паруса» (Мурманское изд-во, 1982 г.), стоял у самого моста, в каких-то пятидесяти шагах от устья Оки.

играет в нежную маму, так же как в хорошую жену, гениальную актрису. Но Маргарите в конце концов надоедает играть в жизни, выдуманная любовь испаряется.

Незаягин лихорадочно ищет причину крушения семейной жизни, но не видит главной — любви-то не было! Петр Степанович немолод, но не это страшно, страшно, что для него жизнь прошла зря.

Рассказы Олега Тихомирова посвящены этим же темам. Например, в рассказе «Все путем» у главного героя Федьки по общему меркам «все путем»:

«Несколько рассказов посвящены детям («Детский кофейный сервис на четыре персоны», «Камушек за щечкой», «Повесть о первой охоте»). В них дети играют, выдавая игру за жизнь (опять основная тема книги). Но дети играют, естественно, другому, — они через игру познают жизнь.

Книга Олега Тихомирова, несомненно, привлечет внимание читателей, не оставит их равнодушными.

Анастасия НИКОЛАЕВА

И снится по ночам пространство голубое...

Архангельск и Соловецкие острова, внесенные в маршруты туристов, превратились в места паломничества тысяч любителей природы, истории, старины.

Писатель Виталий Гузанов бывал на Соловках, из окна монастырской кельи, заменившей гостиничный номер, смотрел на гавань Благополучия, вспоминая свой первый приезд сюда сорок лет назад.

«...Приходят к мальчишкам в снах заморские страны, сказочные каравеллы. Видят они себя взрослыми, непременно в тельняшках, на палубе корабля или на капитанском мостике.

но бесстрашные девушки-зенитчицы мужественно отражали налеты воздушных пиратов, и те, спасая свою жизнь, сбрасывали смертоносный груз в реку.

Повесть «Соловецкие паруса» автобиографична, в основе ее — события, пережитые самим автором. Однажды одинокашник сообщил Виталию важную новость: в Архангельске открылась школа юнг, и оттуда в Горький приехали моряки набирать добровольцев.

Итак, мальчишки военной поры впервые уезжали из дома. В теплушках до Москвы, потом в Архангельск, там пересели на пароход и впервые увидели студеное северное море.

«Привычный круг забот — школа, изостудия, голубятня, помощь матери по хозяйству, беззаботные игры — все разом перечеркнуто страшным словом «война».

Почему именно на флот, а не в танковые войска? — спросили подростка в военкомате. Ответил, как взрослый, что отец находится на передовой, сестра Александра служит под Москвой в войсках ПВО, старший брат Константин охраняет дальневосточную границу от самураев.

Повесть-воспоминание Виталия Гузанова о пятнадцатилетних юнгах, которые попадают на Север, на Соловецкие острова. Читатель знакомится с Колей Бундиным, Валей Пиккулем, Сергеем Барабановым, семнадцатилетним коммунистом Юрием Коршевым и другими новыми товарищами юнги Виталия Гузанова — угловатыми подростками, на которых топорчатся большие «взрослые» рыбы.

«В. Гузанов повествует о коллективизме, доброжелательности, взаимовыручке, о мудрости, сердечности боевых командиров, которым мальчишки бесконечно доверяют. И, наконец, сбылась мечта мальчишек. Теперь — у каждого впереди был свой флот, свой корабль, своя судьба».

Вторую часть книги «Соловецкие паруса» составили морские были о мужестве, о доблести, о славе.

Минули годы, отныне лишь мальчишеская искра в глазах солидных мужчин в морской форме, с плотными рядами орденов и медалей, Золотыми звездами Героев Советского Союза, выдает в них бывших юнг. А те, кто в штатском, — кем только не стали они, юнги Соловецкой школы!

«...Приходят к мальчишкам в снах заморские страны, сказочные каравеллы. Видят они себя взрослыми, непременно в тельняшках, на палубе корабля или на капитанском мостике.

Выход книги «Соловецкие паруса» Мурманское книжное издательство приурочило к 40-летию выпуска юнг в Соловецкой школе.

Клара ХРОМОВА

ПУБЛИЦИСТИКА

Город мастеров

У каждого города свое лицо, своя биография. У него есть прошлое, будущее, настоящее, и все это вошло в книгу Евгения Добровольского «Город на реке Гусь» (Политиздат, 1984 г.), переданное через судьбы молодых горожан — потомственных мастеров хрустала, инженеров, архитекторов, строителей...

«Знакомая нас со своими героями, автор начинает с событий исторических, с первых дней тогда еще не города, а фабричного села, затерянного в неведомой глухомани где-то между Клязьмой и Окой, в междуречьях комариных болот.

«Как строить город и кто его строит — вот одна из главных проблем, поднятых в книге. Писатель вторгается в общественно-производственную жизнь, в разбирательство сложных социальных проблем, в решении которых немалую роль играет сегодня молодежь и комсомол, и пишет о них обстоятельно, с интересом, заражая читателей своей энергией.

«Лучшие страницы «гусевских тетрадей» посвящены людям — простым, колочим, упрямым, но честным, влюбленным в свое дело, в свой город — скромным и трудолюбивым, не на всех картах означенным, но широко известным по своему своим немеркнущим мастерством.

«Растет Гусь, ставит новые производства, рушит свое малоэтажное, отрывается от земли, нарушая вековые связи. Каким же он будет завтра, кто будет жить в нем, на чьих плечах лежит сегодня ответственность за его будущее — получить на все эти вопросы убедительные и ясные ответы, мы закрываем последнюю страницу этой книги, и нам уже безразличны судьбы Хрустального города и всех тех партийных, советских, комсомольских работников, молодых художников, гранильщиков, строителей, с которыми познакомил нас Евгений Добровольский.

Евгений БОГАТ

К 170-летию со дня рождения М. Ю. Лермонтова

Михаил Юрьевич Лермонтов прожил в подмосковном Середникове четыре лета — с 1829-го по 1832-й. Здесь возник замысел поэмы о молодом монахе, томлящемся с детства в монастыре, здесь начат «Вадим», завершена лучшая из юношеских драм «Странный человек». С Середниковом связано множество лирических пьес. Очевидно, были предпосылки для такого взлета творчества, но по биографической традиции долгое время прекрасный особняк, где жил Лермонтов, считался чуть ли не «осиным гнездом». Вот что пишет Т. Иванова: «В Середникове... юный Лермонтов жил в семье, где его только терпели благодаря бабушке (Елизавете Алексеевне.— А. М.). Быт усадебного дома, на-

полненного преуспевающей столыпинской родней, был враждебен сыну бедного офицера. Конфликт обострялся вследствие характера поэта, прямоты и решительности суждений, нетерпимости к пошлости, фальши, лицемерию». Думается, это не так, точнее, не совсем так.

Столыпины — прямые родственники поэта с материнской стороны — происходили из бедных муромских дворян: две крохотные деревеньки, 20 душ крепостных. В семьях столь скудного достатка все, что касалось домашнего хозяйства, по необходимости «практиковалось с усердием». По необходимости же и детей, тем более мальчиков, воспитывали как работников. К десяти годам они должны были и в обработке поля толк понимать, и цены на хлеб

УСАДЬБА СЕРЕДНИКОВО — ЭТО ЧЕТЫРЕ ЛЕТА ЖИЗНИ ЮНОГО ЛЕРМОНТОВА

Алла МАРЧЕНКО.

Фото Владимира ЧЕЙШВИЛИ

БЮСТ ПОЭТА РАБОТЫ СКУЛЬПТОРА А. С. ГОЛУБКИНОЙ.

«НА МЫСЛИ, ДЫШАЩИЕ СИЛОЙ, КАК ЖЕМЧУГ НИЖУТСЯ СЛОВА...»

СТАРАЖИЛ СЕРЕДНИКОВСКОГО ПАРКА.

УСАДЬБА ИВОВА, ДИКУЕТ СЕГОДНЯ. НЕЖОН СЕРДИКИН ВОДИТ ЗДЕСЬ...

«СВОЙ ЗАМЫСЕЛ ПУСКАЙ Я НЕ

знать, и лошадь уметь заложить. Это уж потом Столыпины в гору пошли: послепетровской России нужны были молодцы, годные ко всякому полезному делу. Недаром в этой семье, по традиции, прочно держался культ Петра. Вот что писал о Петре I один из братьев бабки Лермонтова: «Куда мы не взглянем... везде находим следы его трудов, его попечений... печать его гения».

Любимым детищем великого реформатора была регулярная армия; ей также требовались кадры гренадерской артиллерии. Столыпины же и по этой части вроде как в своего легендарного земляка Илью Муромца пошли: великаны в их роду не переводились. Кондратий Рылев в стихотворении, посвященном сиротам Аркадия Алексеевича Столыпина, двоюродного деда Лермонтова, писал: «Пусть в сонме юных исполинов на ужас гордых их узрим и смело скажем: «Знайте: им отец Столыпин...» То же слово — исполин — повторяет автор воспоминаний о младшем сыне Аркадия Алексеевича Дмитрие: «Крымская война заставила его искать более деятельной службы... Французы, пораженные смелостью, при виде этого исполина, мерным шагом отступавшего с телом убитого генерала, прекратили пальбу, выражая одобрение. Это подвиг гомерический, напоминаящий сказание об Аяксе».

Гренадерский рост не единственная фамильная столыпинская особенность. Неуклонно наследовался в этом роду «умный ум» — практичный, основательный, дальновидный. Ни блеска, ни легкости в Столыпиных не было. Зато это были люди надежные, твердые и с правилами. В бумагах П. А. Вяземского сохранилась «Записка об Аркадии Алексеевиче Столыпине». Аркадий Алексеевич, утверждал автор, редко ошибался в людях, ибо знал все изгибы сердца человеческого, и когда размышлял о каком-либо предмете, ничто не могло развлечь его, пока не обозревал «предмета своего вполне». Был постоянно деятелен, «один умный человек сказал о нем, что он спешил жить».

Те же качества современники отмечают в Лермонтове. Ю. Самарин: «Натура, не поддающаяся никакому внешнему влиянию благодаря неутомимой наблюдательности. Прежде, чем вы подошли к нему, он вас уже понял; ничто не ускользает от него. Он наделен большой проницательной силой». М. Меликов: «Заметно было, что он спешил куда-то, как спешил всегда, во всю свою короткую жизнь». Герой «Странного человека» признается: «Тяжелая ноша самопознания с младенчества была моим уделом». Признание автобиографическое: как и Владимир Арбинин, Лермонтов еще в детстве научился «анатомировать» и чувства свои и поступки. Еще не начав действовать, он уже знал о себе самое главное: «Мне нужно действовать, я каждый день бесмертным сделать бы желал, как тень великого героя, и понять я не могу, что значит отдыхать». И еще: «Мне жизнь все как-то коротка и все боюсь, что не успею я свершить чего-то». В том же 1831 году, семнадцати лет от роду, он поставил перед своим деятельным, способным «утонуть в единой мысли» умом исполинскую цель: найти «спасенье целому народу».

Серьезное, не разменивающееся на пустяки честолюбие — столыпинская черта: все братья Елизаветы Алексеевны были Деятели. Герой Аустерлицы и адъютант Суворова — Александр Николай — ревнитель военного просвещения, автор замечательной книги «Отрывки из записок военного человека».

Чтобы оценить по достоинству мужество сочинителя, надо не забывать, что «Отрывки» и писались и печатались в ту пору, когда, несмотря на уроки 1812 года, «русская армия продолжала жить под прежним экзерциргаузным режимом и внешность оставалась единственным объектом военного воспитания». Офицеры фрондировали: «Жаль, что приметно дыхание солдат, видно, что они дышат». Николай Алексеевич не фрондировал. С помощью Слова делал Дело. «Без шума, но с твердостью».

«В вооружении и одежде войск не должно смотреть на блеск или красу, а только на пользу. Полки учиться должны так, как должны драться. Что может делаться только на смотре, надобно отбросить как «излишности». Николай Столыпин критиковал не отдельные недостатки. Его не устраивала система образования армии, начиная от способа набора солдат, прожившегося целиком на крестьянское сословие. Начавшаяся через четверть века Крымская война, с ужасающей наглядностью продемонстрировав непригодность основных начал устройства николаевской армии, подтвердила актуальность размышлений Николая Столыпина.

Генерал-лейтенант Николай Столыпин, военный губернатор Севастополя, был убит 3 июня 1830 года во время холерного «возмущения». На эту смерть Лермонтов откликнулся трагическим «Предсказанием»:

**Настанет год, России черный год,
Когда царей корона упадет,
Забудет чернь к ним прежнюю любовь
И пища многих будет смерть и кровь.**

По всей вероятности, опыт Николая Алексеевича учтен Лермонтовым и при поступлении в военное училище в 1832 году. В очерке «Об употреблении легкой кавалерии» Столыпин писал: «Мы первые в кампании 1812 года показали истинное употребление легкой кавалерии и образец партизанской войны». И далее: «Служба в легкой кавалерии тем полезнее для всякого хорошего офицера, что легкая кавалерия всегда употребляется в передовых постах и отрядах, где офицеры быстрее приобретают опытность войны».

Думается, именно это соображение, а не красота гусарского мундира повлияло на решение Лермонтова стать кавалеристом.

Замечательным человеком был и третий из братьев Елизаветы Алексеевны, «по себе» Столыпиной, Дмитрий. В архиве Александра I найдена заметка: «Пагубный дух вольномыслия... сильно уже разливается и между войсками... в обеих армиях есть тайные общества или клубы, которые имеют... миссионеров для распространения своей партии». Далее следуют имена секретных миссионеров декабризма. Среди них и генерал-майор Дмитрий Столыпин.

Владелец Середникова вдобавок ко всем своим гражданским и военным доблестям был талантливым теоретиком. Ему принадлежит книга «О фортификационном профиле». Сочинение это сугубо специальное, но авторское предисловие интересно и как человеческий документ: «Не по малодушию, не по пренебрежению к отечественному, много любимому мною языку издаю я сии записки на языке французском; по-русски я изложил бы их лучше. Причины важные меня к сему побудили. Я говорю о французских инженерах... пользующихся уважением... между просвещенными военными Европы... я почел неприличным писать свои мнения,

кои не всегда с ними согласны, на языке, для них непонятном».

Итак: многолюбие к родному языку и свободное владение французским, уважение к просвещенным военным Европы и несогласие с их мнением, уверенность в себе и такт, не позволяющий вести научный спор на языке, непонятном иностранцам, смелость инженерной мысли и скромность ее выражения... Лермонтов, безусловно, знал эту книгу: в Московском благородном пансионе, куда поэт поступил в 1828 году, по ней читались лекции. Она была настолько популярна, что один из воспитанников этого заведения по собственной инициативе перевел ее на русский. Это было за год до поступления Михаила Юрьевича в пансион.

Но вот о чем нельзя забывать: к тому времени, как Лермонтов «из детских вырвался одежд», из братьев его бабки в живых остался лишь самый младший — Афанасий (Дмитрий Алексеевич) умер в январе 1826 года в возрасте 40 лет от разрыва сердца, и первый биограф поэта Висковатов связывал этот «удар» с арестами лиц, причастных к восстанию 14 декабря). В отрочестве Лермонтов любил слушать рассказы Афанасия Алексеевича «про день Бородину», но настоящая дядюшка вряд ли интересовала романтичес настроенного подростка. Рожденный в отличие от старших братьев без достаточного честолюбия, Афанасий Столыпин рано вышел в отставку — «отстал от большой дороги», окунувшись с головой в местные саратовские дела. Словом, переносил «ничтожество» не только с терпением, но и с видимым удовольствием. Его внучатого племянника это приводило в бешенство, ведь он мечтал не просто о славе, он жаждал колоссального:

**Я рожден, чтоб целый мир был
зритель
Торжества или гибели моей.**

Лермонтовский максимализм отрицал как бессмысленность среднестолыпинский образ жизни, который теперь, после смерти старших «богатырей», как то сразу, вдруг, стал «заземляться». Вот как изобразил Лермонтов эту неприемлемую для него жизненную установку в драме «Странный человек», законченной, как я уже упоминала, летом 1831 года в Середниково:

«Пускай графские сынки да вельможи проматывают имения, мы, дворяне простые, от этого выигрываем. Пускай они будут при дворе, пускай шаркают в гостиных с камергерскими ключами, а мы будем тише, да выше. И, наконец, они оглянутся и увидят, хоть поздно, что мы их обогнали».

Изжив романтизм, Лермонтов оценил и те уроки простого и серьезного взгляда на жизнь, какие преподавал ему «саратовский дядюшка». Сначала в «Бородине», затем в «Герое нашего времени». Как и Максим Максимыч, Афанасий Алексеевич всего лишь штабс-капитан. Это его старшие братьцы в генералы вышли, а он так и остался простым армейцем. И когда читаешь его письма к племяннику Алексею Аркадьевичу («Монго») — повесе, красавцу, белой вороне в столыпинском «клане», — никак не можешь отделиться от мысли: уж очень все это похоже на странные отношения Максима Максимыча и Печурина.

Никак не может понять стареющий, но все еще крепкий отставной штабс-капитан, что носит по свету его неупутевого — при таких-то данных! — племянника. Больше года потратил обязательный Афанасий Алексеевич, чтобы получить от этого «странного человека» бумаги, необходимые для ввода во владение его же собственным имением: то сплин, то любовь...

Пока же, в середниковские годы, были лишь острая тоска по ушедшим богатырям и горделиво-презрительное — «богатыри — не вы» — отношение к тем, кто пережил свое прошедшее, кто за заботами о хлебе насущном утратил «высшие интересы». В полудетской за-

пальчивости Михаил Лермонтов невольно, но искажал истину. Заботы о хлебе не были для Афанасия Алексеевича лишь заботами о доходах с хлеба. Да и вообще Столыпины за редким исключением, вроде того же Алексея — Монго, никогда не смотрели на свои имения по-барски. Во все вникали лично, не доверяли случайным управляющим, не разоряли, а обустроивали землю, подход и к этому Делу не только с практической, но и с теоретической стороны, и тут, подстрекаемые «умным умом», пытались связать частности общей мыслью.

Уже знакомый нам Дмитрий Аркадьевич, воспитанник Афанасия Алексеевича, в юности был гвардейцем. Однако вскоре по примеру дяди вышел в отставку и вернулся в саратовское захолустье с твердой и ясной идеей: вложить всю, без остатка, жизнь в дело русского землеустройства. Внук знаменитого Николая Мордвинова, о котором Пушкин говорил, что он один заключает в себе всю русскую оппозицию, полемизируя с народниками, уповавшими на возрождение крестьянской общины, не устал повторять: именно община с ее круговой порукой и практикой земельного передела, убивающей в мужике страсть к земле, является «корнем экономических неурядиц русского народа». Впрочем, он беспокоился не только об экономике. «Надо также принять во внимание, — писал Дмитрий Аркадьевич, отстаивая идею подворного землеустройства, — и развитие личности. России нужен класс самостоятельных земледельцев».

Стойкость, с какой Столыпины «свое гнули», Лермонтов смог оценить, но вот в спасение России способом полумер не верил. В воспоминаниях А. В. Мещерского описан показательный случай. Князь Мещерский происходил из семьи столыпинского образца, то есть был «наследственным экономом». Однажды в присутствии Михаила Юрьевича (это было в 1840 году) зашел разговор об интенсивном хозяйстве. Выяснилось: Лермонтов питает к этой идее «полное недоверие». Мещерский, человек недалекого ума, объясняет это недоверие пренебрежением поэта к занятиям сельским хозяйством — «ковырянию в земле» и в доказательство приводит рассказанный Лермонтовым анекдот:

«Вызываю хохла-приказчика, спрашиваю, отчего нет дохода. Он говорит, что урожай был плохой, что пшеницу червь попортил, а гречиху солнце спалило. — Ну, спрашиваю, а скотина что?! — Скотина, говорит приказчик, ничего, благополучно. — Ну, спрашиваю, куда молоко девали? — На масло били. — Ну, а масло куда девали? — Продавали. — А деньги куда девали? — Соль куповали. — А соль куда девали? — Масло солили. — Масло куда девали? — Продавали. — Ну, а деньги где? — Соль куповали. — и так далее... Не истинный ли это прототип всех наших русских хозяйств, — сказал Лермонтов и прибавил: «Вот при этих условиях не угодно ли завести интенсивное хозяйство».

Анекдот при его видимой несерьезности весьма серьезен и свидетельствует не о поэтическом пренебрежении к «ковырянию в земле», а о том, что Лермонтов достаточно размышлял об этом предмете и вполне обозрел его своим понятием.

Первый серьезный урок «политической экономии» жизнь преподала студенту нравственно-политического отделения Московского университета Михаилу Лермонтову летом 1831 года.

К 18 мая он благополучно, с отличием сдал летнюю сессию и уволился в отпуск, обратившись к господину ректору с просьбой снабдить его надлежшими для проезда билетами. Ректорские билеты не понадобились: как и прошлым и позапрошлым летом, бабушка увезла его в Середниково. Лето, кстати, выдалось необычайно знойное. Сенокос и жнива соевали, мгла стояла в раскаленном воздухе, горели болота, и уже с трех часов полудни солнечный диск, как

СВЕРШУ...»

вспоминает очевидец, «представлял резко очерченный желто-красный круг без лучей». В народе говорили, что все это не к добру, а старики подтверждали: такое было «перед французом»...

Верный принятому правилу — никого не допускать в свой внутренний мир, — Лермонтов отлично ладит с середниковскими кузинами и кузенами. А с маленьким сыном Дмитрием Алексеевичем Аркадием (отцом будущего премьер-министра) даже подружился — на почве любви к таинственным ночным приключениям: то сов пугают, то попа в мыльне... Для своего десятилетнего дядюшки, вспомнив старое умение, Лермонтов смастерил рыцарский костюм — и латы, и шлем, и меч. И даже стихи для него сочинил — детективно-приключенческие:

*Сижу я в комнате старинной
Один с товарищем моим...
Я у окна. Опасно нам
Заснуть. А как узнать? быть может,
Приход нежданный нас*

встревожит!

*Готов мой верный пистолет,
В стволе свинец, на полке порох.
У двери слушаю... чу! — шорох
В развалинах... и крик! — но нет!
Томышь летучая промчалась...*

Словом, все шло так, как и в прошлые годы. Но «демон» серьезной поэзии уже овладел им. Его мышлению тесно в середниковских уютках, «всем напряжением душевных сил» он тянулся из усадебного рая в действительную жизнь, желая постигнуть «течение века». А век тек, и время выходило из берегов, и прорывало устроенные общезжитием плотины, и сокрушало в водоворотах и омутках все, что могло смыть...

11 июля 1831 года началось восстание в Старорусском уделе военных поселений. Поселения, устроенные в районе Новгорода вскоре после окончания войны с французами, по замыслу Александра I должны были разрешить множество неразрешимых проблем: избавить крестьянство от рекрутчины, правительству — от обременительных расходов на содержание армии в мирное время. Ответственным за поселения «освободитель держав» назначил Аракчеева — «преданного без лести». Притеснителю всей России выпала честь увязать Идею и местные обстоятельства. А обстоятельства были сложными. Прежде всего выбранная под поселения земля была слишком бедной: хлеб даже в самых запасливых семействах кончался к началу декабря. Однако смысленные новгородцы находили выход: занимались извозом, продавали в Петербург и дичь, и дрова, и сено, и рыбу, словом, были до того изворотливы, что при скудных доходах с хлеба жили «порядочно». И вот этих вольных промысловых людей привязали к бедной, худо родящей земле. Она и их-то не могла прокормить, а теперь надлежало обеспечить припасами еще и хлебопечников: на тысячу поселян — два действующих батальона! Новгородцы поприобывали вразумить царя-батюшку, перехватив царский поезд, кинулись ему в ноги: «Прибавь нам подать, требуй от каждого дома по сыну на службу, но не тронь нашей одежды, обычаев отцов наших, не делай нас всех солдатами».

Не казнь и не милость, лишь досада на задержку, Александр Благословенный продолжил путь к Москве. Аракчеев и его команда работали не покладая рук, император не жалел средств и был слишком брезглив, чтобы унижаться до ревизий, и вскоре недалеко от Петербурга возникло «чудо» — идеальное микросоударство, точь-в-точь такое, каким представлял себе воспитанный Лагарпом «кочующий деспот» идеальное государство: «Картина самого великопленного порядка, изобилия и стройной жизни, дотоле невиданной». Идеальному микросоударству не грозили урожаи: казна немедленно восполняла нанесенный стихиями урон. Существование сравнительно с прежним было

хотя и скучным, но зато гарантированным. «Стройная жизнь, дотоле невиданная», просуществовала почти тридцать лет. И вдруг механизм дорогостоящей игрушки сломался. 11 июля появились первые признаки возмущения. А затем вспыхнул бунт...

Новгород был узловой станцией на тракте Петербург — Москва, весть о возмущении долетела до Москвы с телеграфной быстротой...

По установившейся традиции созданная в июле 1831-го поэма Лермонтова «Последний сын вольности» (о Вадиме Храбром, предводителе восстания новгородцев против Рюрика) считается продолжением и развитием характерной для поэзии декабристов темы древнего Новгорода. На мой взгляд, есть основание объяснить появление новгородского сюжета не литературными влияниями, а реальными событиями лета 1831-го. И по содержанию и по форме поэма, конечно, еще очень далека от действительности, и герои ее совершенно не похожи на новгородских мужиков, знойным летом 1831 года напомиравших всей России, что в них не угас дух прежней вольности. Но это уже вопрос техники. Написать реалистическую поэму о народном возмущении Лермонтов еще не может, а тема не отпускает его. Он затевает роман...

Под влиянием злободневных событий ожили, вписавшись в «течение века», рассказы бабушки о пугачевском бунте. Лермонтов во что бы то ни стало хочет докопаться до тайной причины, породившей и пугачевский год и новгородский июль. На мой взгляд, прямым ответом на всеобщее недоумение, вызванное слишком долгим терпением поселенцев и кажущейся немотивированностью возмущения, является фрагмент из «Вадима»:

«Люди, когда страдают, обыкновенно покорны, но если им раз удалось сбросить ношу свою, то ягненок превращается в тигра: притесненный делается притеснителем и платит сторицею — и тогда горе побежденным!»

«В себе одном нашел спасенье целому народу» — строки эти занесены в заветную тетрадку уже по возвращении из Середникова в конце 1831 года. Семнадцатилетний «мальчишеских лет» извиняют чрезмерную решительность формулировки, но от власти этой Думы поэт не мог освободиться до конца жизни. Незадолго до смерти, в 1841 году, Лермонтов внес в записную книжку такую притчу: «Сказывается сказка: Еруслан Лазоревич сидел сиднем двадцать лет и спал крепко, но на двадцать первом году проснулся от тяжкого сна, и встал, и пошел... и встретил он тридцать семь королей и семьдесят богатырей, и побил их, и сел над ними царствовать. Такова Россия». А в день смертной дуэли говорил своему секунданту «милому Глебову»: «Я выработал уже план двух романов: одного — из времен смертельного боя двух великих наций, с завязкою в Петербурге, действиями в сердце России и под Парижем и развязкою в Вене и другом — из кавказской жизни, с Тифлисом при Ермолове, его диктатурой и кровавым усмирением Кавказа, Персидской войной и катастрофой, среди которой погиб Грибоедов в Тегеране...»

Думается, есть прямая связь между сказочкой о Еруслане Лазоревиче, плане двух романов и уже знакомыми нам стихами 1831 года.

В том же самом стихотворении («Отрывок») есть, кстати, и такие строки:

*Свой замысел пускай я не свершу,
Но он велик, и этого довольно.*

Роман, задуманный Лермонтовым — из времени смертельного боя двух великих наций. — написал другой русский гений, Лев Толстой. Он же раньше и точнее других оценил значение того, что успел «свершить» Лермонтов. «У него нет шуточек, — с ударением сказал Толстой, — шуточки не трудно писать, но каждое его слово было словом человека, власть имеющего».

Мир капитала:
проклятие
нищеты
и одиночества

Александр УРБАН
33 ГОДА

ВОЛЬФГАНГ ШЛЮС, ЕГО «ЛОХОДЬ» В КОРОВКЕ ДЛЯ МИЛОСТЫНИ...

НА ДНЕ «ОБЩЕСТВА БЛАГОДЕН

В

ы думаете, легко стоять на голове в моем возрасте? Да еще при этом улыбаться и петь?

Я много раз слышал, как пел этот человек. Пел, стоя на голове. Честно говоря, голос его не отличался красотой. Но был достаточно громким и привлекал людей, заполнявших «пешеходную зону» Бонна в самом его центре, возле городского рынка. Погруженные в свои заботы, люди останавливались, глазели на поющего. Кое-кто бросал пару мелких монет в лежавшую на тротуаре шапку. Но большинство ухмылялись и проходили мимо.

Я никогда не видел, чтобы с ним кто-нибудь заговорил. Когда он вставал на ноги, чтобы передохнуть, красное от прилива крови лицо опять обретало

свою обычную бледность, на нем проступали морщины, оставленные временем. Среднего роста, широкоплечий, совсем уже лысый...

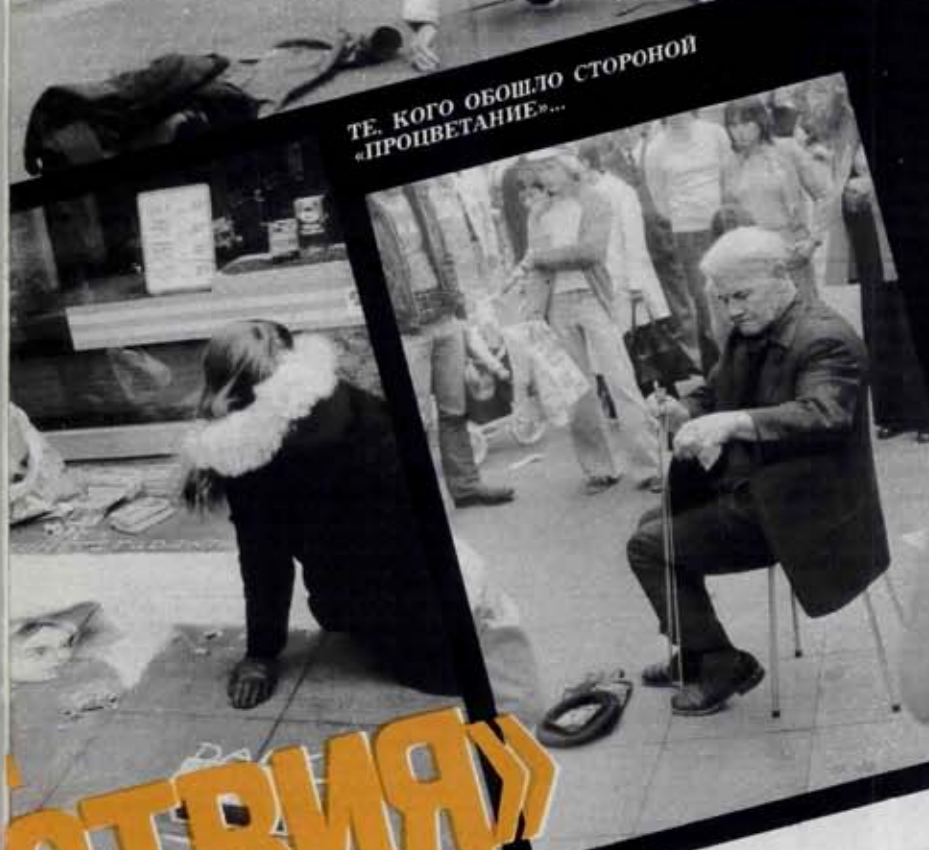
Немного передохнув, он опять молча бросал на жесткую поверхность бетонных плит белый кружок пенопласта и, уткнув в него лысую голову, взмахивал ногами. В воздухе болтались обшарпанные башмаки, серые помятые брюки скатывались к коленям.

Я как-то не решался поговорить с ним, хотя и хотелось сделать это. Ведь ситуация была однозначной: для большинства бюргеров он — человек, попавший на дно западногерманского «общества благоденствия». Никто ему не подаст руку, чтобы вытащить оттуда. И тот, кто на дне, прекрасно это знает. Он тоже продукт этого общества. Благополучие, если оно и было, теперь в прошлом. Будущее мрачно. Настоящее? Оно в прямой зависимости от количества монет, опущенных в его шапку.

... — Думаете легко стоять на голо-

«СОЛЫНЬ ПОМЕР»
КАРЛА КЛЯЙНА...

ТЕ, КОГО ОБОШЛО СТОРОНОЙ
«ПРОЦВЕТАНИЕ»...

«СТВИЯ»

ве?—повторил свой вопрос Карл Кляйн.—Ведь мне уже 54 года,—тихо, с надрывом произнес он.—Но я пока что живой человек и хочу есть. Надо платить за угол, который снимаю. Государство никаких пособий не дает. Родных и близких нет. Благодетелей у нас не найдешь, хотя наш строй словно в шутку и называют «обществом благоденствия». Вот и перебиваюсь попрошайничеством.

Кляйн замолчал, думая о чем-то своем. Затем, тяжело вздохнув, продолжал:

— Непросто решиться на такое. Когда-то был артистом. Но... Все в прошлом... А сколько таких бедолаг, как я! Хотите знать? Пройдитесь хотя бы вот по этой «пешеходной зоне». И вы увидите, что «конкурентов» у меня немало. У нас ведь всюду конкуренция!—зло иронизирует мой собеседник.—Вот и приходится изощряться. Иначе пропадешь... Ну, я пришел. Вот мое «рабочее место»!

Наш разговор неожиданно закончился. Кляйн уронил кепку на тротуар, вынул из кармана белый кружок из пенопласта и привычно опрокинул на него свою лысую голову.

В сверкающие витрины дорогих магазинов ударило громкое эхо. Пел человек. Он просил подаяние. Просил подаяние в столице одного из богатейших

государств Западной Европы. Государства, которому безразлична судьба Карла Кляйна. И не только его.

Карл был прав. «Конкурентов» у него хватало. Я видел их. Их видели все, кто бродил по «пешеходным зонам» Бонна, Кельна, Мюнхена, других западногерманских городов. Устроившись где-нибудь возле блистательных витрин ювелирных магазинов или забывшись от ветров и холода в подземные переходы, они сидели, низко опустив головы и выставив перед собой шалку, жестяную баночку или просто кусок бумаги.

«Конкуренты» Карла Кляйна.

...Собрав последние гроши, он купил билет на поезд и приехал в столицу ФРГ Бонн. Франц Зюсс, 58 лет, проживает в районе Эйскирхена.

— Уже пятнадцать лет я инвалид. Раньше был переплетчиком книг. Случилась беда, потерял обе ноги и сейчас вот катаюсь на этой тачке.

Этими словами начал он свой рассказ. Зюсс сидел в большом черном ящике, который, видимо, сконструировал и скотил сам. К нему были приделаны три велосипедных колеса. Перед коляской лежала крышка от металлической консервной банки, куда некоторые прохожие время от времени бросали пфенниги.

— Просить милостыню меня заставила глубокая нужда,—продолжал он.—Я совершенно одинок. Жена умерла семь лет назад. Так называемое «социальное

пособие», которое я получаю от государства, настолько мизерно, что и говорить не приходится. Судите сами: мне платят всего лишь 300 марок в месяц. 115 из них уходят на оплату жилья, много денег съедают электричество и газ. Чистыми на жизнь остаются 20 марок...

За помощью, поведал далее Зюсс, он обращался к властям разного уровня и даже к федеральному правительству.

— Знаете, что мне ответили?

Он замолчал, а затем промолвил:

— Таких, как вы, в ФРГ, дескать, много... Пока работал, приносил хозяину доход, был нужен. Теперь ради таких, как я, никто не хочет и пальцем пошевелить...

По данным печати, в ФРГ насчитывается 5 миллионов граждан, имеющих ту или иную степень инвалидности. 200 тысяч из них на всю жизнь прикованы к коляскам.

На расцветенных яркой рекламой улицах западногерманских городов я видел много людей, которые в силу разных обстоятельств вынуждены просить подаяние. Чтобы разжалобить прохожих, они играют на аккордеонах, скрипках, шарманках...

«Правовое государство», каким себя называет ФРГ, мало волнует их судьба. «Бездомных и бродяг,—признает журнал «Шпигель»,—становится все больше не только в крупных городах, но и в мелких селениях». Журнал, однако, не сообщает о намерениях властей оказать какую-либо помощь тем, кто оказался в тени «общества благоденствия». Сообщить-то нечего.

...Опустившись на корточки, он сидел на мостовой одной из улиц боннского района Бад Годесберг. Впереди был выставлен большой картонный щит с надписью: «Упавший с каната артист цирка. Не застрахован. Без всяких средств к существованию. Прошу милостыню. Спасибо». И—маленькая пластиковая коробочка перед ним. В ней лежало несколько мелких монет. Мимо спешили люди, напротив светились витрины роскошного магазина.

— Меня зовут Вольфганг Шлюс,—сказал он мне, явно обрадованный, что с ним заговорили.—Еще недавно,—продолжал он,—у меня были работа, семья, деньги. Но вот единственный неудачный маневр на канате, и я полетел с велосипеда вниз. Вниз в полном смысле этого слова,—грустно заметил Вольфганг.

Помолчав, он продолжает:

— Я работал в небольшом частном цирке «Бариум», платили сносно. Но нас, артистов, владелец цирка не страхует на случай увечья или болезни. Экономит. Ему ведь главное—прибыли. В городе Дуйсбурге произошло несчастье. При падении я серьезно повредил кисть левой руки. Сейчас не могу даже шевелить пальцем. Позади четыре дорогостоящие операции. Накопления растаяли, как снег от теплого весеннего солнца. Теперь я на «дне» нашего хваленого «общества с неограниченными возможностями». А ведь мне всего 33 года. Когда-то мог водить машину. Если бы не рука,—он потрогал деформированную кисть,—попытался бы устроиться шофером. Хотя вряд ли это реально—ведь за бортом миллионы здоровых людей. Вот собираю эти пфенниги,—он показал рукой на монеты в коробочке,—и побреду в ночлежку. Там мою судьбу разделяют еще 200 таких же бездомных и нищих.

Материальные невзгоды каждодневно ощущают на себе не только обитатели «дна». Около двух миллионов граждан ФРГ относятся к категории нищенствующих, поскольку их бюджет «ниже границы бедности».

...Неоновая лампочка, укрепленная над входом в дом, освещает суровые, худые лица людей, сидящих на ступенях крыльца, их потрепанные пальто с поднятыми воротниками, выдавшие виды костюмы.

Официально в Западной Германии этих людей называют «не имеющими постоянного места жительства». Дом, куда они пришли,—своеобразная ночлежка. Человек, которого судьба привела в подобное заведение, предъявляет документы, платит небольшую сумму, и его пропускают в «спальный зал», уставленный двухъярусными металлическими койками с матрацами без простыней. Время пребывания строго ограничено—с 8 часов вечера до 6—8 утра. В одной и той же ночлежке разрешается проводить не больше трех ночей в месяц.

«Откуда вы прибыли сегодня?»—меланхолически спрашивает чиновник, регистрирующий пришельцев. Звучат названия различных городов ФРГ. Возраст посетителей ночлежек—от 20 до 80 лет.

Кто же эти люди, попавшие на дно капиталистического общества?

«Они происходят из всех слоев населения»,—отмечает газета «Франкфуртер альгемайне». Но основную массу составляют трудящиеся. Несчастные случаи, как правило, на производстве, лишили их возможности продолжать работу, а мизерной пенсии не хватает, чтобы свести концы с концами.

Число людей, не имеющих постоянного места жительства и кочующих по территории страны, составляет сотни тысяч. Но и эти цифры далеко не полны, поскольку многие из бездомных по различным соображениям не хотят проходить официальную регистрацию в ночлежках.

Летними вечерами около десятка бездомных людей размещаются перед Кельнским собором, на реставрированных остатках римского поселения, от которого идет название этого города: Кельн происходит от латинского «колониа», что означало лагерь легионеров.

Полиция и другие службы порядка этого миллионного города не жалуют тех, у кого нет крыши над головой. Бездомные перемещаются тогда в соседние Бонн или Дюссельдорф. Менее чем за год боннские «стражи порядка» провели четыре тысячи облав на бродяг и бездомных. Столица ФРГ защищалась от людей, которые портят фасад «общества благоденствия».

...Сапоги полицейских гулко звучат на вечерних улицах старой части Дюссельдорфа. Старший наряда—Отто Рипер. В свои тридцать лет он уже комиссар полиции, его подчиненным от 25 до 32 лет. Все четверо довольны жизнью. На службе они на хорошем счету. Особенно узкогрудый и светловолосый Рипер. «Образцово выполняет свою работу...» Эти слова значатся в характеристиках, которые дало ему высокое полицейское начальство.

Полицейские останавливаются возле бездомного, устроившегося на лавочке. «Встать! Следуй за нами!»—громко командует полицейский. И беззащитный человек безропотно бредет в полицейский участок. Старая часть Дюссельдорфа должна быть «очищена» от бродяг и нищих, от тех, кто уже «на дне» буржуазного общества. Доставлено несколько человек. Задержанных распределяют по камерам.

Вскоре их доставляют в кабинет Рипера для «особой обработки».

Как выглядела эта обработка, пояснит позднее прокурор Мюллер, рассказ которого приводит журнал «Квик»:

«Бродяг по очереди избивают полицейские. Они стараются попасть в лицо и в живот. Затем жертв заставляют раздеться, велют упереться руками в стену, расставив ноги. К делу приступает сам Отто Рипер: его излюбленный прием—бить ногой сзади в пах. Потом людям приказывают слизывать с пола кровь... Если они теряют сознание, количество ударов добавляют. За волосы несчастных подтаскивают к столу, за которым восседает Рипер. Избитые должны четко произнести: «Вы прекрасные люди, господа полицейские!»

Нищего с раненой ногой несколько раз

поднимают вверх и резко бросают на пол. Другому приставляют к виску пистолет. С человеком начинается истерика. Комиссар Рипер нажимает курок. И... заливаются смехом. Оружие не заряжено. Затем достает из кармана патрон, показывает его жертве и заявляет: «Я напишу на нем твое имя — для следующего раза». Третьего задержанного уложили на пол и заставили в течение получаса делать упражнения, напоминающие движения пловца в воде. «Чтобы ты не сразу захлебнулся, когда мы сбросим тебя в Рейн», — гогочут полицейские»...

Пытки людей в полицейском участке, расположенном в ста метрах от земельного суда Дюссельдорфа, продолжались долгое время. Бездомные много раз жаловались властям. Но их никто не слушал. Власти не внимали стонам людей, оказавшихся «на дне». Внимание на «забавы» команды Рипера было обращено лишь тогда, когда их собственные коллеги не смогли больше терпеть подобных «развлечений». Местная пресса сравнила «работу» полицейского комиссара с методами гестапо. Под нажимом возмущенной общественности Дюссельдорфа Рипер и трое его подчиненных заняли место на скамье подсудимых. Но будут ли устранены причины, порождающие риперов и им подобных? «Обществу благоденствия» нужны такие «образцовые» полицейские. Ведь полиция охраняет власть, а не бездомных и нищих, которых в бонском государстве становится все больше.

Молодой адвокат Бернхард фон Грюнберг знает, о чем говорит. Он проделал необычный «опыт», который вызвал сенсацию: переодетый нищим, Грюнберг влился в ряды бездомных. В приюте его, как и всех остальных пришельцев, раздели, подвергли саносмотру и препроводили на ночлег. Он испытал на себе «вежливый тон» обслуживающего работника, ел похлебку из миски. Но главное, у него была возможность беседовать с людьми, которые ведут нищенское существование «на краю» западногерманского общества.

— Ну, и каково ваше впечатление, есть ли у этих несчастных хоть какой-то шанс вернуться к нормальной жизни?

— Интеграцией людей, попавших в трудное положение, никто не занимается. О каком шансе тут вообще можно говорить? К тому же их число растет. Сейчас в Федеративной республике свыше полумиллиона бездомных. Приюты не вмещают всех желающих.

— Что же является главной причиной этих бедствий?

— Главную причину вы наверняка знаете: безработица. Биржи труда переполнены полноценными, так сказать, людьми, которые хотят, но не могут работать. Их руки просто не нужны. И представьте себе, что на бирже появляется человек, который, отвечая на вопрос о местожительстве, вынужден называть приют для бездомных. Кто же его возьмет! Иногда обитателей ночлежек привлекают к вспомогательным коммунальным работам. Платят гроши. В буквальном смысле слова гроши, — уточняет Грюнберг.

...В квартире одного из гамбургских домов найдены останки пенсионерки Маргот Франк, пролежавшие там более четырех лет. Журналисты западногерманского телевидения из программы «Монитор» попытались выяснить, как же подобное могло случиться, почему в течение четырех лет никто не поинтересовался судьбой пожилого больного человека. Ответа на эти вопросы не нашли. Лишь родились новые вопросы.

Пенсионерку Маргот Франк действительно никто не искал: родственников у нее нет, а соседям абсолютно не было дела до «какой-то старушки». Не интересовались ею и местные власти, ведомство по социальным делам. Пенсия ей поступала на счет в банке, и это исправно регистрировал компьютер. Тот же компьютер — вот оно, «преимущество» электроники! — регулярно оплачивал все текущие счета уже мертвой

пенсионерки: и за свет и за аренду квартиры вместе с соответствующими налогами.

В сберкассе, правда, удивлялись: Маргот Франк пять раз повышали квартирную плату, и при ее мизерной пенсии она ни разу не протестовала. Никто не обратил внимания и на то, что почтовый ящик пенсионерки не вмещал корреспонденции. Даже врач, который, как выяснилось, был у Франк незадолго до ее смерти, в последующие четыре года ни разу не поинтересовался здоровьем пациентки — счет оплачен, значит, все в порядке.

Журналисты из «Монитора» попытались выяснить, не является ли печальная история с Маргот Франк трагическим, но чрезвычайным исключением. Отнюдь нет. Только в Гамбурге ежегодно регистрируется около 20 случаев, когда люди умирают и об их смерти узнают лишь через несколько недель или месяцев. За каждым из таких случаев — человек, выброшенный за борт общества, состарившийся и ставший никому не нужным.

Одиночество печать называет «существенной проблемой» стариков, которых в западногерманском обществе нередко рассматривают как «балласт». А одиноких людей в ФРГ немало. Только вдов насчитывается более 4,5 миллиона, свыше 500 тысяч вдовцов. В значительной мере это итоги минувшей войны, развязанной гитлеровским фашизмом.

...Работая в Вене, я прочел однажды в местном журнале «Профиль» жуткое исследование о самоубийствах в Австрии. Были помещены вызывающие ужас фотографии людей, «добровольно» ушедших из жизни. Утверждалось, что Австрия занимает первое место на Западе по числу самоубийств, держит в этой области трагический «рекорд».

С тех пор прошло десять лет. Не знаю, сохранила ли Австрия этот «рекорд», а возможно, он перекечал к какой-нибудь другой стране. Но мне запомнились некоторые высказывания психиатров и социологов, занимавшихся этой проблемой, некоторые выводы журналистов.

«Самоубийцами не рождаются», — отмечал «Профиль». И справедливо добавлял: «Ими становятся».

— «Добровольно» из жизни не уходит никто, — заявил профессор Рингель, изучающий проблему самоубийств в Австрии уже четверть века, один из инициаторов международного «Общества по профилактике самоубийств», — 85 процентов спасенных людей рады, что они остались в живых.

В ходе длительного и основательного изучения мотивов, толкающих людей на отчаянный поступок, этот известный австрийский психиатр и его коллеги пришли к выводу: больше всего самоубийств наблюдается в условиях социальной системы, для которой характерен «недостаток чуткости» к запросам человека.

Свыше тридцати процентов самоубийц в Австрии составляли люди, которым за 60 лет. Высока доля самоубийц и среди молодежи.

Одиночество — постоянный спутник буржуазного строя, где отношения между людьми определяют выгода, деньги, положение в обществе. Массовая безработица, инфляция, рост цен ухудшают социальное положение широких масс населения, порождают страх и тревогу за завтрашний день. Они приводят многих людей в отчаяние, наносят им психические травмы, толкают на самоубийство.

Причины ясны: дело в социальной системе, в буржуазном обществе, которое, по свидетельству журнала, «не может предложить человеку ничего теплого, кроме нагревательного прибора». Очень точным было резюме одного венского психиатра: «Лечить надо не самоубийц, а то социальное устройство, которое толкает людей на этот трагический поступок».

Вряд ли нужно добавлять что-либо к этому красноречивому выводу...

ЗАРУБЕЖНАЯ МОЗАИКА

США: СТАТИСТИКА БЕДЫ

Согласно данным, опубликованным Статистическим бюро США, число американцев, чей жизненный уровень лежит ниже черты, официально обозначенной словом «бедность», достигло 35,5 миллиона человек — на 868 тысяч больше, чем год назад. Среди белых граждан наиболее обездоленных — 12,1 процента, среди граждан латиноамериканского происхождения — 28,4 процента, среди черных американцев — 35,7 процента.

«ТАЙМ», США

РАКЕТЫ В РЮКЗАКЕ

Перед вами не персонаж из научно-фантастического фильма, не инопланетянин. Так, по мнению военных экспертов Запада, будет выглядеть солдат 2000 года. В шлеме смонтированы экранчик, дающий представление о положении в зоне боя... Переговорная связь с командиром — через микрофон и наушники... Автомат снабжен лазерным прицельным устройством... Форма в зависимости от условий местности меняет маскировочную окраску... В рюкзаке — две мини-ракеты земля — воздух против самолетов и вертолетов противника... Снимок сделан на выставке-ярмарке оружия в английском городе Олдерсхот. Впрочем, «солдат модели 2000 года» — пока все же утопия, и интерес к этому экспонату был чисто умозрительный. Зато бойко шла торговля «нормальным» оружием — танками, пушками, ракетами, боевыми вертолетами...

«ШТЕРН», ФРГ

Экология и мода

Одна из важных задач индийских зоологов — обеспечить защиту змей, количество которых быстро сокращается из-за хищнического их истребления. Изделия из кожи пресмыкающихся пользуются большим спросом у богатых модниц из капиталистических стран.

Уничтожение или резкое сокращение количества змей беспокоит специалистов потому, что это может нанести непоправимый ущерб экологическому равновесию в результате массового размножения грызунов.

«МАДЬЯР ИФЬЮШАГ»,
ВЕНГРИЯ

СЕЛЬСКОЕ МЕТРО

Восемьдесят крупных городов располагают сегодня линиями метрополитена. Вскоре в этом списке будет фигурировать и... село. Называется оно Серфаус и расположено в австрийских Альпах, в восьмидесяти километрах от Инсбрука, на высоте 1400 метров. Как объяснить появление линии метро, хотя и протяженностью всего 1,3 километра, в этом селе? Тем фактом, что Серфаус — село туристическое. Несмотря на то, что в нем всего 900 жителей, оно располагает 3600 местами для размещения туристов, центром зимних видов спорта, снабженным подвесной канатной дорогой и всем прочим. Однако жизнь местного населения и туристов омрачали тысячи автомобилей: шум, загрязнение воздуха. Отсюда решение построить маленькое «сельское метро». Оно обойдется сравнительно дешево (приблизительно в 80 миллионов австрийских шиллингов), поскольку будет строиться на очень небольшой глубине. Метро бесшумное — функционировать оно будет с вагонами на воздушной подушке.

«ШВАЙЦЕР ИЛЛЮСТРИРТЕ»,
ШВЕЙЦАРИЯ

Рогатые примадонны

Лошади, собаки, обезьяны, тигры, слоны, а в последнее время даже кошки постоянно прописаны во многих цирках мира. А вот приходилось ли вам видеть на арене коров? Надо признать, что эти рогатые артисты — большая редкость в когорте четвероногих циркачей. Но именно вот так, с группой дрессированных коров, постоянно выступает на арене молодая цирковая артистка Ангелика Унгер из ГДР.

«А... Я. МАГАЗИН
ПРО КАЖДЕГО»,
ЧЕХОСЛОВАКИЯ

Я

взбил подушку и прилег на диван. Прежде всего уточним, что мы знаем о Стасе и Герасе, об этих «предпринимателях».

Сделать это сравнительно легко. За три дня у меня скопилось достаточно информации, чтобы составить более менее четкое представление об этой компании.

Глава ее, безусловно, Стас. Он поставщик. Следующее звено Герась. Герась — диспетчер (возможно, и даже наверняка, у Стаса есть еще кто-то, кроме Герася, скажем, Витек из «Страуса»). Добытые трофеи попадают к нему, но сам он продажей не занимается. Герась находит посредников (например, мальчик на побегушках, тот, на «сходняке», в рубашке «полицейский патруль»), распределяет между ними товар, а они реализуют его на рынке.

Итак: поставщик — диспетчер — посредник. Три звена — замкнутый цикл. Структура не бог весь какая сложная, зато надежная и безотказная.

Спрашивается: какая роль в этом отлаженном механизме отводилась Кузнецову?

Поставщиком он не был, поставщик — Стас. Одним из диспетчеров? Маловероятно. Это работа для профессионалов и, как любое профессиональное занятие, накладывает известный отпечаток на личность, на характер и поведение, а у Кузнецова отличные аттестации: честный, порядочный, отзывчивый и так далее. Остается посредник. Теоретически он мог им быть. Но лишь теоретически. Посредник, насколько я могу судить, фигура в этой системе самая неустойчивая, эпизодическая. Его используют всего несколько раз: день, два, от силы неделю. В противном случае он быстро примелькается и обязательно попадет на заметку милиции. Приезжий — вот идеальная кандидатура: никакой мороки и минимум риска.

**Николай
ОГАНЕСОВ**

ПОВЕСТЬ

ИГРАЕМ В СПРЯТЫ

Нет, посредником Кузнецов не был. Пойдем дальше.

После двухдневной проверки, которую он мне устроил, Стас, кажется, поверил, что мы с Кузнецовым были знакомы. Во всяком случае, он заявил, что у нас имелись общие дела, в которые он, Стас, вмешиваться не желает. Может, он меня с кем-то путает? Или ляпнул первое, что пришло на ум? Непохуже. Слов на ветер он не бросает. Каждая произнесенная им фраза сказана не случайно и, несомненно, имеет свое вполне определенное значение. Прекрасно. Какое же? Имел ли он в виду предполагаемые дружеские отношения, якобы связывавшие меня с покойным? Конечно. Но не только это. Что-то еще...

Я встал и прошелся по комнате.

«Это ваши с Кузей дела», — сказал Стас.

«Ваши с Кузей дела... Ваши дела... Ваши...»

А что, если... что, если он решил, будто я участник ограбления?! Что мы с Кузнецовым сообщники?!

Странная мысль, согласен, но — вдруг?!

В таком случае он, конечно, считает, что похищенные деньги находятся у меня. Да что деньги — кажется, он и смерть Кузнецова относит на мой счет! А как же! Это наверняка соответствует его взглядам на конкурентную борьбу: убрал сообщника, убрал конкурента и теперь срочно продаю валюту, чтобы дать деру. Отсюда и «веревка», которой мы «связаны», отсюда угрозы, призывы «понять и смириться». «Мне без тебя не обойтись. А тебе без меня». Дескать, я знаю, чьих это рук дело, а коли так — будь любезен поделиться. Уж не по его ли велению сболтнул Герась «великую тайну» о смерти кассира?..

Ну и ну! Выходит, пока мы бьемся над этой историей, Стас ведет свое собственное дознание, ищет деньги и после сегодняшнего свидания думает, что напал на верный след!

Ладно, так и запишем, гражданин колобок! В одном ты прав: теперь мы действительно связаны одной веревочкой, и мне без тебя не обойтись!

По телевизору передавали краткую сводку новостей.

На Ближнем Востоке рвались бомбы.

В Персидском заливе курсировали авианосцы под звездно-полосатыми флагами.

Наш официальный представитель в ООН выступил с новыми мирными предложениями.

Во Флориде полиция стреляла в демонстрантов. Убиты двое, ранены двенадцать человек...

Мне вспомнился парень с клеймом на рубашке: «Полицейский патруль. 14-е отделение полиции. Бирмингем. Штат Алабама».

Я не искал сравнений, оно само пришло на ум: от Бирмингема до Флориды, где убиты двое и ранены двенадцать, рукой подать. А вот что делает «алабамский полицейский» у нас, на Черноморском побережье Кавказа?! Интересно, задумывался этот парень когда-нибудь, с чьего плеча он носит рубашку?

Я вышел на кухню. На крючке, с обратной стороны двери, висел Нинин халат. Мне вдруг страшно захотелось до него дотронуться. Не знаю почему. Я и дотронулся, но тотчас отдернул руку, точно совершил что-то недозволенное, стыдное, запретное.

Половина пятого. До ее прихода оставалось два с половиной часа.

Я поискал глазами газету. На подоконнике лежала стопа журналов, а сверху альбом в темно-зеленом бархатном переплете.

Вряд ли в нем хранились особые семейные тайны, не то Нина убрала бы его подальше. Я потянул альбом к себе. Он оказался тяжелее, чем я думал, и, выскользнув из рук, грохнулся на пол. Оттуда выпал черный конверт из-под фотобумаги, из него, сверкая глянцем, посыпались фотографии.

Я собрал их с пола и разложил перед собой на свободной части стола. Одну к одной, как карты в пасьянсе.

Ложавшие передо мной снимки были сделаны в разное время, но большим разнообразием не отлича-

лись. На всех без исключения был изображен Сергей. И везде один. Ощущение такое, что и фотографировал сам, пользуясь автоспуском, хотя некоторые кадры без посторонней помощи едва ли получились бы.

Вот он за городом. На фоне усыпанного осенними листьями леса. Правая нога чуть выдвинута вперед, большие пальцы рук просунуты под широкий кожаный ремень. Глаза прищурены, как будто смотрят не в объектив, а на дуло наведенного в упор кольта. Вот он жует резинку, вытягивает из-за крепко сжатых зубов тонкую эластичную нить. Вот стоит, подбоченясь, вполборота к камере, эффектно выгнув корпус.

Следующий снимок — лицо крупным планом: стальной взгляд из-под грубо проточенного козырька, дымящаяся сигарета в углу рта.

Еще один: дача, на крыше редкие пятна снега, у крыльца, опершись на перила, Сергей — в подтяжках, широкополой шляпе с лихо загнутыми полями.

Были и другие. Сергей на пляже. Сергей в баре. Сергей стоя. Сергей сидя. Сергей в прыжке. В майке. В куртке. В коже. В джинсах...

Я смотрел и диву давался. Кто он? Киноактер? Фермер? Скотовод с техасского ранчо? Поди разбери... Речь, конечно же, не об одежде, верней, не только об одежде, одежда что — оболочка...

На ум опять пришел бравый сержант из Алабамы, кучка экстравагантной «попсы» на «сходняке», доморожденные «хиппи», группами и в одиночку шатающиеся по побережью. Откуда это? Откуда искусственные позы, заимствованные ужимки, вкусы, привычки, отстраненные выражения на лицах? Экипировка, наконец? Как откуда? Да ведь это Стас! Стас и его компания! О нет, сам он не настолько глуп, чтобы участвовать в этом маскараде. Он сдержан, собран, он скромно одет — он бизнесмен и хорошо знает истинную цену тряпкам, знает и в прямом и в переносном смысле. Тряпки для него «товар», ничего больше, и он щедро снабжает им других, тех, что поглупее, стимулируя в них желание копировать, подражать, обезьянничать. Обезьянничать с кого попало: с удалых автогонщиков, с импортных и перелицованных на отечественный лад суперменов,

кинотелеэстрадных звезд. И вот уже шагает по нашим улицам «полицейский» — ему неважно, где и во имя чего люди в такой же форме стреляют в демонстрантов, неважно и то, что нет на боку кольта — его отсутствие компенсируют походка и взгляд, презрительно оттопыренная губа. Фирма «Стас и компания» работает с полной нагрузкой. Хотите быть ковбоем? Пожалуйста! А вы, девушка, парижанкой с Пляс Пигаль? На здоровье! Фермером в широкополой шляпе и патентованных подтяжках? Никаких проблем! Будьте ими, будьте кем угодно — только заплатите! Знай там, на родине патентованных подтяжек и чудо-штанов, о наших доброхотах-энтузиастах, грамотой бы наградили от министерства пропаганды, рады бы наградить, да ведь и приняли бы награду, такой вот Стас и принял бы — вот что страшно!

Да, но Стас и его корпорация и дня бы не продержались без еще одного звена в цепи.

Я смешал фотографии, сунул их в альбом. Теперь я знал, кем был Кузнецов! Он был покупателем!

— Полный застой, — так охарактеризовал положение дел Витек, когда я спросил у него, почему «Страус» не лопитесь от посетителей.

К вечеру и бар и его хозяин приняли вид более презентабельный. Под потолком ярко горели светильники. На низких столиках стояли свежие цветы. Сам Витек облачился в строгую черную пару. На его шее красовалась пестрая, удивительно похожая на настоящую бабочка.

— Сезон на исходе, какая уж выручка, — сетовал он, машинально перетирая бокалы. — Студенты развлеклись, а солидная публика ко мне не заглядывает, предпочитает рестораны. Разве что случайно забредут, как эти...

Он кивнул на компанию, занимавшую крайний от входа столик. То были степенные, средних лет мужчины, поглощенные своим, по-видимому, деловым разговором, которому, впрочем, не мешали ваза с фруктами, шампанское и наполовину опорожненная бутылка с марочным коньяком. Кроме них, в баре находились еще трое: парень, клевавший носом в дальнем углу стойки, и две девушки, сосредоточенно танцевавшие под Поля Мориа.

— Да, не густо, — согласился я, прикидывая, с какого конца приступить к тому, ради чего пришел. — Стас не заглядывал?

— Нет. — Витек, прищурившись, посмотрел бокал на свет. — Ну как, поладили вы с ним?

Я и сам не знал, как правильной ответить на этот вопрос, и решил промолчать, но он расценил мое молчание по-своему:

— Тоже верно — не мое это дело.

— Ну почему...

— Не мой масштаб, — охотно пояснил Витек. Челюсти его, как видно, отдыхали, и он был явно не прочь поболтать. — У каждого свой масштаб, свой потолок, выше которого не прыгнешь. У меня такой, — он отмерил расстояние от пола до собственной макушки, — а у Стаса — во! — Он закатил глаза кверху. — Разница!.. Выпьешь чего-нибудь?

— Денег не захватил.

Я покосился на батарею разнокалиберных бутылок. Ассортимент был неограниченным: от итальянского чинзано и токайского до мартеле и японского саке.

— Мудрец он, ваш Стас. Больно многого хочет, — вернулся я к затронутой теме, хотя она и не приближала меня к цели. — Он что, всегда такой?

— Какой?

— Ну, нахрапом берет?

Витек пожал плечами, отчего бабочка на его шее взмахнула крыльями, собираясь взлететь, да передумала и осталась висеть под идеально выбритым подбородком.

— Сейчас пленка закончится, надо сменить, — сказал он, откладывая салфетку. — Извини...

Я сидел как раз напротив двери в подсобку и, когда Витек раздвинул бамбуковую занавеску, ясно различил в глубине помещения фигуру знакомой комплекции. Там сидел Герась. Он с кем-то беседовал, одновременно отхлебывая из горлышка пепси-колу.

Я перебрался на соседний табурет, чтобы разглядеть, кто был вторым. Но мой расчет не оправдался: возвращаясь, Витек заслонил собой щель в занавеске.

Между тем грянула запись с последнего диска Бони М. Девушки в углу задирались поживей. К ним нетвердой походкой подошел разбуженный музыкальный парень и неуклюже запрыгал, водя руками вдоль туловища.

— Разговор у меня к тебе, Витек. — Я решил не оттягивать, ибо ситуация изменилась, и в любой момент из подсобки мог выйти Герась, а свидетели мне были ни к чему. — Хочу приобрести стоящую аппаратуру. Только мне фирма нужна и чтоб без обмана.

— А что конкретно тебя интересует? — Витек наклонился над стойкой. — «Панасоник»? «Джи Ви Си»? «Сони»? «Филипс»?

Откровенность и готовность к услугам с его стороны

объясняли не иначе как моей причастностью к делам Стаса, а также рекомендацией, которую дал мне Герась.

— Меня интересует «Грюндиг».
— Какой модели?
— Желательно последней.
— Стерео или моно? — Вопросы следовали один за другим и свидетельствовали о том, что возможности Витьки практически беспредельны.

— Стерео, — подтвердил я.
— О'кей. — Он соорудил кольцо из большого и указательного пальцев, что означало «сделка состоялась». — Дня через два-три тебя устраивает? Неси бабки, сделаю в лучшем виде. — Витек поставил передо мной рюмку. — Что будешь пить?

— У меня с собой ни копейки, — напомнил я, обдумывая, как бы ловчее подвести разговор к главному.
— Угощая, — расщедрился он. — Такое дело полагается спрыснуть. Чего тебе налить?

— Ну если угощаешь. — Я никогда не пил саке и ткнул в соответствующую бутылку.

Он поцокал языком и отрицательно покачал головой. Жалко, что ли, стало? Я указал на стоящий рядом литровый сосуд с болгарским вермутом.

— Чудак, в них же вода! — рассмеялся Витек. — Обыкновенная водопроводная вода. Приличное поило я в записке держу — только для друзей и по повышенному тарифу.

— Ну ты химик! — вырвалось у меня.
— А то как же, — не обиделся Витек. — Чего добру зря пропадать. Так тебе водку или коньяк?

— Как хочешь. — Я понял, что еще не удостоен чести считаться его другом и, следовательно, не могу претендовать на его личные запасы. — Кстати, сколько будет стоить «Грюндиг»?

— Две с половиной — ответил он и наполнил рюмку.

— Две с половиной? Это дорого.
— Дорого?! — Витек, безусловно, знал свой потолок, но уж здесь не терпел других авторитетов. — А сколько ж ты хотел? Стерео! В упаковке! И пара кассет в придачу...

— Дорого, — повторил я. — Кузя за свой дешевле платит.

— А ты откуда знаешь?
— Он говорил.

— Что там он говорил! — раздраженно бросил Витек. — Я сам ему ту машину доставал, лично. В ней дефект был: автостоп не работал, и клавишу записи задвело, а цена та же.

Он явно химичил, как и со своей псевдоалкогольной коллекцией, но теперь это не имело значения.

— Кузе сбавил, — сказал я, — и мне сбавь.

— Да не сбавлял я ему, не сбавлял! Трепач он был, каких мало. Если на то пошло, магнитофон ему вообще даром достался... — Витек сообразил, что поверить в его альтруизм, мягко выражаясь, трудно, и внес поправку: — То есть почти даром. В долг он брал. Стас за него платил.

— Неважно, кто платил. Важно сколько. — Я изо всех сил старался не выдать обуюющую меня радость. — Сергей сказал, что вернул все долги. Значит, он и платил.

— Вернул?! — не на шутку возмутился бармен. — Из каких же это капиталов он их вернул? Из зарплаты?

— У него «Спринт» выигрышный был.

— Нашел что вспомнить! Он свой выигрыш за месяц спустил. А потом нищим ходил. Что ему босс подкинет, тем и сыт бывал. У меня же шмотье кланчил, торговался за каждый рубль.

— Ты что-то путаешь, — подзадорил его я. — У Кузи деньги водились, это факт.

— Я-то ничего не путаю. Это он тебе лапшу на уши вешал, а ты за чистую монету принял. Кто-то, а уж я его финансы наперечет знал. Он шмотки спокойно видеть не мог, твой Кузя. Ему бы свой счет в банке иметь, а он кассиром в кабаке работал, за сто сорок рз. Он чужие привок считал, а у самого в карманах шаром покати. Еще чистюлей прикидывался, нос веротил, если помощь просили. — Витек одернул пиджак и поправил манжеты, однако страсти в его словах не поубавилось. Правда, последующие его слова плохо вязались с предыдущими. — Кузя, если хочешь знать, умнее всех нас оказался! Шутка сказать — босса облапошил. Стас до сих пор места себе не находит...

— Не сомневаюсь, что экскурс в недалекое прошлое Кузнецова был бы продолжен, но тут затрещала бамбуковая занавеска, и на горизонте показался Герась. Увидев меня, он поморщился и удивленно уставился на бармена.

— Ну, пока, ребята, — сказал я. — Не буду вам мешать. — И специально для Витьки присовокупил: — А насчет цены надо подумать.

— Смотри не прогадай, — ответил он.

Выйдя на улицу, я не удержался и заглянул в окно.

На следующий день я неоднократно и во всех деталях восстанавливал то, что увидел внутри, хотя ничего из ряда вон выходящего там не происходило. Компания за столиком приканчивала вазу с фрукта-

ми. Девушки лихо отплясывали в ритме «диско», а Витек бережно сливал содержимое моей рюмки обратно в коньячную бутылку.

Герась рядом с ним не было. Он вынырнул из-под стойки, что-то сказал бармену и пулей понесся к выходу с явным намерением меня догнать. Я поспешил улизнуть, так как имел все основания полагать, что он снова будет кланчить гонорар за свои труды и отделаться от него будет непросто.

Знай я, что вижу Герася в последний раз и что жить ему оставалось считанные минуты, не стал бы так торопиться.

Но этого пока не знал никто.

В окнах библиотеки горел свет.

Дул ветер. Темно-серые, в черных подпалинах тучи все плотнее затягивали небо. В редких просветах между ними клубились белые и тяжелые, как круто замешанное тесто, облака.

Из дверей библиотеки вышла Нина. Меня она не заметила и пошла в сторону Приморской.

Я перебежал через дорогу.

Сердце колотилось так, точно я явился на первое в своей жизни свидание. Собственно, это и было свидание, хотя из нас двоих об этом знал только я.

У перекрестка Нину задержал светофор, и мы поравнялись.

— Володя? — удивилась она. — Вы что тут делаете? Законный вопрос, непонятно только, почему я не подготовился к нему заранее.

— Да вот, на главпочтамт ходил, за переводом, — ляпнул я первое, что пришло на ум.

— Откуда вы знали, что меня встретите?
— Предчувствие, знаете ли...

— А адрес?
— Какой адрес?

— Адрес библиотеки? Кажется, я вам его не сообщала.

Ну вот, снова надо хитрить, изворачиваться.

— Книга попала с библиотечным штампом, а на штампе адрес... — Наверно, никогда еще мои слова не звучали столь беспомощно.

— И вы решили завернуть по пути с почты?
— Ну да. А вы что, не верите?

— Почему, очень правдоподобно, — сказала она. — Только главпочтамт находится в противоположной стороне.

— Разве? — Я мысленно обругал себя за непроходимую тупость. — Простите, Нина, на меня иногда находит — болтаю, сам не знаю что. Не обращайте внимания...

Однако она ждала более убедительного ответа, и я понял, что, если снова совру, мне уже не завоевать ее доверия.

— ...Понимаете, — запинаясь, начал я, — время тянулось очень медленно, а вас все не было. — Одолев первую фразу, я отважился прибавить: — Я подумал, может, мы погуляем немного. Ведь это не преступление?

В ее глазах промелькнул испуг. Я узнал этот взгляд. Точно так же она смотрела вчера, когда мы сидели рядом в полуметной комнате и я накрыл ладонью ее руки. Возможно, она тоже вспомнила вчерашний вечер, вспомнила и отвела глаза.

— Если я некстати или помешал, вы скажите...
— Мы молча перешли через перекресток и остановились у низкорослой мохнатой пальмы, растущей прямо посреди выложенного плиткой тротуара.

— Напрасно вы встали, — сказала она, рассеянно разглядывая рисунок на панели. — Я оставила таблетки, вы их выпили?

У меня отлегло от сердца. Коли речь зашла о моем хилем здоровье, значит, мир восстановлен.

— Нечего улыбаться. — В ее голосе прорезались нотки, присущие врачам и медицинским сестрам. — При простуде главное — отлежаться. Помоему, у вас и температура еще не спала.

Это не соответствовало действительности, но ничто не заставило бы меня возразить.

— Нина, глупо, конечно, но я весь день ждал этой встречи. Когда вы ушли...

— Не надо! — Она опустила голову и с еще большим усердием принялась изучать рисунок у себя под ногами. — Не говорите так, и вообще мне не нравится, что вы... пора внести ясность...

Ничего хорошего такое вступление не сулило, и я поспешил вмешаться.

— Покажите мне город. Нет, серьезно! Я никогда раньше здесь не был. Надеюсь, хоть в этом вы мне верите? И потом, надо же мне что-то написать матери...

Нина колебалась.

— В конце концов я ваш гость. Давайте погуляем, а заодно внесем ясность. Вы же хотели внести ясность, верно?

Она улыбнулась:

— Не знаю... Дождь вот-вот начнется...

— Чепуха, у меня знакомство в небесной канцелярии...

И тотчас с пасмурного, низко висящего неба на меня шлепнулась первая увесистая капля.

Увы, Нина была права — собиравшийся вторые сутки дождь достиг наконец необходимых кондиций и обещал щедро пролиться на наши головы.

Над нами беззвучно сверкнула молния.

Ослепительно-яркая, она была похожа на остов могучего сухого дерева с много-многоисленными, раскинувшимися на полнеба щупальцами-отростками.

Тишину расколосл гром. Вместе с грохотом на землю обрушился ливень. Не дождь, а именно ливень, потому что вода падала сплошной отвесной стеной. В считанные секунды она окружила крохотный островок у навеса, под которым мы успели укрыться, и мне почудилось, что, кроме нашего таявшего на глазах пятячка суши, на всем белом свете ничего не осталось.

Следующий электрический разряд был поскромнее первого, зато сразу за ним шарахнуло с такой оглушительной силой, что содрогнулась под ногами почва и в воздухе запахло серой. Нина инстинктивно прижалась ко мне. Яростные удары следовали один за другим. Промежутки между ними становились все короче. Нина замерла. Я чувствовал тепло ее дыхания и хотел одного: чтобы гроза никогда не кончалась.

Первое «ты» до того легко слетело с языка, что я этого даже не заметил.

— Тебе страшно?

Она отрицательно покачала головой.

В это время ахнуло где-то совсем рядом, и я еще крепче прижал ее к себе.

Не берусь судить, каким логическим законом оба мы подчинялись в следующие мгновения, но когда в моих ладонях оказалось ее мокрое лицо с отчаянно зажмуренными глазами — губы наши встретились, и случилось то, чего, судя по некоторым признакам, желал не только я...

Сколько прошло времени, пока длился наш поцелуй, рокотал ли при этом гром, сверкала ли молния, сказать затрудняюсь. Наверно, все же сверкала, хотя искры из моих глаз посыпались совсем по иной причине. Пощечина, которую алепила мне Нина, живо привела меня в чувство.

— Стыдно бить больного человека, — упрекнул я, однако ситуация не располагала к шуткам.

Нина неожиданно оттолкнула меня и выбежала из-под навеса.

Я кинулся следом. Сверху хлестало как из ведра.

— Стой! Куда ты?! — Я догнал ее, схватил за плечи и повернул к себе.

По ее щекам стекали струйки воды.

— Пусти, — попросила она. — Пусти, мне больно.

Она, вырвавшись, стремглав побежала по улице.

ГЛАВА 4

1

Около одиннадцати, сопровождаемый отголосками грозы, я брел на Приморскую.

Небо очистилось. Светила луна. Тучи ушли далеко на юго-запад и, верно, висели сейчас где-то над песчаными пляжами Бургаса и Констанцы.

Улицы были пустынно. Вдоль тротуара стояли тихие, неподвижные деревья. Их невесомые кроны, изумрудно-зеленые там, где на них падал свет дуговых фонарей, казались сошедшими с волшебных полотен Руссо. Время от времени я останавливался, но не затем, чтобы полюбоваться игрой красок. Повод был куда более прозаический: меня беспокоил субъект, вот уже с полчаса тащивший следом.

Я засек его на обратном пути с вокзала, где пополнил свою отощавшую казну из лежащих в камере хранения запасов. Собственно, уже там, на вокзале, боковым зрением, что ли, я то и дело ловил на себе чей-то пристальный взгляд, чувствовал, что один и тот же человек назойливо ошивается рядом, но кто именно, не разобрал. Правда, я мог и обмануться и потому, возвращаясь в центр, дал кругляк, намеренно выбирая переулки потише и побезлюдней.

Вскоре убедился, что ошибки нет. Кто-то действительно повис у меня на «хвосте», но, как ни ловчился, рассмотреть фигуру идущего позади субъекта, так и не смог. Вряд ли это был Герась: не та манера, да и сноровка не та. Кто же тогда?

Поразмыслив, я счел за лучшее не мешать. Слежка означала, что интерес к моей особе не потерян. Это должно было радовать, тем не менее особой радости я не испытывал: не такое уж большое удовольствие знать, что на протяжении всего дня за каждым твоим шагом наблюдают. Тем более неприятно, если незадолго до этого ты целовался с девушкой...

И за неимением лучшего собеседника, вступил в беседу с самим собой.

Мрачный тип, дремавший где-то внутри, откликнулся немедленно и с готовностью. Для начала он заявил, что на отношениях с Ниной я должен поставить крест, и чем жирнее, тем лучше.

«Допустим», — согласился я, но его не удовлетвори-

Рисунки
Марины
ПИНКИСЕВИЧ

ла неопределенность моего ответа. Он предупредил, что последствия нашего свидания еще выйдут мне боком. Я и сам это понимал. Под угрозой оказалось практически все, чего удалось достичь: связь со Стасом, моя легенда и многое-многое другое.

«Вот именно, другое,— вставил мой критик.— Ты допустил грубейшую ошибку, спутал свои личные дела со служебными, этого тебе никто не простит».

«Что же делать?» — спросил я.

«А ничего,— пробурчал он.— Возвращайся домой, к мамочке». И, ехидно хихикнув, сгинул.

Я вспомнил разговор, состоявшийся в прошлую пятницу в кабинете у начальства, вспомнил наполеоновские планы, которые строил, сидя на набережной, и почувствовал себя юнцом, незрелым младенцем, из тех, кого, обвязав веревкой, бросают в воду, считая, что это лучший способ научить плавать.

Интересно, думал об этом Симакон, посылая меня на мое первое самостоятельное задание?..

Когда после очередного поворота дорога вывела меня на бульвар, прямоком ведущий к Приморской, я все еще пробовал убедить себя, что случившееся касается только нас с Ниной и никого больше. Однако по мере приближения к «Лотосу» верил в это все меньше.

Я познакомился с ней потому, что того требовали интересы дела. Это верно. Но с некоторых пор... с некоторых пор все изменилось. Когда это произошло? Как и почему? Легче было выиграть партию у Карпова, чем ответить на эти вопросы. Впрочем, какая теперь разница?

Нет, надо иметь хоть каплю самолюбия. Сейчас же пойду, попрощаюсь, заберу зубную щетку, и все.

«А дальше что?» — поинтересовался мой злопыхатель.

«А то: переберусь в гостиницу. Там видно будет».

«Ну-ну, счастливого пути».— ядовито пожелал он.

Подразумевалось, что надеяться на свободные места в гостинице может только такой ненормальный, как я, и что в конечном счете мне придется выбирать между лежаком на городском пляже и скамьей в зале ожидания на железнодорожном вокзале. Других вариантов не предвиделось. Разве что напроститься на ночлег к своему попутчику? Как раз в этот момент его тень упала на проезжую часть дороги.

Я продолжал топтать по лужам, стараясь не замечать, как чавкают промоклие насквозь сандалии.

Шел и думал, что все мои рассуждения не стоят и выеденного яйца.

Перемена местожительства и впрямь была чревата дополнительными осложнениями, а то и полным провалом. Связь со Стасом, разумеется, сохранится, а вот как объяснить ему свой уход? Под каким подать соусом? При его патологической подозрительности любой, самый убедительный предлог может не срабо-

тать, вызвать недоверие. Как ни крути, а пребывание на Приморской говорило в мою пользу, оно, пусть косвенно, подтверждало мою версию о близких отношениях с Кузнецовым, создавало видимость причастности к его делам и делишкам. Стоит уйти, и легенда о мнимой дружбе с Сергеем лопнет как мыльный пузырь.

Имелась еще одна, быть может, самая важная причина: я боялся оставлять Нину одну. Чутье подсказывало, что ей угрожает опасность и что с каждым днем, если не часом, она возрастает. Это ощущение возникло еще вчера, во время утреннего визита, и с тех пор не исчезало...

Откуда-то издали донеслись позывные «Маяка». Половина двенадцатого.

Миновал освещенный холл гостиницы, у которой под гитару резвилась компания подростков, я перешел дорогу, протиснулся между припаркованными к обочине автомобилями и нырнул во двор.

Место для обзора оказалось идеальным. Из-за кустов просматривался значительный отрезок улицы, вход в гостиницу и газоны по обе стороны от входа.

Кроме предававшихся веселью полуночников, у «Лотоса» не было ни души. Вскоре удалились и они.

Мы остались вдвоем: я и мой провожатый, не считая, конечно, обитателей гостиницы, большинство которых, судя по погашенным окнам, давно покоились в объятиях Морфея.

Я не сомневался, что мой спутник не ограничится провожением от вокзала к дому. Но прошло не менее четверти часа, прежде чем от торцевой стены «Лотоса» отделился темный силуэт.

Я до рези напряг глаза. Это был не Герась. Фигура показалась мне знакомой, хотя полной уверенности не было. И лишь когда он вышел на освещенную часть, я его узнал и чуть не присвистнул от удивления.

Он постоял в раздумье, словно специально, чтобы я успел хорошенько его рассмотреть, нерешительно потоптался на месте, потом развернулся и прямо по газону зашагал прочь.

Я выбрался из кустов на дорожку. Очистил налипшую на подошвы грязь и пошел к дому, гадая, что заставило Тофика сменить свою благородную должность таксиста на малопочтенное амплуа соглядата.

2

По комнате, опираясь на костыли, расхаживал плотный, среднего роста парень лет двадцати пяти.

Не исключено, что он был старше или чуть моложе — рыжеватая, коротко остриженная борода и спадавшие на лоб волосы оставляли открытыми только нос и живые, чайного цвета глаза.

Это был тот самый человек, с которым мы столкнулись вчера во дворе и чье внезапное исчезновение привело меня в замешательство. «А ведь он вчера на машине уехал,— подумал я с опозданием на сутки,— оттого я за ним и не угнался». Почему столь простая мысль не пришла в голову раньше, а возникла сейчас, когда это не имело уже ровно никакого значения, непонятно.

И еще я подумал, переступая через порог: «Мир

тесен, и, к счастью, не все в нем необъяснимо».

Увидев меня, бородач остановился.

— Володя? — спросил он обрадованно, точно мое появление было чудом, на которое он уже перестал надеяться.

— Володя,— подтвердил я.

Бородач развернулся и возвестил: — Ну вот, я же говорил! Цел и невредим твой квартирант.— Он в два скачка приблизился ко мне и протянул руку: — Давай знакомиться — Вадим.

— Очень приятно,— ответил я на пожатие.

— Ты где пропал? Мы уже волноваться начали, не случилось ли чего...

— А что со мной могло случиться?

— Вот и я говорю, что с ним сделается, а она...

Я, а за мной и бородач посмотрели на Нину, но она демонстративно отвернулась, всем своим видом показывая, что мое отсутствие волновало кого угодно, только не ее.

— Что ж ты молчишь?! — воскликнул Вадим. — Сама себе места не находила, а теперь... Да вы что, поссорились?

Нина не ответила, я тоже, и он понимающе улыбнулся и окинул меня критическим взглядом.

— Между прочим, для тебя приготовлено.— Он показал на стопку одежды, поверх которой лежали толстые шерстяные носки.— Переодеешься. С тебя вон вода течет.

Что правда, то правда — количество выпавших на меня осадков явно превышало годовую норму. Поэтому я не стал вникать, в какой мере волен распорядиться в доме этот самый Вадим: прихватил вещи и вышел в соседнюю комнату.

В сравнении с моим собственным новым нарядом имел лишь одно, но весьма ценное преимущество — он был сухим. Брюки оказались малы, рубашка потрескивала на швах, а плотный, ручной вязки свитер еле-еле прикрывал локти. Но выбирать было не из чего. Я переоделся и вернулся к гостю.

Вадим расположился на самом краешке дивана, вытянув перед собой ноги в ортопедических ботинках.

— Да, старик, это не Диор,— прокомментировал он мой выход.— Но на пожарный случай сойдет.

— Сойдет.— Я был не прочь узнать, кто он и зачем пожаловал, но спрашивать впрямую было неудобно. К тому же, судя по активности Вадима, дежурными репликами дело не ограничится, а значит, рано или поздно все выяснится само собой.

Однако уже следующий вопрос показал, что интерес друг к другу у нас взаимный.

— Я слышал, ты квартиру меняешь?

— Откуда такие данные?

— Нина рассказала,— сообщил Вадим.

— Вот как?

— Мы ведь с ней старые друзья,— объяснил он.— У нас секретов нет. Так что я теперь о тебе много чего знаю, товарищ Сопрыкин.

Внутри у меня что-то оборвалось. Из всех пилюль, которыми потчевала меня Нина, эта была самая горькая.

— Да-да, конечно,— промямлил я, стараясь вообразить, насколько далеко простираются пределы их открытости и что еще могла рассказать Нина.

Вадим поспешил просветить меня и на этот счет: — Оказывается, ты тоже приезжал сюда каждый год. Странно, что мы не познакомимся раньше.

На секунду я потерял дар речи. Приезжал? Каждый год? Разыгрывают они меня, что ли?

— Прости, что ты сказал?

— Странно, говорю, что мы до сих пор незнакомы,— повторил он. Лицо его оставалось спокойным и доброжелательным.

— Действительно странно.

«Еще бы не странно!» — подумал я, когда ко мне, наконец, вернулась способность рассуждать здраво. Подумал и снова посмотрел на Нину. На этот раз наши взгляды встретились, и я заметил, как в глубине ее глаз загорелись и тотчас погасли лукавые искорки.

Она взяла у меня мокрую одежду и понесла ее на кухню, а я гадал, в чьих интересах появилась на свет эта небылица: в моих, Вадима или в ее собственных?

Оставалось принять к сведению ежегодные поездки, которых никогда не совершал, и поражаться феноменальной точности, с какой было угадано мое сокровенное желание.

— Раньше я здесь чаще бывал,— продолжал тем временем Вадим.— Человек я холостой, свободный. Кста-ти, ты женат?

— Нет.

— Вот и я тоже. Транспорт у меня свой. Никаких проблем: сел за баранку, выехал за кольцевую и знай жми на педаль — через пару дней дорога сама на юг приведет. Бывало, по несколько раз в год приезжал старика своего проводить.

— Старика? — рассеянно переспросил я.

— Ну-да, отца. Он у меня хирург,— уточнил он.— Я ведь родился здесь, только не прижился, как видишь.

— Почему? — Я все еще с трудом улавливал, о чем он толкует.

— Учиться уехал. У нас с учебными заведениями

напряженка, сам понимаешь, курортная зона, не до того. Ну, а выучился, работу предложили, так и застрял в столице. Пока в общаге кантуюсь, а недавно в кооператив записался. Последние годы уже и не тянет сюда. Это для вас, северян, море в диковинку, а меня, знаешь, от переполненных пляжей с души воротит.

— На побывку, значит, приехал?
— Фестиваль послезавтра начинается, слышал?
— Музыкай увлекаешься?
— Увлекаюсь—не то слово. Для меня это работа. Флейтист я, в оркестре. Три фестиваля отыграл, этот четвертый. Можно сказать, бессменный участник.

— Да-да, припоминаю: мне Сергей о тебе что-то рассказывал.—рискнул вставить я, пользуясь Нининым отсутствием. Отныне я защищаю уже не свою, а нашу с ней общую выдумку, и надо было подкрепить ее хоть каким-то подобием доказательств.

При упоминании о Сергее Вадим помрачнел.
— Идиотская история. Дичь какая-то.—Он нахмурился.— Я в понедельник приехал, хотел сразу зайти, проведать, да репетиции время съедают. Програму у нас очень плотная. А вчера газета под руку попала.—Он ткнул в лежащую на столе «вечерку» с заметкой под рубрикой «происшествия».—Прочел и глазам не поверил. Ошибка, думаю. Не может, думаю, быть, чтоб Сергей... Заехал вчера вечером, никого не застал. Весь день сам не свой ходил, не верю, и все тут. Мы ведь с Сереежкой с детства знакомы.—Заметив появившуюся в дверях Нину, Вадим тактично перевел разговор:—А в этом году в Карпаты хочу податься. Мотор у меня в порядке, резину новую поставил. И отпуск как раз подошел. Вот закончим выступления, в тот же день и отчалию...

— Садитесь чай пить.—пригласила Нина.
— Я пас.—Вадим отрицательно мотнул головой.—И так засиделся. Завтра генеральная.—Он поднялся с дивана.

— Пойду провожу.—сказал я и вслед за ним вышел в чернильную темноту двора.
Вопреки ожиданиям Вадим двинулся быстро, уверенно и прекрасно ориентировался на узкой, почти неразличимой в темноте дорожке.

— Давно приехал?—не оборачиваясь, спросил он.
— Недавно.
— Это с тобой мы здесь вчера встретились?
— Да.
— Неловко получилось.
— Неловко.—согласился я.

Мы вышли на улицу и остановились у белого, приткнувшегося багажником к тротуару «Жигуленка».

— Твой?
— Моя,—поправил Вадим,—она у меня женского рода. «Каравелла».—Он любовно похлопал по блестящей крыше.—Посудина хоть куда. Правда, в экипаже один капитан, да и тот,—он хмыкнул,—Джон Сильвер, хоть флаг с костями вывешивай... Давай, старик, сядем, если не против. Мне тяжело стоять.

Я не возражал: обошел вокруг машины, подождал, пока он отойдет дверцу, и сел на покрытое искусственным мехом сиденье.

— Забрось мои ходули.—попросил Вадим.
Я помог ему уложить костыли.
— Хочешь прокатиться?—предложил он.—Потом я тебя обратно доставлю.

— В другой раз.—отказался я.—Настроения нет. Мы опустили стекла—внутри было душно, не продохнуть. Вадим вынул из «бардачка» кассету, вставил ее в магнитофон и надавил клавишу.

— Шопен?—спросил я, услышав легкие, как шестлист листьев, звуки.
— Нет, Филд. Джон Филд. Два моих любимых ноктюрна.—Прежде чем произнести следующую фразу, он долго колебался, а в результате сказал то, что и без слов было очевидно:—Мне поговорить с тобой надо.

Напрасно, старик, вы меня обманываете,—произнес Вадим глухо.—И ты и Нина. Не приезжал ты к ним в гости, это и слепому видно. И вообще вряд ли был знаком с Сергеем. Не те у вас с Ниной отношения, чтобы в гости приезжать. Думаю, что Сергея ты и в глаза не видел...

«Ну вот, сейчас он тоже потащит меня в милицию»,—подумал я, вспоминая, чем закончилась перебранка с Тофиком на ту же скользкую тему.

Но Вадим в отличие от Шахмамедова к обострению не стремился.

— Я это не к тому, чтобы спорить. Наверно, у вас с Ниной не оставалось выхода. Надо же было как-то объяснить мне твое присутствие.—Он говорил подчеркнуто бесстрастно, и чувствовалось, что вступление продумано им еще до того, как мы сели в машину.—Ты не думай, я в ваши отношения вмешиваться не собираюсь да и права такого не имею.

Ездил ты или не ездил, неважно. Просто неприятно, когда тебя за дурачка принимают.

Уличив нас во лжи, он, как видно, изложил лишь часть того целого, что намеревался сказать, причем часть наименее сложную. Дальше его речь потекла не так свободно и напоминала скорее неряшливо составленный конспект или партитуру с пропущенными нотными знаками:

— Просто я хочу предупредить... Это, если хочешь, мой долг... Конечно, ты можешь не слушать, послать меня ко всем чертям...—Он помялся и сделал еще одну попытку перейти к сути:—Тебя, я понимаю, интересует настоящее, тебе нет дела до Сергея, только будь он жив... Не то я говорю, не то...

Во время очередной продолжительной паузы его мысль проделала извилистый путь и приняла неожиданное направление:

— Они не ладил, это не секрет. Слишком были разные. Он попросил на жизнь смотреть, работа его устраивала, и вообще он знал, чего хочет от жизни. Жена, музыка, одежда—в сущности, очень скромные желания. А она... Ты не подумай, я не в упрек, только трудно им приходилось, адски трудно... Да что говорить: ты сам знаешь это лучше меня...

«Хотел бы знать»,—уточнил я про себя.
— Ведь вы с Ниной... Я хочу сказать, что вы, конечно, давно знакомы...

Знак полувопроса оставлял лазейку, и, хотя «ежегодные поездки» давали мне право ответить утвердительно, я предпочел промолчать.

— Понимаешь, старик, так получилось, что ближе этих ребят у меня никого нет.—Вадим откинулся на спинку сиденья.—Мы не виделись по полгода, по году, но я всегда знал, что меня здесь ждут, что мне будет рады. У меня ведь не так много друзей... Их и не может быть много. Ну да ладно, опять я не о том. Семейные неурядицы—дело внутреннее. Возможно... скорее всего, они бы развелись, но и тогда оба остались бы моими друзьями. Оба,—подчеркнул он.—Я хочу, чтобы ты это знал. Я к тому, что... Имей в виду, я не дам Нину в обиду. Если ты решил поразвлечься, учти...—И незаконченное предупреждение прозвучало довольно грозно.—Не рассчитывай, что после смерти Сергея,—слово «смерть» ему не понравилось, и он изменил формулировку,—что после его гибели за Нину некому заступиться.

Он высказался полностью, и наступила пауза. Рядом со мной сидел близкий друг Кузнецова, и пусть мне тоже не по душе было слово «смерть»—как, впрочем, и слово «гибель»,—я адресовал Вадиму вопрос, который задавал себе чаще других:

— И все-таки непонятно, как это могло случиться. Он что, плохо плавал?

— То-то и оно, что нет,—откликнулся Вадим. Он явно обрадовался возможности сгладить впечатление, которое оставила его проповедь.—Плавал Сергей превосходно.

— Может, неважно себя чувствовал?—предположил я.—Или ногу судорогой свело, так тоже бывает.

— Вряд ли. Кто же больной пойдет купаться? Какая в этом необходимость, он что—моря не видел? А судороги... Судороги—ерунда. Для опытного пловца это несмертельно.

Его мнение не расходилось с моим собственным. Пожалуй, если бы мы поменялись местами и вопросы задавал он, я отвечал бы точно так же.

— В газете написано, что он был в нетрезвом состоянии.

И эта попытка поколебать нашу общую точку зрения не увенчалась успехом.

— Мало ли что написано! Ни пьяным, ни больным он не был, можешь не сомневаться. Это так же верно, как то, что в моей флейте четырнадцать клапанов, ни одним больше, ни одним меньше. И вообще, если хочешь знать, не верю я этой заметке.

— Как не верить?—не понял я.
— Не верю, и все.

— Но его видели.—С моего языка чуть не сорвались фамилии Пасечника и Аксеновой—живых свидетелей гибели Кузнецова, но я вовремя спохватился:—Наверняка видели, иначе откуда столько подробностей?

— Утонуть-то он утонул, только я не верю, что это произошло случайно.—Вадим резким щелчком выбросил сигарету и тут же закурил новую.—Возьми, к примеру, дорогу. Когда кто-то попадает под колеса, первое, что мы делаем,—выясняем, кто виноват. Долго и нудно ковыряемся в болтах и гайках, замеряем тормозной путь, ну и так далее. Но есть случаи, когда виновных нет: случай, стечение обстоятельств. Это на дороге. Здесь тоже можно свалить на случай, это, кстати, легче всего. А можно с серьезным видом искать виновного: море виновато, что оно глубокое.

берег—что крутой, Сергей—в том, что не соблюдал каких-то там правил. Ну, а представь на секунду, что он и не собирался их соблюдать, что тогда?

Намек был слишком прозрачным, чтобы искать подтекст.

— Уж не хочешь ли ты сказать, что он...—Не произнесенное вслух слово не помешало Вадиму утвердительно кивнуть в ответ.

— Это единственное разумное объяснение.

— Но ведь должна быть какая-то причина?

— Причина?—Вадим глубоко затаился и сбросил пепел под приборный щиток.—Причин могло быть тысячи. В последний раз я приезжал сюда весной, в мае. Мне страшно не понравилось его настроение. Таким я его никогда не видел.

Он помолчал.

— Сергей был подавлен, нервничал, жаловался, что у них с Ниной не ладится. То винил в этом себя, то вдруг начинал обвинять Нину в глупости, в неумении жить как все. Надо знать Сергея, чтобы понять, каково ему было говорить об этом. Он ведь особой общительностью не отличался, и, раз делился, значит, припекло до крайности. Я пробыл тут дней десять и находился при нем почти неотлучно, боялся оставить одного. Уже тогда было видно, что добром это не кончится, слишком сильно он любил Нину, слишком переживал разрыв. Так и сказал мне перед отъездом: «Я не выдержу, если она меня бросит. Я не могу без нее жить». Это его подлинное слово...

Вадим повернулся ко мне, словно проверяя, внимательно ли я его слушаю.

— Теперь сопоставь факты,—сказал он.—Вывод, по моему, ясен.

Последние дни я только и делал, что сопоставлял факты.

Занятие, чем-то похожее на детскую игру в кубики, где каждый кубик—отдельный фрагмент общей картины. Казалось бы, невелика премудрость: знай себе подставляй их друг к дружке, пока не получишь искомое целое. Была, однако, в этой игре особенность—в кучу оказались свалены сразу несколько разных наборов. К тому же я понятия не имел, как в конечном счете должна выглядеть эта самая общая картинка. К скопившимся на сегодня фактам-кубикам Вадим подбросил новый, и его рисунок никак не стыковался с остальными.

В самоубийцу, который бросается в морскую пучину из-за личной драмы, еще можно поверить. Но при чем здесь деньги? Зачем самоубийце мешки с казенными деньгами? Даже версия Стаса, по которой ограбление совершили мы с Кузнецовым, представлялась более убедительной.

Нет, факты фактами, а с выводами придется поворонить.

Вероятно, Вадим ждал, что я выскажу и свои соображения, и был немного разочарован моей пассивностью.

— Может, надо сообщить об этом в милицию, как думаешь?—спросил он.

Неплохая мысль, правда, несколько запоздалая.

— Зачем? Понадобится, они тебя сами отыщут.

— Также верно.—Он тронул потешного, составленного из крупных коричневых желудей человека, который висел на резинке у лобового стекла, и тот упруго закачался, вода выпученными бусинками глаз.

— Симпатичная штука.—заметил я.—Где купил?

— Тут, в магазине.—Он показал пальцем за спину.—Ты, я вижу, со мной не согласен? Ну, что Сергей...—Вадим искал нужное слово, но так и не смог его произнести.

— Откровенно говоря, нет.

— Почему?

— Долго объяснять.

Я посмотрел на часы: сорок минут назад наступил новый день—пятница, второе октября.

— Ты не обижайся, но уже поздно,—сказал я.—Мне пора.

Вадим пожал плечами.

— Иди, конечно.

Я вышел из машины и обошел ее спереди.

— Постой.—Он высунулся в окошко.—Вот, возьми.—И протянул глянцевою бумажку размером с визитную карточку.—Это контрамарка на открытие фестиваля. На два лица. Для Сереежки доставал.

— Но ведь я...
— Бери.—Он сунул мне билет.—Все. Счастливо оставаться.

С полминуты в близлежащих улицах слышался удаляющийся шум, затем он стих, и наступила тишина.

На мокром, блестящем асфальте, там, где только что стояла «Каравелла», павлиньим пером расплылось радужное пятно бензина.

Продолжение следует.

Наш адрес: 101457, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14. Телефон для справок: 212-15-07. Рукописи, фото и рисунки не возвращаются.

Сдано в набор 04.09.84. Подписано к печати 17.09.84. А 12845. Формат 70×108¹/₈. Глубокая печать. Усл. печ. л. 5,6. Уч.-изд. л. 10,23. Усл. кр.-отт. 17,50. Тираж 1 150 000 экз. Изд. 2672. Заказ № 3458. Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В.И.Ленина. 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Рисунок Михаила МАЛИНА, Вильнюс

Рисунок Т. ЮНАКА, Киев

Рисунок Валерия ХОМЯКОВА, Москва

ШАХМАТЫ ШАШКИ ШАХМАТЫ ШАШКИ ШАХМАТЫ

Под редакцией
гроссмейстера
Виктора ЧЕПИЖНОГО

ПОБЕДИТЕЛЕЙ
ОПРЕДЕЛИЛ ЖРЕБИЙ

Подведены итоги конкурса «Шахматы-83», в котором приняло участие более 2 тысяч наших читателей. Короткая дистанция — 8 туров, состоящих из 16 заданий, предопределила острую борьбу за победу и высокую плотность результатов. Лишь дополнительный критерий — наиболее полное решение с указанием всех тематических вариантов — позволил выделить более 70 участников, набравших максимальную сумму очков — 39.

Для определения 5 победителей и 20 призеров пришлось прибегнуть к жребию.

Победителями конкурса «Шахматы-83» признаны: бригадир полеводческой бригады совхоза «Сазоновский» Владимир Ефимов (п. Сазонов Вологодской обл.), оператор конвертера Евгений Зыкин (Нижний Тагил), электрик Балахинского целлюлозно-бумажного комбината Вла-

димир Коннов (п. Правдинск Горьковской обл.), старший препаратор Львовского института Мирослав Федорив (Львов) и инженер-конструктор Анатолий Дзюба (Таллин); все они премируются шахматными книгами и дипломами.

В число призеров конкурса, награжденных шахматной литературой, вошли: слесарь-сборщик Виталий Бейчун (г. Жданов), учитель физики Сергей Бондаренко (Каменск-Шахтинский Ростовской обл.), младший научный сотрудник Михаил Баржанский (Кишинев), инженер-химик Николай Бербаков (г. Грозный), электрик Валерий Братченко (Хабаровск), аппаратчик Андрис Виртманис (Рига), бухгалтер Юрий Вихарев (п. Сява Горьковской обл.), резьбовщик Евгений Григоров (Обнинск Калужской обл.), машинист башенного крана Николай Зайцев (Краснодар), старший лаборант Владимир Кучеров (Смоленск), разметчик Александр Максимцов (Москва), рабочий стройучастка Юрий Осовский (г. Тотьма Вологодской обл.), электромеханик Анатолий Парфенов (г. Первомайский Харьковской обл.), инженер-электрик Евгений Рудаков (п. Крымский Крымской обл.), геолог Анатолий Селезнев (г. Эмба Актюбинской обл.), инженер Олег Сухов (г. Чирчик Ташкентской обл.), инженер-механик Алексей Стахеев (г. Андропов Ярославской обл.), инженер-теплофизик Александр Фесенко (Киев), слесарь Николай Чистяков (Омск), пожар-

ный Роман Янко (г. Бережаны Тернопольской обл.).

Судейская коллегия награждает дипломами и «неудачников» жеребьевки и надеется, что победители, призеры конкурса, а также участники, не добившиеся пока высших отличий, выйдут на старт наших новых шахматных турниров.

ШАШКИ

Под редакцией
мастера
Виктора КРАМАРЕНКО

ДРЕВНИЙ ДЕБЮТ

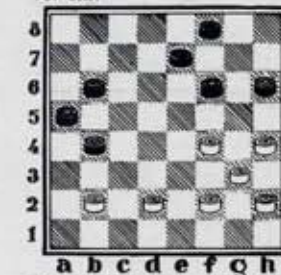
В прошлых выпусках («Смена» №№ 17, 18, 19, 1984 г.) мы рассматривали в дебюте «Кол» систему 1. cd4 ba5 2. dc5 d:b4 3. a:c5 fe5 4. bc3 gf6. Читателям было предложено рассмотреть вариант из партии В. Литвинович — И. Киселев. Большинство читателей правильно разобрались с этим вариантом, но многие не нашли верного продолжения.

В партии было: 11. ab2 ed4 12. c:e5 cd6 13. e:c7 b:b4 14. fg3! ab6. Нельзя 14. ...ba3? из-за 15. ef4 x. На 14. ...gf6? или 14. ...ed6? решает 15. dc3 с выигрышем.

15. ef4! gf6. Проигрывает 15. ...ed6? ввиду 16. ba3! x. Не видно спасения после 15. ...ef7? 16. de3! bc5 17. bc3! b:d2 18. e:c1 cb4 19. cb2 ba3 20. bc3 x. Если 15. ...bc5, то 16. ba3, и ничья достигается

единственным путем: 16. ...gf6 17. ef2 fg7 18. fe3 ed6! и т. д.

16. ef2!

16. ...ba3? Черные не замечают неожиданной комбинации. Плохо также 16. ...ed6? ввиду 17. ba3! Как указал гроссмейстер В. Литвинович, при помощи любительной жертвы шашки: 16. ...hg5! 17. f:h6 ba3 18. bc3 bc5 — черные могли захватить инициативу. Например, 19. gf4! ed6 20. de3 ab4 21. c:a5 ab2 22. fg3 ba1 23. ab6 c:a7 24. ed4 a:e5 25. fg5, добиваясь ничьей.

17. fe3! a:c1 18. fg5 h:f4 19. g:g7 f:h6 20. ef4 c:g5 21. h:d8 bc5 22. df6 hg5. Если 22. ...ab4, то 23. fh8! hg5 24. hg3 ba3 25. hg7 cb4 26. gd4 x.

23. f:h4 cd4 24. hf6! de3 25. fe3, и черные сдались, так как на 25. ...ef2 решает 26. hg3 f:h4 27. ce1 x.

Система развития с 3. ...fg5 1. cd4 ba5 2. dc5 d:b4 3. a:c5 fg5 Черным лучше всего спокойно развивать шашки левого фланга с тем, чтобы в удобный момент начать атаку коловой шашки или

попытаться осуществить связь центра белых. В позиции на диаграмме есть три системы:

I. 4.ed4; II. 4.bc3; III. 4.gf4

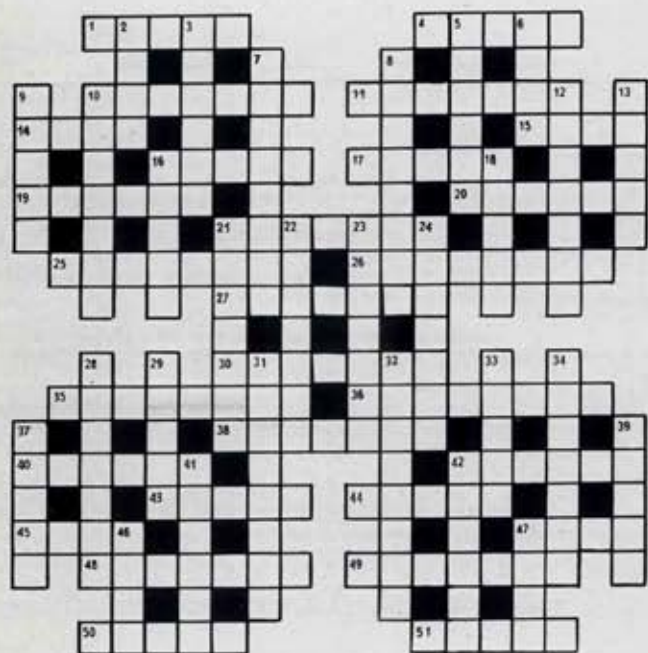

В практике встречается и 4.ef4 g:e3 5.f:d4 (возможно и 5.d:f4 gf6 6.g:h4 fg5 7.h:f6 e:e3 8.f:d4 cd6 9.c:e7 f:d6 10. bc3 hg7 11.ab2 с равной игрой (П. Святой — В. Литвинович, 1966 г.) и могут продолжаться: 1) 5. ...hg5 6. cb6 a:e3 7.d:h6 с обоюдостройной игрой; 2) 5. ...gf6 6.g:h4 cb6 (при желании черные могут форсировать ничью путем 6. ...fe5 7. f:d6 c:c3 8. b:d4 bc7 и т. д. К равной игре ведет 6. ...fg5 и т. д.). 7. hg3 fg5 8. gh4 g:e3 9.d:f4 с равной игрой. К равной игре также ведет 7. de5 f:d4 8. c:e3 bc5 9. hg3 hg7 10. gh4 gf6 11. bc3. 3) Неудачна атака шашки c5: 5. ...cd6 6. ba3 d:b4 7. a:c5 bc7 8. ab2 cd6 9. ba3 d:b4 10. a:c5 dc7 11. cb2 cd6 12. gf4! d:b4 13. ba3, с преимуществом у белых.

Какой из трех систем вы бы отдали предпочтение и почему? На открытках просьба ставить пометку «Шашки, дебют «Кол»».

КРОССВОРД

Составил Л. ШИДЛОВСКИЙ,
пос. Смиловичи
Минской области

По горизонтали:

- Опера А. Н. Серова.
- Народ, живущий на севере СССР.
- Житель крупного города в Нидерландах.
- Пищевой животный клей.
- Лиственное дерево.
- Драма Г. Ибсена.
- Горнопромышленное предприятие.
- Украинский народный танец.
- Организм, сохранившийся как пережиток древних эпох.
- Часть электролампочки.
- Одно из лучших стихотворений Г. Державина.
- Средневековая нравоучительная пьеса.
- Русский железный шлем с острым верхом.
- Верхняя одежда без рукавов.
- Карело-финский музыкальный инструмент.
- Твердая оболочка некоторых плодов.
- Летучая мышь.
- Аппарат для размножения текстов.
- Способ борьбы предпринимателей с рабочими при капитализме.
- Герой повести Л. Н. Толстого «Казаки».
- Электронная лампа.
- Северная морская промысловая рыба.
- Герой гражданской войны.
- Гладкий или обледенелый участок дороги.
- Исследовательское предприятие.
- Линия на карте, характеризующая глубину водоема.
- Хищное животное семейства кошачьих.
- Пастух.

По вертикали:

- Безлюдное место, глушь.
- Боевой корабль.
- Самая высокая в Армении гора.
- Пряность.
- Разноцветность, разнородность.
- Зеленый массив в городе или вблизи него.
- Растительный мир.
- Крупная бабочка.
- Ручная пила.
- Широкое деревянное ведро.
- Сильный порыв ветра.
- Тип соцветия.
- Советский эстрадный артист-пародист.
- Руководство факультета.
- Сцена-повозка в средневековом театре.
- Прямая, соединяющая две точки окружности и проходящая через ее центр.
- Отступление от темы ради побочного вопроса.
- Приток Ангары.
- Предвзятая защита, заступничество.
- Народный поэт Грузинской ССР.
- Немилость.
- Информационный раздел в газете, журнале.
- Слесарно-кузнечный инструмент.
- Зажиточная часть общества в старой России.
- Роман О. Гончара.
- Погрешность.
- Кладка сена, соломы.
- Домашняя птица.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД,
ОПУБЛИКОВАННЫЙ
В № 19

По горизонтали:

- Дуга.
- Юрок.
- Жардиньерка.
- Грош.
- Унты.
- Машиностроитель.
- Химия.
- Джамбул.
- Стриж.
- Огород.
- Коралл.
- Нурлесов.
- Боровик.
- Чичиков.
- Танцовщик.
- Дашков.
- Норрис.
- Липпи.
- Завиток.
- Эсхил.
- Видеомагнитофон.
- Цинк.
- Полк.
- Тьма.
- Языкознание.
- Пакт.
- 50.
- Тьма.

По вертикали:

- Дега.
- Гром.
- Дания.
- «Анатэма».
- Скотт.
- Рань.
- 8.
- Клык.
- Дрожжи.
- Елоугуй.
- 13.
- Шарикоподшипник.
- 14.
- Ультрамикроскоп.
- 16.
- Шитомордик.
- 17.
- Циолковский.
- 21.
- Монитор.
- 22.
- Новиков.
- 24.
- Рукав.
- 25.
- Слица.
- 26.
- Битва.
- 27.
- Кочин.
- 34.
- Башмак.
- 35.
- Киргизы.
- 36.
- Розина.
- 40.
- Ферзь.
- 41.
- Робин.
- 42.
- Оцуп.
- 43.
- Внук.
- 44.
- «Ночь».
- 45.
- Икра.

Спортивный автограф

ОЛЕГ БОЖЬЕВ

*Я очень рад, что Вернигоровский
Венюк чемпиона мира по конькам
нашей страны, и постараюсь повторить
свой успех.*

Ю. Вернигоровский

Как все мальчишки во дворе, он играл в футбол, а из хоккейной коробки «мать за уши вытаскивала». Даже когда стал мастером спорта по конькам, мечтал о футболе и сейчас гоняет мяч чуть ли не каждый день. Нет, сказать про Олега, что он родился конькобежцем, нельзя. Правда, если иметь в виду физические данные, это отчасти так. Благодаря новейшим достижениям спортивной медицины выяснилось, что свойства мышечного аппарата у Олега Божьева идеальные для многоборца.

Непобежденный Эрик Хайден, имея примерно такие же данные, обыгрывал не только многоборцев, но и спринтеров и стайеров. Об этом же мечтает и нынешний чемпион мира.

Первую заявку он уже сделал, выиграв минувшей весной в первенстве СССР все четыре дистанции. Это был один из последних стартов сезона. Не все сильнейшие участвовали, в частности герой Олимпиады Игорь Малков. В его отсутствие у Олега не было «спортивного интереса» бежать в полную силу 10000 метров, тем более что к тому времени он уже стал абсолютным

чемпионом, выиграв три дистанции. Он и не выкладывался, бежал себе спокойно, отстав от соперника, В. Шашерина, одного из сильнейших наших конькобежцев, метров на семьдесят. И вдруг просвет стал сокращаться. Устал Шашерин? Нет, его секунды по кругам были все те же. Это Божьев прибавил и, продолжая прибавлять, приблизился к сопернику, а на финише в острейшей борьбе вырвал победу.

Бывают ситуации — в спорте, как и в жизни, — внешне не столь примечательные, но в них проявляется характер, самая суть его. Таким выдался и этот странный забег, эта «ненужная» победа Божьева, его «неразумный» порыв. Он потом рассказывал, что его «завели» болельщики.

— Они кричали: «Москвич, не имеешь права проигрывать!» Я свободно бежал, мог прибавить, вот я и прибавил...

Может, и так, конечно. А может, и мысль о чести родного клуба (он начал и продолжает тренироваться в рабочем спортклубе «Москвич») его подстегнула.

Болельщики... Но сколько их было? Горстка! До обидного мало, ничтожно мало по сравнению с даже ordinaryм футбольным или хоккейным матчем. Но чемпион мира Олег Божьев не только заметил, а и ответил им (своими действиями на дистанции). И это не столь уж частое проявление спортивного романтизма. Это еще и щедрость чемпиона —

**Фото
Евгения
ВОЛКОВА**

от избытка сил, от упоения удачей. И еще, без сомнения, чемпионская черта его личности: он ненавидит проигрывать. Мало кто об этом знает. Но что мы вообще о нем слышали вплоть до бурного и драматичного олимпийского сезона?

Олег Божьев за последние два года лишь однажды уступил в забеге: двукратный чемпион мира Ван дер Дюйм на последних метрах пятикилометровой дистанции перехитрил дебютанта. Олег всегда и повсюду старается первенствовать: в тренировочных забегах, в матчах по мини-футболу, в изнурительных шоссейных велогонках.

— Мы на велосипеде едем на уровне мастера, очень серьезные тренировки. Бывает, в гонке на 100 километров уже сил нет на финише, но я все из себя выжму, а буду первым, потому что я себя знаю: если проиграю, то настроение испортится, лучше уж нажать, хоть и «через не могу»...

Его успех, можно сказать, триумфальный, выглядит сенсацией и потому кажется вдвойне привлекательным: мы ведь как зачарованные следим обычно за колесом фортуны. Сам он, однако, не считает себя счастливым.

— Счастье — это когда везет. Мне, наоборот, активно не везло на чемпионате мира: два раза в первой паре бежал. А победил, потому что был сильнее всех. Я думаю, сейчас только при таком условии и можно чемпионат мира выиграть...

В справедливости этих слов убеждает результат: очень большой, на дистанции 1500 метров — просто огромный, отрыв от остальных участников. Но как же все-таки родилась эта сенсация? Он никак не «чудо-мальчик», Олег Божьев, ни по возрасту (летом исполнилось 23), ни по стажу занятий спортом. Его взлет скорее можно сравнить со взрывом. Этот взрыв, пожалуй, прозвучал не только болельщикам и спортивные обозреватели, но отчасти и специалисты. Может быть, так и должно было случиться, потому что привлекают внимание прежде всего достижения, а внутренний рост так и остается делом внутренним, для других незаметным.

— До определенного времени, до выполнения нормы мастера спорта, можно заниматься без особого честолюбия, если есть талант, или на одном честолюбии. Но чтобы дальше побеждать, спортсмен должен задуматься всерьез. Уже одного азарта мало. Есть навыки, очень сложные, есть тренированность, но организм взрослеет, и мы сами взрослеем. Спортсмен высокого класса — это тот, кто досконально знает самого себя, знает свой организм, умеет подводить себя к форме, владеть нервами во время соревнований...

Ему очень помогли занятия на имитационной доске. Доску по чертежам сделал ему отец, она стоит в прихожей довольно тесной квартиры. Сколько времени у него уходит на эту домашнюю работу по доводке, шлифовке сложных элементов техники? Сколько сил? Сколько приносится жертв? Вряд ли он сам когда подсчитывал... Но мы ведь пытаемся понять секрет успеха. Быть может, Олегу помогло стать чемпионом и то, что он по своей природе предельно раскован, открыт. Гибкость, душевная пластичность — это все его. Как знать, не помогает ли это органичному поведению на дистанции, где нужна не только сосредоточенность, но и легкость?

Сейчас у него трудный период не только в спортивном, но и в житейском смысле. Титулы, призы, награды, звания — все это посыпалось слишком внезапно. Ему явно не по себе в знойных лучах славы. По свойственной ему привычке или скорее навыку к самоанализу он оценивает и эту ситуацию.

— Вроде бы все по-старому, но что-то изменилось. Не так примитивно — «нос задрал», но все-таки что-то такое есть. Но я этого не допущу. Человек, он на то и человек, чтобы управлять собой...

Цена номера 35 коп.
Индекс 70820

Евгений БИЛЬКИС

